С. И. МУРТУЗАЛИЕВ

ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИЧНОСТИ КАВКАЗЦЕВ И РОССИЯН

Махачкала 2010

УЧРЕЖДЕНИЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
РЕГИОНАЛЬНЫЙ ЦЕНТР ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ДАГЕСТАНСКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА РАН

С.И. Муртузалиев

ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИЧНОСТИ КАВКАЗЦЕВ И РОССИЯН

Махачкала - 2010

ББК 60.545.1-456

УДК 323.17.001.361(=35)

Рецензенты: Магомедова М.А. – кандидат философских наук

Ханбабаев К.М. – кандидат философских наук

Юсупова Г.И. – доктор философских наук

Муртузалиев С.И.

М 915 Проблемы идентичности кавказцев и россиян. – Махачкала: «Формат». Изд. 2-е, испр. 2010. – 166 с., ил.

Монография посвящена проблемам идентичностей, играющим огромную роль в процессах взаимоотношений народов и этнокультурной интеграции. Национальная идентичность не менее, а даже более важна для государства, чем охраняемые границы, конституция, армия и другие институты. После распада СССР формирование гражданской общероссийской идентичности в нашей стране стало далеко не простой задачей, т.к. развитие понятий «российская нация», «российская идентичность» и т.д. не осмыслены полностью на теоретическом уровне - отсюда проистекают трудности практического решения. На основе междисциплинарного подхода и эмпирических исследований предпринята попытка изучения трансформации стереотипа «кавкасионец» в «лицо кавказской национальности», рассмотрен процесс формирования антикавказских фобий в СМИ, проблемы самоидентификации «кавказцев», в том числе и дагестанцев, самоощущения русского населения на Северном Кавказе и самоидентификации россиян в целом.

Для научных сотрудников, преподавателей, аспирантов и студентов, практических работников, а также широкого круга читателей, интересующихся проблемами идентичности.

ББК 60.545.1-456

УДК 323.17.001.361(=35)

© Муртузалиев С.И., 2010

© УРАН РЦЭИ ДНЦ, 2010

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ. ИДЕНТИЧНОСТЬ В ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА 5

ГЛАВА I. МЕТАМОРФОЗЫ «ЛИЦА КАВКАЗСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОСТИ» 30

§ 1. Кавкасионский тип 30

§ 2. Антикавказские фобии средств массовой информации 45

ГЛАВА II. ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИЧНОСТИ «КАВКАЗЦЕВ» 56

§ 1. Самоидентификация «кавказцев» и специфика Дагестана 56

§ 2. Дагестанцы сухим языком социологии 79

ГЛАВА III. ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИЧНОСТИ «РОССИЯН» 114

§ 1. Самоощущение русского населения в России и республиках Северного Кавказа 114

§ 2. Особенности самоощущения и самоидентификации россиян 140

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 160

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ 166

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ 180

ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ.
ИДЕНТИЧНОСТЬ В ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА

После крушения СССР на Россию была поставлена печать «глобального лузера» - страны проигравшей «холодную войну». Возникла вполне реальная угроза перехода страны в разряд «несуверенных» («управляемых») демократий. Спасло, как считается, лишь то, что страна самостоятельно вышла из такого состояния, как «коммунизм», продемонстрировав уникальный опыт вытягивания самих себя из болота по методу Мюнхгаузена. Провал августовского путча 1991 г. наглядно продемонстрировал всему миру способность россиян распоряжаться своей судьбой. С кардинальным изменением социально-политического положения страны возникла необходимость в предложении обществу символической идентичности, основанной не только на формально-правовой, но и на духовной близости людей. Задача весьма сложная, поскольку спецификой современного этапа развития национальных отношений в России является обострение межнациональных и межконфессиональных отношений, кризис национально-государственной идентичности ее граждан.

Понятие национальная идентичность предполагает присутствие у нации триединого чувства:

1) чувства общности исторического прошлого, коллективной веры в общность судьбы данной нации[1];

2) чувства общности настоящего;

3) чувства общности будущего.

В последнее двадцатилетие данный вопрос особенно актуален в самой России и в государствах, образовавшихся после распада СССР, приведший к разрыву прежней национальной идентичности - неизбежным

[1] Smith A.D. National identity and idea of European unity // International Affairs. 1992. Vol. 68. № 1. P. 58.

стало изменение самой идентичности в постсоветских государствах. Не менее актуален данный вопрос в европейских странах бывшего социалистического лагеря и в странах - членах Евросоюза (ЕС). В процессе усиления глобализации существенно обостряется проблема сохранения и укрепления национально-культурной идентичности – она становится актуальной для каждой полиэтничной страны. Более того, формируются новые транснациональные идентичности. Так, в поисках ответа на новые вызовы времени Европа начинает определять себя по-новому, подвергая сомнению модель формирования нации и национальной идентичности в начавшемся XXI столетии.

Вектор движения к единой Европе, к складыванию чувства общности членов ЕС, проходит сейчас и будет проходить в обозримом будущем через призму культурного восприятия западноевропейцев. Между тем у французов, например, до сих пор существует определенное предубеждение против немцев, которые менее чем за столетие трижды вторгались во Францию. Свой комплекс предубеждений, исторических обид и претензий, например, к России наличествует у Азербайджана, Грузии, Молдовы, Украины, Латвии, Литвы, Польши, Эстонии и ряда других государств, вышедших из состава бывшего Советского Союза. Думается (хочется надеяться), что сегодня не только россияне, но и перечисленные выше соседи объективно заинтересованы в том, чтобы внешняя политика России стала одним из факторов складывания позитивных элементов национальной идентичности[2].

Человечество переживает сегодня очередную модернизацию – переход от индустриального общества к постиндустриальному, сопровождающийся социально-экономическим кризисом, охватившим все страны. «Эта третья волна исторических изменений представляет собой не прямое продолжение индустриального общества, а радикальную смену

[2] Разуваев В.В. Национальная идентичность и внешняя политика России // Кентавр. 1993. № 5. С. 3-15.

направления движения, зачастую полностью отвергая прошлое. Происходит полная трансформация столь же революционного характера, как приход индустриальной цивилизации 300 лет назад»[3]. А.А. Зиновьев характеризует современную эпоху как переход человечества от общества к сверхобществу или формирование «глобального человейника»[4].

Эпоха глобализации воздействует на процессы межкультурной коммуникации, взаимодействия и взаимовлияния различных культур друг на друга. Модернизация локальных сообществ, этнополитическая интеграция, возрастающее влияние массовой культуры приводят к стандартизации национальных традиций, размыванию этнической идентичности. Естественной реакцией на эти процессы явилось развитие процессов локализации и регионализации, которые характеризуются определенной долей сепаратизма, особенно ярко проявляющегося в европейских государствах бывшего Варшавского блока и странах, образовавшихся после развала СССР.

Чаще всего процесс локализации преследует цель сохранить существующие отличия одних людей от других, причем этничность превращается в один из важнейших факторов выражения этих отличий. Но с другой стороны, затянувшийся кризис диктует необходимость восстановления и развития международных экономических связей.

Человечество вступило в эпоху глобализации, которая влияет на процессы межкультурной коммуникации, взаимодействия и взаимовлияния различных культур друг на друга. Модернизация локальных сообществ, этнополитическая интеграция, возрастающее влияние массовой культуры приводят к стандартизации национальных традиций, размыванию этнической идентичности. Естественной реакцией на эти процессы явилось развитие в России процесса локализации,

---

[3] Тоффлер Э. Третья волна. М., 2002. С. 556.
[4] Зиновьев А.А. Запад. М., 2003. С. 506.

который характеризуется определенной долей сепаратизма и противопоставления себя Кремлю. Чаще всего процесс локализации преследует цель сохранить существующие отличия одних людей от других, причем этничность превращается в один из важнейших факторов выражения этих отличий.

На Северном Кавказе наблюдается переплетение общемировых и общероссийских тенденций с местной национальной спецификой. Объясняется это тем, что Кавказ с давних времен воспринимался и как пограничный регион и как связующее звено (мост) между Западом и Востоком. Сегодня Кавказ представляет собой один из самых нестабильных регионов, утративших «сознание целостности и единства, ощущение зримого присутствия в мире»[5]. Не случайно многими политологами и геополитиками он рассматривается как регион, которому суждено стать «русскими Балканами», выступив в качестве ключевого звена «евразийского пояса нестабильности», простирающегося от Балкан до Гималаев.

Формированию и закреплению представлений о том, кто «свой», а кто «чужой», кто «друг», кто «враг», способствовало то, что Кавказ всегда являлся одним из важнейших геополитических и геостратегических регионов. Наличие антитезы «мы–они» присуще самосознанию любого типа общности. Основу такого противопоставления составляют устоявшиеся представления о характерных чертах и наиболее ярко выраженных внешних признаках, отличающих «нас» от «чужаков» (иной язык, другие черты лица, темперамент, другая внешность, обычаи, религиозные обряды, иной образ жизни, менталитет и пр.).

В качестве моста Кавказ ориентировался первоначально на контакт с Югом, однако приход России приводит к переориентации его на Север. Местоположение Кавказа на стыке Европы и Азии предопределило особое

[5] Бгажноков Б.Х. Основания гуманистической этнологии. М., 2003. С. 86.

к нему внимание как к удобному плацдарму для продвижения вглубь Среднего и Ближнего Востока, в бассейны Каспийского, Черного и Средиземного морей. Вместе с тем он тысячелетиями был и сегодня остается важным связующим звеном между этими регионами.

Применительно к теме нашего исследования важно отметить и тот факт, что в развитии современного мира четко прослеживаются две тенденции, два противоположных вектора развития. С одной стороны идет процесс единения, утверждения индустриально-информационного общества за счет повсеместного и почти универсального распространения сходных закономерностей, стандартов, товаров и норм жизни, приобщения к общечеловеческим ценностям. Казалось бы, региональные рамки и узконациональные культурные традиции народов должны раствориться в общем «плавильном котле» современной цивилизации, сами нации как этнические общности – исчезнуть, а их этнографические особенности и самобытная культура – унифицироваться. Однако в действительности происходит совершенно иное. Наряду с процессами глобализации и унификации этнической повседневности народов наблюдается «всплеск национализма», который активизировался с конца 1980-х годов.

В советских республиках 1990-х годов, учитывавших многонациональность своего населения и стремившихся к демократическому решению национальных проблем, были заметны попытки утвердить представления о будто бы начавшихся процессах образования «новых наций». Уже в 1992 году Госкомстат России считал, что население РФ следует рассматривать как единую российскую нацию – «нацию-государство», а национальность в паспортах фиксировать записью «гражданин России»[6].

В это же время были и сторонники концепции советского народа как новой общности в ее изначальном варианте. А.И. Вольский, например, считал, что наблюдаемая тенденция к замыканию народов в своих

[6] Тишков В. Дилеммы развития России // Этнополитический вестник России. 1992. № 1. С. 77, 84.

национально-государственных образованиях является лишь временным, случайным замедлением скорости консолидационного процесса[7].

Дуализм человеческого мышления подталкивает к созданию бинарных оппозиций, которые конкретизируются в зависимости от того или иного разнопланового контекста[8]. Рассматриваемая нами тема получила новое звучание с распадом СССР, когда полигосударственная система организации пространства сменила моногосударственную. Трансформационные процессы, сопровождающиеся кризисом идентичности, способствовали поиску новых социокультурных ориентиров новыми независимыми государствами, которые проявляют тенденцию к обособлению и развитию связей с соседними регионами вне России, к интеграции в иные политические системы. Исследователи справедливо отмечают, что и в самой России идет процесс не только внутриэтнической, но и межэтнической идентификации, в конечном счете, - интеграции. Но осмысливать эти процессы, конечно, каждый раз надо с учетом места и времени, в границах не только цивилизации, но даже формально сходных и, более того, общих этнических локальных образований[9].

Ликвидация некогда великой державы - СССР, разрушение советской идеологической машины, стабильной могущественной партии, комсомола и пионерской организации, т.е. тех больших групп, на основе которых формировалась позитивная групповая идентичность советских граждан (например, 18 млн. членам КПСС «было достаточно одного чувства принадлежности к группе, которая имела самый высокий статус в обществе»), привели к тому, что человек (актор) остался один на один с

---

[7] Вольский А. Россию спасут люди без ненависти в глазах // Правда. 1993. 9 сентября.

[8] См., напр.: Элиаде М. Космос и история. М., 1987. С. 202.

[9] Жиляев Д.В. Собственная система исторического регионоведения // Историческое регионоведение Северного Кавказа – вузу и школе (Материалы 9-й всероссийской науч.-практич. конференции). Ч. 1. Армавир, 2005. С. 83; Обсуждение книги В.А. Тишкова «Реквием по этносу» (материалы методологического семинара Института этнологии и антропологии РАН) // Этнографическое обозрение. 2005. № 3. С. 119.

нелегкой жизнью и не знал, кто он такой, на какие ценности ему ориентироваться. Распад СССР и советской системы повлекли за собой массовый «культурный шок» и потерю устойчивой социальной идентичности[10].

Этнические вызовы конца 1980-х - 1990-х годов стимулировали внимание к причинам роста этнической идентичности, ее содержанию и типам (норма, этноцентризм, этнодоминирование, этнофанатизм, этнонигилизм, амбивалентность). В тот период важно было показать, что рост этничности, самосознания у национальностей имеет объективные и субъективные причины, что позитивная идентичность не представляет опасности для общества, а угрозы исходят от гипертрофированной этнической идентичности, нацизма – здесь и надо искать их причины. В начале XXI века, когда актуальная опасность сецессии (выхода каких-то территорий из состава государства) миновала, а сепаратизм в целом по стране (не считая некоторых районов Северного Кавказа) не грозил, встали другие проблемы - борьбы с проявлениями терроризма, с ростом ксенофобий и экстремизма. В этих новых условиях востребована гражданская идентичность, гражданское сознание и поведение[11].

Этим и другим вопросам посвящены многие публикации в независимых дагестанских СМИ. В газете «Настоящее время» опубликовано интервью с ректором Дагестанского института экономики и политики, политологом А.-Н. Дибировым, в котором говорится: «…История показывает, что все федерации (нет, не все, например, Канада, Бельгия, Испания и др. – С.М.), которые были построены на этнической основе – развалились (к примеру, СССР, Югославия, Чехословакия). … Россия, пожалуй, единственная федерация, которая строится на этнической

[10] См. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. 4-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2007. С. 14.

[11] Дробижева Л. Российская идентичность в массовом сознании // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2008 году. Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннее предупреждение конфликтов / Под ред. В.А. Тишкова и В.В. Степанова. М.: ИАЭ РАН, 2009. С. 58.

основе. Слабость этнического принципа построения федерации заключается в том, что каждый этнос внутри государства вроде имеет свою государственность. Получается так, что дагестанцы имеют свою государственность, чеченцы – свою и так далее. Многие стали даже призывать к суверенитету республик, что было ошибочным… То есть эта государственность как бы подспудно формируется в сознании национальных элит. Здесь присутствует мысль, что это суррогатное государство когда-то может стать реальным. Поэтому строительство государства на этнической основе и сохранение федеративности на этнической основе является, в общем-то, бомбой замедленного действия, направленной против единства и целостности Российской Федерации. Поэтому, - считает автор, - путь для сохранения целостности государства – это переход к территориальному принципу устройства федерации… (по мнению одного моего знакомого – «это лекарство хуже болезни» – С.М.). У нас республика многонациональная. У каждой национальности гласно и негласно имеется закрепленность, так называемое этническое представительство во власти. … дагестанская государственность всегда была полиэтничной. Были государственные образования, шамхальства, но всегда они сохраняли свою полиэтничность, да и в дагестанских традициях заложено, что каждый дагестанский этнос, каждая нация должна быть представлена в управлении государством. Перемещались только государственные центры, которые располагались в Кази-Кумухе, Хунзахе, Тарках. И в этой полиэтничной государственности всегда существовала система национального представительства. Можем утверждать, - продолжает А.-Н. Дибиров, - что тогда была некая управляемая демократия. … Не секрет, что в республике сформировалось несколько центров силы: центр силы, представленный президентом республики, который опирается на государственный, политический ресурс; есть центр силы, представленный мэром Махачкалы; существует так называемый

Северный Альянс; тот же Гаджи Махачев сегодня представляет самостоятельный центр силы; центр силы образовался и на юге республики в лице представителя крупного бизнеса и олигархии»[12].

Обращаясь к этой теме, А. Зубов отмечает, что наше государство ныне намного ближе к феодальной монархии, нежели к демократической федеративной республике, объявленной в статье 1 Конституции 1993 года. Разбившись на 83 осколка (в 1993 г. – на 89 осколков), «зеркало российской государственности естественно продолжает отражать ту же самую реальность, какую отражало и целое стекло. И реальность эта – авторитарно-властная, а не демократическая. Вместо одной автократии мы получили» более 80-ти, с элементами самодержавности в провинциях[13] - субъектах РФ.

Проблема самоидентификации, неразрывно связанная с идентичностью, с этническим самосознанием, которая как «этнический парадокс современности» приобрела особую актуальность на рубеже XX - XXI столетий и вызывает повышенный интерес исследователей, которые справедливо отмечают трудности изучения этой сложной проблемы, в значительной мере и из-за различных подходов к пониманию этничности.

Надо отдать должное И. Нойманну, который значительно расширил исследовательское поле. Если в середине прошлого века вопрос о государственной идентичности в основном сводился к проблеме национального характера, то уже в обзоре научной дискуссии по проблеме идентичности И. Нойманн выделил четыре подхода к изучению идентичности, актуальных для международных отношений: этнографический, психологический, подход континентальной философии и так называемый восточный экскурс[14].

Помимо этих подходов существуют и иные. В силу сложившегося

---

[12] Интервью с ректором Дагестанского института экономики и политики, политологом А.-Н. Дибировым // Настоящее время». 2008. № 24 (39). С. 6.

[13] Настоящее время. 2008. № 26 (41).

[14] Нойманн И. Использование «Другого». Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М., 2004.

исторического шлейфа восприятий и представлений в России принципиально важно различать государственное и гражданское самосознание. «И в этом отличие российской ситуации от французской или ситуации в США, Швейцарии, где формирование политической нации-государства связано со становлением самоуправляющегося народа. Там государственная и гражданская идентичности сложились как эквивалентные равнозначные понятия, а у нас они не могут не различаться. Государственная - российская - идентичность, за которую давно активно ратует В. А. Тишков, складывается значительно проще и поэтому быстрее, чем гражданское самосознание россиян. Первая формируется политической волей лидера, политической элитой, политическими антрепренерами, посылающими идеи, интерпретирующие государственность, державность. Правящие структуры, имея в своих руках такие рычаги как СМИ (возможность манипулирования образами прошлого для решения современных проблем и т.п.), возможность влиять на образовательную систему, на культурную политику, на изобретение и внедрение новых символов и знаков (флага, гимна, герба и т.п.), сделать это могли бы в исторически короткие сроки. Для скорейшего достижения этой цели государство поставило перед «исторической наукой и системой образования задачи формирования нового (по отношению к бытовавшему в СССР) нормативного нашего прошлого, конвенциональной “национально-государственной истории” как общего пространства коллективной памяти»[15]. В 1992 году при опросах москвичей - столичных жителей - не более одной пятой идентифицировали себя как россияне[16], а в начале XXI века даже в ряде самых отдаленных районах 80% населения имели такую государственную идентичность, а в

[15] Зверева Г.И. «Национальное измерение» российской истории в современной сториграфии и публицистике // Теории и методы исторической науки: шаг в XXI век. Материалы международной научной конференции. Отв. ред Л.П. Репина. М.: ИВИ РАН, 2008. С. 197.

[16] Опросы проводились Отделом этносоциологии Института этнологии и антропологии РАН, рук. исследования - Ю. В. Арутюнян.

целом по России до 65% населения (2006, 2008 гг.)»[17].

Заметим, что Северный Кавказ и Дагестан – это не безымянный «ряд отдаленных районов», а один из самых проблемных южных пограничных регионов России и ситуация здесь с государственной идентичностью не столь благостная. Не случайно в наступившем 2010 году (19 января) президент России Дмитрий Медведев объявил о создании нового Северо-Кавказского федерального округа и назначил его руководителем экс-губернатора Красноярского края Александра Хлопонина, который также будет занимать должность вице-премьера России. Перед новым главой округа и новым президентом Республики Дагестан Магомедсаламом Магомедовым стоит сложная задача, которую необходимо решать на фронте общероссийской идентичности региона. Аналитики газеты «Новое дело» справедливо отмечают: «Это вопрос намного более сложный, чем допустим, возведение завода или посадка коррумпированного чиновника, здесь пересекаются религиозные, этнические, культурные и прочие факторы самоидентичности. Тут уже кропотливая работа на десятилетия вперед, в итоге которой каждый северокавказец, оставаясь самим собой, должен понимать, что его родина – не только высокогорный аул, район или даже республика, но и вся Россия»[18].

Весьма сложно обстоит дело с формированием гражданского самосознания, связанного с комплексом социально-психологических предпосылок в обществе, с заменой исторически сложившихся представлений у громадного большинства населения, переориентацией его с патерналистских настроений на деятельностную самоорганизацию, солидаризацию вокруг ответственности за свою судьбу и жизнь окружающих. Различение государственного и гражданского сознания в России еще

[17] Дробижева Л. Российская идентичность в массовом сознании. С. 58.
[18] Ахмеднабиев А., Шахбанов М. Новая метла для нового округа // Новое дело. 2010. № 3. С. 7.

только начинает происходить[19]. При этом исследователи подчеркивают, что различая государственное и гражданское самосознание, они понимают, что между ними нет пропасти, и даже в наших российских условиях они в чем-то перекрещиваются, особенно в условиях «демократического перехода»[20].

Обсуждая, например, проблемы «южного подбрюшья» России, можно услышать, что общая «кавказская» идентичность даже «не разламывается», она «крошится». Северокавказский суперэтнос представляет как раз тот вариант, когда близкие, схожие по многим параметрам культуры, пытаясь избежать ассимиляции и в целях этнической безопасности, стремятся не к слиянию, а к обособлению.

У националистической политики есть свои интересы, но эти интересы узкие, неустойчивые и труднореализуемые. Одними манипуляциями и обещаниями трудно удерживаться у власти. Периферийный этнонационализм захлестнул Россию в 1990-е годы. Его чеченский вариант переродился в вооруженный сепаратизм с международно-террористическим компонентом. Затем на передний план вышел этнонационализм шовинистического толка, один из лозунгов которого был «Россия для русских!». Согласно опросу ВЦИОМ, доля поддерживающих эту идею (лозунг) за пять лет – с 1998 по 2002 годы выросла с 46% до 55%[21]. Одним из активных представителей этого толка является этнонационалист с замашками тоталитарного сектанта А. Дугин[22], который в 2005 году возглавил движение «Евразия» (боевые дружины – «опричное воинство»). Дугин успешно сочетает статус вполне официального политолога и репутацию одного из ведущих идеологов

---

[19] Дробижева Л. М. Российская и этническая идентичность: противостояние или совместимость /Россия реформирующаяся. М., 2002. С. 242. Данные на 2006 г. по Российскому мониторингу экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ, RLMZ) Института социологии.

[20] Многотысячные демонстрации 1990-х гг. в поддержку демократизации, электоральные голосования свидетельствовали о пробуждении ответственности за судьбу страны, народа.

[21] Философские науки. 2007. № 1. С. 12-13.

[22] Дугин А. Русский вопрос // Росая. 2007. № 7. 22-28 февраля.

«русского фашизма»[23].

Сегодня, в условиях распространения в РФ капиталистических отношений, традиционные и иные факторы межнационального сплочения уже не столь крепки и без дополнительных усилий со стороны государственных структур не могут служить гарантией единства страны. Объясняется это тем, что в перестроечный период получили развитие проявления интолерантности, национального эгоизма. Современный националистический (этнический) экстремизм (как и терроризм) тесно смыкается с конфессиональным экстремизмом. Для привлечения на свою сторону наибольшего числа сторонников, этнические экстремисты и террористы широко используют религиозные экстремистские идеи, нередко пытаются подменить национализм религией или синтезировать эти два понятия. Неслучайно в последние годы наблюдается стойкая тенденция соединения религии и политики, которая, по нению многих исследователей, способствует развитию конфликтности в собственно межконфессиональных и межэтнических отношениях и как следствие распространению экстремизма и терроризма.

Правительство РФ сознает тяжесть положения в этой сфере. В данной связи Д.А. Медведев указывает: «В числе первостепенных задач остается и жесткое противодействие национализму и экстремизму. Любая пропаганда сепаратизма, национализма, религиозной нетерпимости – это, безусловно, вызов стабильности и единству нашего многонационального государства. Здесь уже нужна не только работа по последствиям, но и эффективная профилактическая деятельность, самое тесное взаимодействие с

[23] См. об этом, например, статью А. Умланда в данном сборнике, а также: Ла-рюэль Марлен. Александр Дугин - идеологический посредник // Цена ненависти. С. 226-253.

институтами гражданского общества»[24].

Как известно, отношения между различными этническими группами – одна из самых уязвимых сфер человеческих отношений. В эту плоскость проецируются социально-экономические и политические проблемы, которые, как показало развитие постсоветского общества, нередко оборачиваются этнофобиями, межэтническими конфронтациями и политическим противостоянием.

Думается, именно этим объясняется тот факт, что в последние годы наблюдается заметный рост интереса к тематике идентичности. В то же время продолжаются споры вокруг концептуализации самого понятия, поскольку специалисты разных отраслей гуманитарного знания вкладывают в него разное содержание. Формируется потребность в систематизации знаний по проблемам, связанным с изучением идентичности, и, в перспективе, по разработке общей стратегии исследований. Для этого требуются консолидированные усилия российского научного сообщества, которое бы занималось данной тематикой - социологов, психологов, экономистов, культурологов, географов, ведущих исследования региональной идентичности и представителей других дисциплин.

Важным шагом в решении этой задачи явилось создание (21 ноября) в рамках Конгресса Российской ассоциации политической науки (Москва, 20-22 ноября 2009 г.) координационной группы Экспертной сети по междисциплинарному исследованию идентичности. На первом заседании были обсуждены возможные направления работы и формы координации усилий исследователей, занимающихся изучением различных аспектов идентичности. В качестве основных направлений были выделены теоретические аспекты анализа идентичности,

[24] Медведев Д.А. Выступление на расширенном заседании коллегии Федеральной Службы безопасности. 29 января 2009 года // Официальный сайт Президента РФ //http://www.kremlin.ru/appears/2009/01/29/1425_type63378_212235.shtml

исследования ее составляющих и уровней с упором на региональную идентичность, а также дискурсы идентичности.

Конкретные направления исследования в рамках «Сети» составляет следующий круг вопросов:

- теория идентичности: концептуализация понятия, основные составляющие;

- проблемы национальной (гражданской, национально-цивилизационной, политической) идентичности;

- её соотнесение с формированием наднациональной (макро-региональной – в рамках ЕС, других регионов мира) идентичности в условиях глобализации;

- формирование идентичности на уровне регионов как субъектов национального государства с преимущественным вниманием российским регионам;

- конструирование идентичности в пространстве публичной политики[25].

Понятие идентичности стало широко использоваться в социальных науках после работ Э. Эриксона. Он обратил внимание на особенности проявлений идентичности в условиях общественных трансформаций[26]. Рассматривая идентичность в динамике, Эриксон показал ее взаимосвязь с социальной действительностью и функционированием культуры. Эти подходы оказались важными для России, когда, возрождая и собственные традиции, российские социологи стали рассматривать социальные категории, в том числе государственные и этнические, через стратегию построения «мы-идентичностей» (Ядов В. А., Данилова Е. Н, Климова С. Г. и др.). Используя наработки социальных психологов Г. Тежфела, Дж. Тернера, антрополога Ф. Барта, социальные идентичности - гражданские и

[25] Новости РАПН. 2009. Вып. 5 (43), декабрь.
[26] Erikson E. Identity and the Life Cycle //Selected Papers Psychological Issues. NY, 1959. Vol. 1. P. 52.

этнические - рассматривались в контексте межгрупповых отношений[27]. Определенную роль в этом отношении сыграли работы В.А. Тишкова. Ему принадлежала инициатива рассматривать российскую идентичность как осознание принадлежности к российской нации в значении политической общности.

Необходимость обращения к проблеме идентичности вызвана тем, что она играет огромную роль в процессах взаимоотношений народов и этнокультурной интеграции. **Национальная идентичность есть общеразделяемое представление граждан о своей стране, ее народе и чувство принадлежности к ним. Она не менее, а даже более важна для государства, чем охраняемые границы, конституция, армия и другие институты. Государства создаются людьми и существуют потому, что каждое новое поколение граждан разделяет общее представление о государстве и признает его.**

Любое государство, общество или регион, имеющие этническую и религиозную неоднородность, в целях обеспечения мира и своей безопасности нуждаются в достижении этноконфессиональной толерантности. Рассматриваемая проблема имеет особую актуальность для нашей республики и всего региона Северного Кавказа, где проживает разное по этническому и религиозному составу население, имеет место межэтническая напряженность и сложная религиозная ситуация[28]. Именно этим объясняется наше преимущественное внимание к болевым «точкам» рассматриваемых вопросов, поскольку традиционно-гламурное освещение межнациональных проблем в духе толерантности и т.п. и без того имеет обширную историографию, зачастую затушёвывающую истинное положение

[27] Более всего это было понятно этносоциологам, которые изучали этническую идентичность в сопоставлении с другими идентичностями (Арутюнян Ю. В., Губогло М. Н., Дробижева Л. М., Рыжова С. В., Солдатова Г. У, Сагитова Л. В. и д.)

[28] Муртузалиев С.И. Этнопсихологические аспекты межнациональных отношений в «зоне нестабильности» (эмпирические исследования в Дагестане и на Северном Кавказе). Махачкала, 2006. С. 7-8.

вещей, а значит и разработку необходимых мер для исправления ситуации.

Объектом и предметом нашего исследования являются «кавказцы» и «россияне» - оба термина - маркеры. Первые – это условно-обобщенное название автохтонных этносов Кавказа (которые с таким же успехом условно могут быть названы «горцами»), прежде всего Северного, с акцентацией внимания на Дагестан. Вторые – это так же условно-обобщенное название всего населения России, в том числе и русского, живущего на территории Северного Кавказа, которое в реальной жизни мы (как и они сами) не отделяем от «россиян».

Дагестанцы, как и большинство граждан России, пребывают в состоянии идентификационного вакуума. Формирование гражданской общероссийской идентичности в нашей стране далеко не простая задача, потому что понятия «российская нация» и «российская идентичность», их формирование и развитие не осмыслены полностью на теоретическом уровне. На практике, как совершенно справедливо отмечает В.А. Тишков, пока никто, кроме В.В. Путина и Д.А. Медведева, не произносит вслух название нашей гражданской нации – российская.

Изучая идентичность, мы исходим из широкого ее понимания, где компонентами являются отнесение себя к социальной и этнической группам, государственной общности, стереотипные представления о своей группе (образ “мы”) в соотнесении с гетеростереотипными (представлениями о “других”). По мысли американского социолога С. Хантингтона, “идентичность – самосознание индивида или группы. Она представляет собой продукт самоидентификации, понимания того, что вы или я обладаем особыми качествами, отличающими меня от вас и нас от них. Важность изучения идентичности заключается в том, что она определяет поведение человека”[29].

Избранный нами подход объясняется тем, что научный анализ,

[29] Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М., 2000. С. 653.

проведенный Институтом этнологии и антропологии РАН, Сетью этномониторинга показал, что нынешние россияне в большинстве своем воспринимают более сложное понимание слова «нация» и «национальность». Уже миллионы россиян, выезжая за рубеж и заполняя консульские анкеты, пишут в графе «национальность» слово «Россия», «россиянин», а не свою этническую принадлежность. В.А. Тишков верно замечает, что такова общемировая практика, и нет смысла ее отвергать. Соглашаясь с последними словами В.А. Тишкова, заметим наличие определенной натяжки – попробуйте написать в анкете «дагестанец» или «даргинец» и Вам очень долго придется объясняться с чиновниками консульства или посольства! (Не следует торопиться ставить телегу впереди лошади). Противники сложного понимания нации встречаются больше среди политиков, интеллигенции, масс-медийного сообщества и некоторых религиозных деятелей, которые были выучены по старым советским прописям или же которые забыли постулаты мировых религий о единстве последователей одной веры и о веротерпимости. Известно, что православное христианство в России объединяет не только русских, но и представителей многих других народов, равно как и среди последователей ислама находятся представители разных российских национальностей. «Среди множества идей и проектов по поводу того, что есть Россия, наиболее актуальной и адекватной является *стратегия утверждения российской идентичности среди граждан страны прежде всего в форме патриотизма, знания страны, ее истории и культуры. В этом и состоит суть формирования российской нации*»[30].

Выполненное в 2007 г. Институтом социологии РАН при поддержке Фонда имени Фридриха Эберта исследование, также пришло к выводу, что

---

[30] Тишков В. Гражданская идентичность и этнокультурное развитие // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2008 году. Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов / Под ред. В.А. Тишкова и В.В. Семенова. М.: ИАЭ РАН, 2009. С. 56-57.

«роль россиянина, гражданина России является сейчас самой распространенной «я-идентификацией». А понятия «житель определенной местности», и «представитель конкретной национальности» отстают от нее в разы[31]. Нам предстоит выяснить насколько данный тезис применим к Дагестану.

Итак, предметом исследования является проблема современного восприятия и отношения к «своему» («русскому») и к «чужому» (напр., «лицо кавказской национальности») в обыденном сознании народов, населяющих Северный Кавказ и Россию в целом, а также ее отражение в средствах массовой информации и т.д. Одним из основных объектом исследования является студенческий социум, от которого в значительной мере зависит завтрашний день России, а также представители других возрастных и социальных групп российского населения.

Целью исследования является предварительный анализ (т.к. изучение проблемы будет продолжаться) самоидентификации «кавказцев» и «россиян», специфики их межэтнических и этнокультурных отношений на рубеже XX-XXI веков, расширение теоретической и эмпирической базы исследования рассматриваемой проблемы.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи:**

1) Обобщить и критически осмыслить имеющийся материал;

2) Дать анализ этнополитической ситуации на Северном Кавказе и уровня межэтнической напряженности в современном трансформирующемся обществе;

3) Исследовать особенности исторического развития и факторы, способствовавшие выработке устоявшихся представлений о характерных чертах, присущих «своим» и «чужим»;

---

[31] Российская идентичность в социологическом измерении. Аналитический доклад, М., 2007, препринт (Институт социологии РАН)) (Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2008 году. С. 56-57.

4) Проследить процесс формирования автостереотипов (представлений о «себе») на Кавказе на основе соотнесения с гетеростереотипами (представлениями о «других»);

5) Рассмотреть проблемы самоидентификации «кавказцев», в том числе и дагестанцев, самоощущения русского населения и самоидентификации россиян;

6) Изучить процесс формирования антикавказских фобий в СМИ.

Хронологические рамки исследования. Нижняя планка определена временем активизации политики Российской империи на Кавказе и её утверждением в регионе - XIX веком. Верхняя – XX век и начало XXI столетия.

Исследование того, как меняется Россия, как трансформируются отношения между населяющими ее народами, как развивается процесс этнокультурной интеграции, должно включать не только геополитическую составляющую данного явления, но и его антропологическую парадигму. При этом необходимо учитывать тот факт, что значение имеют не только, и даже не столько, «объективные» социальные различия, но и способы активизации их символического звучания. В этом отношении различные образы «Другого» играют важную роль в формировании российской идентичности, достижение которой проблематично при отсутствии позитивного межкультурного диалога. Наглядными негативными проявлениями этого является, к примеру, предвзятое отношение к «лицам кавказской национальности», набирающая обороты ксенофобия и т.д.

Характерным признаком России является культурное многообразие. Но где существует многообразие, там существуют и разделяющие препоны. Поэтому одним из важнейших аспектов изучения современной России является проблема соотношения стратегий регионального развития и процессов самоидентификации. Но не следует забывать о том, что идентичность часто оказывается тем фактором, который может

использоваться в качестве не только созидательной, но и разрушительной силы: движение за признание автономий, активизация националистических движений за объединение с соседними государствами. В этом случае изменение политических границ или их статута, эксперименты с использованием региональных стратегий могут привести к серьезным социально-политическим и этнокультурным последствиям. «Поэтому, - как отмечает М.Ю. Мартынова, - изучение взаимовлияния регионализма и идентичности, анализ теоретических построений и эмпирического материала по данной проблеме, представляется сейчас крайне важным»[32].

Методы исследования:

1) комплексное использование методов интеллектуальной истории (истории, исторической этнопсихологии, этноконфликтологии, этнополитики, этносоциологии);

2) изучение проблемы с позиций «новой локальной истории», которая позволяет выявлять не только и не столько типичные, сколько индивидуальные и уникальные черты, своеобразие исторических феноменов;

3) научно-критический анализ собранной совокупности фактов во взаимосвязи и взаимообусловленности изучаемых явлений;

4) важный методологический принцип работы - российское пространство рассматривается как единое и открытое сравнительному анализу поле исследования. Кавказ в целом и Северный Кавказ в частности, составляющие часть этого пространства, имеют сходные проблемы и специфику, которые во многом детерминированы созданными на протяжении длительных исторических периодов условиями их политического и этнокультурного развития.

Источники: справочно-информационные материалы; статистические данные. Межэтнические отношения, этнопсихологию восприятия «своих» и «чужих» позволяют проследить письменные исторические источники и

---

[32] Мартынова М.Ю. Введение. Меняющаяся Европа: Проблемы этнокультурного взаимодействия. М., 2006. С. 9.

литературные сочинения XIX столетия, а на современном этапе – материалы СМИ, телевизионные программы, в отдельных случаях – официальные документы, материалы последней переписи населения РФ (2002 г.). Важным источником информации являются результаты собственных и иных (других авторов) эмпирических исследований, проведенных в Республике Дагестан, на Северном Кавказе, в других субъектах РФ.

Отдельные аспекты рассматриваемой нами темы имеют довольно обширную **историографию** - это исследования республиканских, региональных, российских и зарубежных ученых, работающих в различных областях науки: история, этнополитология, социология, психология, конфликтология, религиоведение, культурология и др.

В 1998 году Региональным центром этнополитических исследований выпущена книга «Межнациональное согласие как фактор обеспечения стабильности общества в условиях многонационального Дагестана». В работе освещаются роль и значение социально-экономических, политико-правовых, духовно-нравственных и национально-культурных факторов в обеспечении стабильного и безопасного развития дагестанского общества, в сохранении и укреплении межнационального согласия в многонациональном регионе Российской Федерации. На основе указанных выше факторов и изучения общественного мнения путем проведения социологических опросов предлагается вниманию органов государственной власти РФ, РД, общественных объединений, партий и организаций вариант проекта «Договора об общественном согласии в многонациональном Дагестане»[33].

Большой интерес представляет монография М.М. Магомедханова «Дагестанцы …»[34]. Автор прослеживает особенности этноязыковой ситуации в горных и равнинных районах РД, влияние миграций,

---

[33] Алиев А.К., Юсупова Г.И. Межнациональное согласие как фактор обеспечения стабильности общества в условиях многонационального Дагестана. Махачкала, 1998. С. 49.

[34] Магомедханов М.М. Дагестанцы: Этноязыковые и социокультурные аспекты самосознания. М.: ООО «ДИНЭМ», 2008.

урбанизации, этнических смешений на изменение социо-культурного облика и языковых ориентаций дагестанцев. Значительное внимание уделено Магомедхановым вопросам корреляции этнической и конфессиональной идентичности, формам актуализации этнического и гражданского самосознания, этническим стереотипам. Особое внимание уделено проблеме сохранения языкового многообразия и культурной самобытности народов Дагестана.

Проблемам этнокультурой идентичности народов Северного Кавказа, преодоления этнической, социальной и конфессиональной нетерпимости посвящена работа М.З. Магомедовой[35]. На основе социологического исследования автором рассмотрены некоторые особенности межэтнического и межконфессионального взаимодействия народов Северного Кавказа.

Многие вопросы социально-экономического и политического развития, гражданской идентичности, этнического и религиозного многообразия освещены в коллективном труде «Северный Кавказ в национальной стратегии России»[36]. Книга содержит работы ученых и общественных лидеров по проблемам национальной стратегии России на Северном Кавказе и роли этого региона в обеспечении стабильности и развития многонационального российского государства.

Материалы международного научного семинара изданы в книге «Неоконченный анализ: ксенофобные настроения…»[37], в которой авторы статей рассматривают проблемы роста национал-патриотических организаций среди молодежи, негативную стереотипизацию отдельных народов и т.д.

В Ростове-на-Дону 9 - 10 июня 2009 года прошла Всероссийская

---

[35] Магомедова М.З. Идентичность и толерантность как условие стабильности северокавказского социума / М.З. Магомедова; [отв. Ред. А.К. Алиев]; Регион. Центр этнополит. Исслед. ДНЦ РАН. Махачкала: ИПФ «Наука-Дагестан», 2009.

[36] Северный Кавказ в национальной стратегии России / Под ред. В.А. Тишкова. М.: ФГНУ «Росинформагротех», 2008.

[37] Неоконченный анализ: ксенофобные настроения в молодежной среде / Под ред. Е. Омельченко, Е. Лукьяновой. Ульяновск: Изд-во УГУ, 2009.

научная конференция на тему «Национальные элиты и проблемы социально-политической и экономической стабильности»[38]. Материалы сборника содержат тезисы докладов участников конференции, в которых раскрываются проблемы социально-экономического и политического развития южного макрорегиона, многие из которых представляют интерес для изучаемой нами темы.

Ключевым проблемам национальной политики и межнационального согласия в полиэтническом регионе посвящены материалы республиканской научно-практической конференции, состоявшейся 24 ноября 2009 года в г. Махачкала[39].

Большой интерес представляют материалы последнего издания ежегодного доклада Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов[40]. Здесь, в частности, опубликована статья В.А. Тишкова, посвященная динамике национальной идентичности (С. 5-10). Интерес представляет также «Часть 2. Гражданская и этническая идентичность» (С. 56-92) и «Часть 5. Мониторинг этнополитической ситуации», прежде всего, раздел «Южный федеральный округ» (С. 263-298) данного ежегодного доклада Сети.

Для раскрытия темы использовались труды Д.И. Аминова и Р.Э. Огаяна[41], С. Беликова[42], З.Т. Гасанова[43], Л.М. Дробижевой[44], Н.Ф. Дубровина[45], В.К. Мальковой[46], Д. Нестерова[47], М.Н. Покровского[48], З.В.

---

[38] Национальные элиты и проблемы социально-политической и экономической стабильности: Материалы Всероссийской научной конференции (9-10 июня 2009 г. Ростов-на-Дону) / Отв. Ред. акад. Г.Г. Матишов. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2009.

[39] Национальная политика и межнациональные отношения полиэтническом регионе. Материалы научно-практической конференции (24 ноября 2009 г.). Махачкала: ДГПУ, 2009.

[40] Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2008 году. Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов / Под ред. В.А. Тишкова и В.В. Степанова. М.: ИАЭ РАН, 2009.

[41] Аминов Д.И., Огаян Р.Э. Молодежный экстремизм. М.: Триада, 2005.

[42] Беликов С. Бритоголовые. М.: Независимое издательство «Пик», 2003.

[43] Гасанов З.Т. Воспитание культуры межнационального общения: методология, теория, практика. Махачкала, 1998.

[44] Дробижева Л.М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. М., 2003.

[45] Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т.1. Кн. 1.СПб., 1871.

Сикевича[49], В.С. Собкина, З.Б. Абросимовой, Д.В. Адамчука, Е.В. Барановой[50], Г.У. Солдатовой[51] и другие ее работы, Т.Г. Стефаненко[52] и другие ее работы, Р.А. Фадеева[53], А. Хадиковой[54], В.А. Шнирельмана[55]; монографии и коллективные исследования: «Мониторинг дискриминации и национал-экстремизма в России»[56], «Ксенофобия: вызов социальной безопасности на юге России»[57]; труды зарубежных исследователей, изданные в переводе на русский язык: Д. Мацумото[58], Р. Майлз, М. Браун[59] и др..

Особого внимания заслуживают исследования В.А. Шнирельмана и ряда других авторов, посвященные анализу материалов периодической печати, в числе которых особое место занимают публикации в так называемой желтой прессе.

Обращаем внимание читателя на то, что жанр предлагаемой его вниманию работы можно определить как научно-публицистическое изложение некоторых основных аспектов недостаточно изученного на регионально-республиканском и общероссийском уровне комплекса взаимосвязанных проблем, очерченных выше.

Автор будет признателен за конструктивные замечания и дополнения, которые будут полезны при дальнейшей работе по изучению проблем идентичности.

---

[46] Малькова В.К. «Не допускается разжигание межнациональной розни…» М.: Academia, 2005.

[47] Нестеров Д. Скины. Русь пробуждается. М.: Ультра-культура, 2003.

[48] Покровский М.Н. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. М., 1923.

[49] Сикевич З.В. Русские: «образ» народа. СПб.: Изд-во СПБ университета, 1996.

[50] Собкин В.С., Абросимова З.Б., Адамчук Д.В., Баранова Е.В. Подросток: нормы, риски, девиации. М.: ЦСО РАО, 2005.

[51] Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М., 1998.

[52] Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. М., 1999.

[53] Фадеев Р.А. Шестьдесят лет кавказской войны. Тифлис, 1860.

[54] Хадикова А. «Лица кавказской национальности» в постсоветском пространстве России: истоки этнического негативизма http://www.viu-online.ru/science/publ/bulletin2_6_2000/page7.html

[55] Шнирельман В.А. «Чистильщики московских улиц»: скинхеды, СМИ и общественное мнение. М., 2007; Он же: Патриотическое воспитание: этнические конфликты и школьные учебники // Расизм в языке образования, / Под ред. В.Воронкова, О.Карпенко, А. Осипова. СПб.: Алетейя, 2008.

[56] Мониторинг дискриминации и национал-экстремизма в России / Под ред. Ю. Башиновой, Н. Таубиной. М.: Фонд «За гражданское общество», 2006.

[57] Ксенофобия: вызов социальной безопасности на юге России / Под ред. Ю.Г. Волкова. Ростов н/Д: СКНЦ ВШ, 2004.

[58] Мацумото Д. Психология и культура. СПб., 2002.

[59] Майлз Р., Браун М. Расизм. М.: РОССПЭН, 2004.

ГЛАВА I. МЕТАМОРФОЗЫ «ЛИЦА КАВКАЗСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОСТИ»

§ 1. Кавкасионский тип

Приступая к изучению любой темы или явления необходимо определиться с терминологией, которая составляет «понятийную опору» - ключ исследования, так как различия в понятийной базе приводят к предметным противоречиям. Чтобы избежать их, необходимо обозначить понятийный аппарат, использованный в настоящей работе. В нашем случае речь идет не о терминах, а о стереотипах - конструктах весьма сложных и многогранных и потому требующих более детального изучения.

Предваряя исследование важно подчеркнуть два фактора. Первый - стереотип начинает действовать еще до того, как включается разум. Это накладывает специфический отпечаток на данные, которые воспринимаются нашими органами чувств еще до того, как эти данные достигают рассудка. Ничто так не сопротивляется образованию или критике, как стереотип, так как он накладывает свой отпечаток на фактические данные в момент их восприятия.

Второй - содержание стереотипов определяется факторами социального, а не психологического порядка. И именно враждебные, полные предрассудков стереотипы, а не механизм стереотипизации сам по себе - явление сугубо отрицательное, способствующее стабильности межгрупповых отношений, основанных на господстве и подчинении.

С другой стороны, этнические стереотипы часто выполняют негативную роль, когда используются индивидом в процессе межличностного восприятия при недостатке информации, например, о конкретном партнере по общению. Опасность враждебных и пренебрежительных стереотипов, а значит, и основная причина их изучения, состоит в возможности сходных реакций в ответ на сходные стереотипы. Как будет показано ниже в этом одна из главных причин превращения «кавкасионца» в «лицо кавказской национальности».

Рассмотрение занимающей нас проблемы следует начать с краткого экскурса в историю появления интересующего нас стереотипа, т.к. формирование идентичности теснейшим образом связано с интерпретацией исторических событий. В этом аспекте особый интерес представляет содержательная статья Т. Венедиктовой.

В первом томе монументальной «Естественной истории» (1749 г.) графа де Бюффона семь дней сотворения мира претворяются в семь эпох – по тысяче лет каждая, на протяжении которых земная поверхность постепенно охлаждалась. Люди, по предположению Бюффона, произошли в шестую эпоху и там, где единственно могли произойти – на Кавказе, между 40 и 50 градусами широты, в климатической зоне, идеально подходящей для зарождения прекрасного. Поэтическая магия мифа (о Прометее, о Ясоне) и авторитетность библейского текста (к горе Арарат пристал Ноев ковчег после потопа, отсюда пошло племя Иафетово) причудливо соединяются у автора с научно-детерминистской логикой. Чем дальше распространялся людской род от кавказского Эдема, предполагал Бюффон, тем более проявлялись в нем черты вырождения: в африканцах (на юге) и лапландцах (на севере) они, по его мнению, более чем очевидны.

Прозрения Бюффона развил профессор медицины Геттингенского университета Йоганн Фридрих Блю(у)менбах. В своем «Трактате о естественном многообразии человечества» (1775 г.) он поддержал гипотезу

о происхождении европейцев с Кавказа и ввел термины «*Varietas Caucasia*» и «*Caucasian race*«, которые используются для обозначения белой расы, относящихся к ней жителей Европы. Название возникло от того, что Блю(у)менбах также считал Кавказ первым местопребыванием белого человека, а потому племена, жившие в его время на Кавказе, он признавал наиболее чистым и несмешанным типом этой расы. В своем «Трактате о естественном многообразии человечества» (1775 г.) он нарисовал воображаемый портрет истинного кавказца: *цвет кожи белый, щеки розовые; волосы темные или каштановые…лицо овальное, правильное, черты умеренно выраженные, лоб гладкий, нос узкий, с легкой горбинкой, рот маленький…подбородок округлый. В целом, облик, который, в соответствии с нашими представлениями о симметрии, представляется наиболее привлекательным и красивым*[60].

Блю(у)уменбах писал: «Кавказский тип - для изучения я взял именно этот тип, горский тип Кавказа, потому как его южный склон производит самую красивую расу людей, под этой расой я в первую очередь подразумеваю грузин. Все физиологические признаки сводятся к этому. Таким образом, мы должны с большей уверенностью утверждать, что Кавказ это место рождения белого человека».

Согласно А. Г. Гаджиеву, для большей части аваро-андо-цезов характерен западный вариант кавкасионского антропологического типа балкано-кавказской расы. Отличительными особенностями западно-кавкасионского варианта являются: большая длина тела, лицо широкое, высокое и среднепрофилированное, высота носа большая при малой ширине, преобладают выпуклые формы профиля спинки носа, кончик носа и основание представлены преимущественно опущенным вариантом. Волосы преимущественно тёмно-каштановые, встречается небольшая примесь

---

[60] Привод. по: Венедиктова Т. О происхождении лиц «кавказской национальности» // Неокончательный анализ: ксенофобные настроения в молодежной среде / Под ред. Е. Омельченко, Е. Лукьяновой. Ульяновск: Изд-во Ульяновского гос. ун-та, 2009. С. 71-82.

Аварец - представитель восточно-кавказионского антропологического типа

Халил-Бек Мусаясул. Портрет аварки из села Чох в национальном костюме. Германия, 1939.

темно-русых и рыжих волос. В цвете радужной оболочки глаз преобладают смешанные оттенки. Отмечается значительный процент светлых глаз. Кожа по сравнению с другими кавказскими популяциями очень светлая. Данные возрастной антропологии фиксируют наличие у аваро-андо-цезской популяции в детстве более высокого процента наличия каштановых, рыжих и русых волос, чем в юношеском возрасте[61].

Кавкасионский тип некоторые современные учёные считают конечным результатом трансформации каспийского типа в условиях высокогорной изоляции. По их мнению, формирование кавкасионского типа в Дагестане относится к XIV веку до н. э. Гипотезу длительного автохтонного развития - изоляции в условиях труднодоступного высокогорья подтверждает анализ палеоантропологических находок, сделанных академиком В.П. Алексеевым в 1974 г. в этих районах. Рассматривая проблему происхождения кавкасионского типа, В. П. Алексеев отметил: «Теоретические споры вокруг проблемы происхождения этого типа привели к более или менее однозначному решению вопроса и его древности: он формировался автохтонно в составе

[61] ru.wikipedia.org/wiki/Аварцы

местного населения центрального предгорного Кавказского хребта не позже, чем в эпоху бронзы, а может быть, и в более раннее время». Однако существует и другая точка зрения, согласно которой, каспийский антропологический тип не имеет прямого отношения к кавкасионскому, являясь несколько депигментированным в результате смешения с кавкасионцами ответвлением индо-памирской расы[62].

Высказывается весьма обоснованное предположение, что в носителях кавкасионского комплекса признаков можно видеть потомков древнейшего населения, заселившего Кавказ еще в эпоху палеолита. Речь идет о карачаевцах, балкарцах, осетинах, горных этнографических группах грузинского народа**,** аварцах и группе так называемых андоцезских народов Западного Дагестана. Это население характеризуется сходством морфологических черт и своеобразным комплексом признаков, получившим название «кавкасионского» антропологического типа (от грузинского названия **Кавказа** - Кавкасиони)[63].

По мнению Блю(у)менбаха, по мере удаления от Кавказа человеческий род дегенерировал, в итоге образовав нечто вроде пирамиды: ее высшая точка - «кавказец-европеец», две низшие - восточноазиатский «монгол» и африканский «эфиоп», и есть еще промежуточные типы «малайца» и американского «индейца». В основу классификации положен цвет - идея о том, что в первоначально белой коже (Почему белой? Потому что легче белому потемнеть, чем темному осветлиться - такое объяснение Й. Блюменбах счел достаточным) по мере дегенерации накапливался «угольный пигмент»[64], то есть чем дальше от Кавказа, тем темнее цвет кожи.

Прозрения Блю(у)менбаха оказались весьма живучи. Причем Гегель, к примеру, обратил особое внимание не на внешность, а на духовную

---

[62] ru.wikipedia.org/wiki/ Аварцы
[63] Интернет // Кавкасионский тип. Материал из Википедии - свободной энциклопедии.
[64] Венедиктова Т. Указ соч. С. 76.

Они относятся к кавкасионскому антропологическому типу[65]

составляющую этнической культуры: «Только в кавказской расе, дух приходит к абсолютному единству с самим собой, только здесь дух вступает в полную противоположность с условиями природного существования, постигает себя в своей абсолютной самостоятельности, вырывается из постоянного колебания туда и сюда, от одной крайности к другой, достигает самоопределения, саморазвития и тем самым осуществляет всемирную историю»[66].

Представление о кавказце как эталоне человечества привело к тому, что середине XIX века френологи (основатель учения - Франц Йозеф Галль) предъявляли претензии к знаменитой статуе Венеры Милосской за

[65] http://www.adamalla.com/showthread.php?t=2549
[66] Гегель. Философия духа // Энциклопедия философских наук: В 3 т. М., 1977. Т. 3. С. 408.

то, что у неё слишком маленькая голова и череп не соответствует идеальным кавказским параметрам. Еще больше претензий френологи

предъявляли образу Свободы, запечатленной на полотнах и медалях времён Французской революции из-за несоответствия образу идеального кавказца: низкий, покатый лоб явно свидетельствовал о недоразвитости её моральных и интеллектуальных способностей. Т. Венедиктова задается вопросом: «Что же в итоге? … история, в которой строгость ученых концепций и безапелляционность экспертных суждений то и дело сополагаются с вопиюще предвзятыми посылками и

сомнительными практическими выводами?»[67] и приходит к выводу, что причина в стереотипизации.

В книгах современных американских социологов и историков, нью-йоркских профессоров Элизабет и Стюарт Юэн[68] убедительно показано, что «расцвет стереотипизации (о стереотипизации см. ниже) был тесно связан с развитием объективных способов отображения жизни - визуальных и количественных, с подъемом социального престижа науки и ростом влияния масс-медиа. В современном мире способность фотографических образов и цифр транслировать «ничьё», объективное, квазибожественное знание кажется само собой разумеющейся. В его глубине, однако, скрываются «слишком человеческие» заинтересованность, предубеждение, эстетические и иные эмоции. В частности, такая как страх. **Химерических «лиц кавказской национальности» порождало и продолжает порождать наше бессознательно-опасливое воображение»** (выд. нами - С.М.)[69], - пишут Элизабет и Стюарт Юэн.

Итак, возникший в середине XVIII века образ «истинного кавказца» - идеал, образец для всего человечества, - победно утверждался в течение двух следующих столетий (заметим, до настоящего времени термин *Caucasian* в английском языке является стандартным обозначением белой расы), как вдруг на рубеже XX - XXI веков на красавца кавказца с белым цветом кожи (см. выше) в силу каких-то причин начинают навешивать оскорбительные и обидные ярлыки и прозвища, например, «чернож….» и т.д., а само «лицо кавказской национальности» начинает вызывать у определенной части населения России, а затем уже и за рубежом, негативную реакцию, ассоциируется с чем-то нехорошим.

В чем причина подобной трансформации? Попробуем разобраться в произошедшей метаморфозе, но для начала возвратимся к понятийному

---

[67] Венедиктова Т. Указ соч. С. 77-80.
[68] «PR или Умение «раскручивать». М., 2006, а также в других работах этих ученых.
[69] Цит. по: Венедиктова Т. Указ соч. С. 72, 80.

аппарату.

Стереотип - это эмоционально-смысловой комплекс, «склеившийся» с впечатлением или образом настолько крепко, что может в качестве «реакции» предшествовать «стимулу», предвосхищать его. Мысль о связи стереотипизации (как социокультурной практики) с формированием нового типа общества впервые была сформулирована американским журналистом Уолтером Липпманом еще в 1922 г. в книге «Общественное мнение»[70]. Согласно Липпману, можно вывести следующее определение: стереотип - *это принятый в исторической общности образец восприятия, фильтрации, интерпретации информации при распознавании и узнавании окружающего мира, основанный на предшествующем социальном опыте*.

Система стереотипов представляет собой социальную реальность. У. Липпман пояснял: «По большей части мы не даем определения тому, что заведомо определили. В громадном, цветущем, шумном и запутанном многообразии внешнего мира мы выделяем то, что культура уже определила, и обычно воспринимаем выделенное в той форме, которую культура отлила для нас в стереотип». Набор общих мест, прописных истин, готовых рамок восприятия позволяет привычно и уверенно ориентироваться в окружающей среде, чувствовать себя в ней «как дома»: комфорт, уют, экономия сил. И наоборот, усомниться в стереотипе – все равно, что пошатнуть мировые устои: «Когда речь идет о важных вещах, - писал Липман, - мы зачастую не готовы признать различие между собственной вселенной и вселенной как она есть». Отсюда – возможность и даже вероятность несправедливого отношения к Другому, который в моей «собственной вселенной» маргинал, никто или помеха.

[70] Липпман У. Общественное мнение /Пер. с англ. Т. В. Барчунова, под ред. К. А. Левинсон, К. В. Петренко. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004.

Определение Липпмана обладает значительным познавательным потенциалом для социологов и социальных психологов, т.к. позволяет проводить различение между тем, что предстаёт и тем, что представляют.

Липпман, Уолтер - *американский эссеист, политический обозреватель, автор оригинальной концепции общественного мнения (1889-1974)*

Современные определения термина «стереотип» вытекают из приведенной выше формулировки Липмана для обозначения распространенных в общественном мнении предвзятых представлений о членах этнических, классовых, политических и профессиональных групп. В словаре по социологии читаем: **«Стереотип социальный** – (от греч. *stereos* – и *typos* - отпечаток) – схематизированное представление о к.-л. социальном объекте (человеке, группе, явлении), обладающее большой устойчивостью. С.с. нередко складывается на основе достаточно ограниченного прошлого опыта или ограниченной информации, что иногда приводит к фиксации второстепенных, случайных признаков объекта… Особенно распространенными являются этнические С., когда на основе ограниченной информации об отдельных представителях той или иной этнической группы делаются предвзятые выводы относительно всей группы. …»[71].

В этнопсихологическом словаре приводится следующее определение: «**Стереотип национальный (этнический)** – схематизированный образ представителя какой-либо этнической общности, обычно представляющий

[71] Краткий словарь по социологии / Под общ. Ред. Д.М. Гвишиани, Н.И. Лапина; Сост. Э.М. Коржева, Н.Ф. Наумовап. М.: Политиздат, 1988. С. 389.

собой упрощенное, иногда одностороннее или неточное (искаженное) знание о психологических особенностях и поведении людей другой национальности. В основе С.н. часто лежат предубеждения, сформировавшиеся на базе ограниченной информации об отдельных представителях какой-либо нации или народа. Исходя из них, люди могут делать предвзятые выводы и неверно вести себя по отношению к представителям данной национальной общности. …»[72].

Д.В. Ольшанский дает следующее определение: «**Стереотип** - это стандартизированный, схематизированный, упрощенный и уплощенный, обычно ярко эмоционально окрашенный образ какого-либо социально-политического объекта (явления, процесса), обладающий значительной устойчивостью, но фиксирующий в себе лишь некоторые, иногда несущественные его черты. Иногда определяется как неточное, иррациональное, чрезмерно общее представление. В широком смысле - это традиционный канон мысли, восприятия и поведения, шаблонная манера поведения»[73].

Особый интерес для нашей темы представляет исследование Т.Г. Стефаненко[74], в котором рассматриваются функции и свойства этнических стереотипов.

Этнические стереотипы - это один из видов социальных стереотипов, а именно те из них, которые описывают членов этнических групп, приписываются им или ассоциируются с ними. До сегодняшнего дня в обыденном сознании и в средствах массовой коммуникации об этнических стереотипах весьма распространено мнение как о исключительно отрицательном феномене. Во многом это связано с тем, что в мировой науке чаще всего изучались негативные стереотипы

---

[72] Этнопсихологический словарь / Под ред. В.Г. Крысько. М.: Московский психолого-социальный ин-т, 1999. С. 248-249.

[73] Ольшанский Д.В. Глоссарий по политической психологии. М.: РУДН, 2003. С. 89.

[74] Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. М., 2007. С. 285-290.

подвергавшихся дискриминации этнических меньшинств. Отсюда же проистекает и отождествление стереотипов с предрассудками. Однако необходимо проводить четкое различение между стереотипами как социальным явлением и *стереотипизацией* как психологическим процессом. В социальной психологии последних десятилетий стереотипизация рассматривается как рациональная форма познания, как частный случай более универсального процесса категоризации: создавая социальные категории, мы обращаем внимание на характеристики, благодаря которым люди, принадлежащие к той или иной группе, воспринимаются похожими друг на друга и отличающимися от других людей.

Объективно необходимой и полезной *психологической функцией стереотипизации* со времен У. Липпмана (см. выше), многими исследователями считалось *упрощение и систематизация обильной и сложной информации*, получаемой человеком из окружающей среды. Так, сторонники теории «сбережения ресурсов» главную функцию стереотипизации видят в обеспечении индивидов максимумом информации при минимальном интеллектуальном усилии. Иными словами, предполагается, что стереотипы в процессе социального познания избавляют индивидов от необходимости интерпретировать социальный мир во всей его сложности, но являются низшей формой представлений о социальной реальности, представлений, которые используются только тогда, когда недостижимы высшие, более точные и индивидуализированные представления.

Однако восприятие человека как члена группы вовсе не означает искажения его «подлинной» индивидуальности, и здесь сами стереотипы представляют собой полезные способы восприятия. Наш мир сложен для восприятия не только из-за количественной перенасыщенности информацией, но и в результате ее качественной неопределенности.

Стереотипизацию следует рассматривать как средство постижения социального значения информации, иными словами, она существует главным образом не для того, чтобы экономить познавательные ресурсы воспринимающего индивида, а скорее для того, чтобы отразить социальную реальность.

Стефаненко приводит мнение британского психолога А. Тэшфела о том, что стереотипы способны защитить не только ценности индивида, но и его социальную идентичность[75]. Исходя из этого, в качестве основных *социально-психологических функций* стереотипизации следует рассматривать межгрупповую дифференциацию, или оценочное сравнение, чаще всего в пользу своей группы, и осуществляемое с ее помощью поддержание позитивной социальной идентичности. Иными словами, предназначение стереотипов - наладить отношения группы прежде всего не с другими группами, а внутри нее самой, создав образ, позволяющий ее членам идентифицировать себя в водовороте истории. Вспомним классическое: «мы - не рабы, рабы - не мы». С этой точки зрения, «сверхзадача» социальных стереотипов - обеспечить пусть символическую, но целостность социальной общности.

Впрочем, встречаются и проявления предпочтения чужих групп. Низкостатусные группы, например этнические меньшинства, могут соглашаться с относительно более низким их положением в обществе. В этих случаях они склонны развивать негативные *автостереотипы* (стереотипы своей группы) и позитивные *гетеростереотипы* (стереотипы чужой группы).

Тэшфел выделил и две *социальные функции стереотипизации:* 1) объяснение существующих отношений между группами, в том числе поиск причин сложных и обычно печальных социальных событий; 2) оправдание существующих межгрупповых отношений, например

[75] Tajfel H. Social stereotypes and social groups // Intergroup behaviour. Oxford, 1981. P. 144-167.

действий, совершаемых или планируемых по отношению к чужим этническим группам. Т.Г. Стефаненко добавляет к этим двум «более общую социальную функцию – сохранение существующих отношений, ведь объяснение и тем более оправдание отношений между группами с помощью стереотипов необходимо прежде всего для сохранения этих отношений»[76]. Психологический механизм стереотипизации во все времена использовался в различных реакционных политических доктринах, санкционирующих захват и угнетение народов, для сохранения господства поработителей путем внедрения в массовое сознание негативных стереотипов в отношении побежденных и порабощенных.

Иными словами, содержание стереотипов определяется факторами социального, а не психологического порядка. И именно враждебные, полные предрассудков стереотипы, а не механизм стереотипизации сам по себе - явление сугубо отрицательное, способствующее стабильности межгрупповых отношений, основанных на господстве и подчинении. С другой стороны, этнические стереотипы часто выполняют негативную роль, когда используются индивидом в процессе межличностного восприятия при недостатке информации о конкретном партнере по общению.

Среди наиболее существенных свойств этнических стереотипов выделяют их *эмоционально-оценочный характер.* Эмоциональные аспекты стереотипов понимаются как ряд предпочтений, оценок и настроений. Эмоционально окрашенными являются и сами воспринимаемые характеристики. Другим важным свойством этнических стереотипов считается их *устойчивость, стабильность,* даже *ригидность.* Хотя стабильность стереотипов не раз подтверждалась в эмпирических исследованиях, она все-таки относительна: при изменении

[76] Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. М., 2007. С. 289.

отношений между группами или при поступлении новой информации их содержание и даже направленность могут изменяться.

Еще одно свойство этнических стереотипов - *согласованность,* или *консенсус.* Именно согласованность считал важнейшей характеристикой стереотипов Тэшфел. По его мнению, социальными стереотипами можно считать лишь представления, разделяемые достаточно большим числом индивидов в пределах социальных общностей. Стереотипы и личные убеждения об этнических группах, хотя и могут частично совпадать, представляют собой различные когнитивные структуры, каждая из которых - лишь часть знаний индивида о своей или чужой группах. Более того, если бы стереотипы не были согласованными, было бы очень мало смысла в их изучении. Опасность враждебных и пренебрежительных стереотипов, а значит, и основная причина их изучения, состоит в возможности сходных реакций в ответ на сходные стереотипы: если бы каждый индивид реагировал на членов унижаемой группы в соответствии со своими собственными убеждениями, негативный эффект стереотипов был бы значительно ослаблен.

Еще одним сущностным свойством стереотипа со времен Липпмана считается их *неточность.* В дальнейшем стереотипы получали еще менее лестные характеристики и интерпретировались как «традиционная бессмыслица», «прямая дезинформация», «совокупность мифических представлений» и т.п. Впрочем, начиная с 1950-х годов получила распространение гипотеза, согласно которой объем истинных знаний в стереотипах превышает объем ложных - так называемая гипотеза «зерна истины». В настоящее время уже не вызывает сомнений, что этнические стереотипы не сводятся к совокупности мифических представлений, но представляют собой образы этносов, а не просто мнения о них. Они отражают, пусть и в искаженном или трансформированном виде, объективную реальность: свойства двух взаимодействующих групп и

отношения между ними[77].

В данном случае (параграфе) для нас важно было определиться с научно-теоретическими подходами к изучаемой теме, терминологическими понятиями и механизмами действия стереотипов, которыми мы будем оперировать в ходе дальнейшего рассмотрения проблемы. А именно, в силу каких факторов и обстоятельств положительно-образцовый «кавкасионец» превратился в конце XX – начале XXI столетия в негативно воспринимаемое «лицо кавказской национальности». Поэтому здесь мы воздержимся от каких-либо предварительных выводов, ибо не хотим навязывать свое мнение (оно станет ясно из материалов следующих глав), оставляя тем самым простор для конструктивного и продуктивного дискурса. Надеемся, что затронутая проблема не оставит равнодушными не только «лиц кавказской национальности», но и представителей иных национальностей России.

§ 2. Антикавказские фобии средств массовой информации

Собирательный образ «лиц кавказской национальности», по сути, является новой навязанной этнической стратификацией. Думается, что вина за распространение антикавказских фобий, за нагнетание дисбаланса ценностей и поиск «чужака-врага» в целом регионе в значительной мере лежит на масс-медийных средствах, прежде всего центральных, способствовавших (вольно или невольно) формированию в обыденном сознании россиян образа «своих» и «чужих». Изучение данной проблемы имеет довольно обширную историографию, что позволяет нам акцентировать внимание на результатах этих исследований.

На рубеже XX – XXI столетий многие публикации в российских

---

[77] См. Стефаненко Т.Г. Этнические стереотипы. М., 2005. О методах изучения этнических стереотипов см.: Стефаненко. Т.Г. Этнопсихология. Практикум. М., 2006.

СМИ причисляли к «чужим» «лиц кавказской национальности», которые были «неразрывно» связаны со всеми мрачными символами нашего смутного времени - «диким» капитализмом, спекуляцией, наркотиками, экстремизмом, терроризмом и так называемыми «беженцами», получающими якобы «незаслуженные социальные льготы». Этому, к сожалению, способствовала и деятельность губернаторов отдельных регионов РФ, которые по своей инициативе стали фильтровать население на «своих» и «чужих» - пришлых.

Образы эти, как показал В.А. Шнирельман, культивировались журналистами следующими способами:

1) они широко использовали термин «лицо кавказской национальности», вызывавший у читателя подозрительность и настороженность. Журналисты писали о том, что для кого-либо другого в России термин «лицо такой-то национальности» применяется якобы крайне редко, почему-то забывая, что довольно часто, в том числе и на официальном уровне, употребляется термин «лицо славянского типа». Иногда журналисты ухитряются изобретать такие термины как «лица среднеазиатской национальности» или даже «лица восточной национальности»[78];

2) в газетных статьях оппозиция «кавказцы/русские» нередко принимала упрощенную форму «они/наши», вызывая у читателя ощущение того, что «кавказцы», безусловно, являются «не нашими», т. е. абсолютными чужаками[79];

3) публикации о Кавказе и кавказцах затрагивали исключительно негативные темы – криминал, мошенничество, беженцы, беспорядки на продуктовых рынках, нападения скинхедов и пр. (о культуре кавказцев и их

---

[78] Шнирельман В.А. «Чистильщики московских улиц»: скинхеды, СМИ и общественное мнение. М., 2007; Шаповалов А. Кому на Дону жить хорошо… // Независимая газета. 2003. 5 декабря. С. 4; Крюков А. Дон кишит оборотнями // Новые Известия. 2004. 18 марта. С. 7. Об этом явлении см.: Малькова В.К. «Не допускается разжигание межнациональной розни…» М.: Academia, 2005.

[79] Малькова В.К. «Не допускается разжигание межнациональной розни…». С. 17, 40-41.

вкладе в развитие российской государственности и культуры не было и речи);

4) статьям о кавказцах и мигрантах в целом давались сенсационные заголовки, призванные порождать и усиливать тревоги читателей: «Нелегальная Россия», «Иноземцы заселили полстраны», «Враг ты мой кавказский», «Покорение Кавказом», «Поход Кавказа на Москву», «Великое переселение кавказцев», «Мигрант для России – напасть или благо», «Почему мы не любим лиц кавказской национальности» и пр.[80], причем это было характерно даже для тех статей, где делались попытки дать взвешенную картину и нарисовать позитивный образ кавказцев;

5) крупными буквами давались подзаголовки типа «Чужие» или же рассуждения, раскрывавшие антимигрантскую суть статьи («Если гости кладут ноги на стол, виноваты хозяева», «Московские рынки, оккупированные кавказцами, вызывают сначала раздражение, потом возмущение, а напоследок – обиду и горечь», «Грозит ли Москве русский бунт? Место лимитчиков заняли выходцы с Кавказа. Национальность как сфера бизнеса», «Каждый десятый житель Москвы проживает в столице незаконно», «В северной столице прочно обосновались чеченские и казанские криминальные сообщества») и навязывавшие читателю негативное отношение к мигрантам как к ферменту беспорядков и криминалитета[81];

6) статьи включали особую тревожную лексику («оккупация», «экспансия», «вторжение», «нашествие», «лавинообразный наплыв», «полчища нелегалов», «кавказская волна», «нездешние торговцы» и пр.), возбуждающую негативные эмоции;

---

[80] О психологическом воздействии таких заголовков см.: Малькова В.К. «Не допускается разжигание межнациональной розни…» С. 98-100.

[81] См., напр.: Калинина Ю. Покорение Кавказом // Московский комсомолец. 2001. 26 июля. С. 3; Бычкова Е. Почему мы не любим «лиц кавказской национальности» // Аргументы и факты. 2002. № 45. ноябрь. С. 6.

7) мигранты прямо обвинялись в том, что занимают якобы предназначавшиеся москвичам квартиры, правдами и неправдами получают престижные рабочие места или должности, усиливают криминогенную обстановку и вообще едва ли не готовятся вытеснить из Москвы коренных москвичей.

Здесь перечислены только некоторые отрицательные факторы, повлиявшие на формирование негативного восприятия «лица кавказской национальности», а если брать шире, на развитие тенденций кавказофобии, исламофобии и радикального национализма.

Все эти кавказские ужастики можно было если и не развеять полностью, то резко сократить их распространение среди россиян публикациями реальных цифр, передачами на телевидении и т.д. сведений о процентном соотношении «пришельцев» и старожильцев, о соотношении совершенных теми и другими преступлениях и т.п. Но такая работа не ведется или проводится крайне редко. Отдельные же публикации подобных материалов в малотиражных научных изданиях остаются неизвестны российскому населению.

О результатах обработки населения посредством СМИ можно судить хотя бы по результатам исследования старшего научного сотрудника Центра исследования межнациональных отношений Института социологии РАН И.М. Кузнецова. В статье, основанной на материалах социологического обследования, включающего опрос мигрантов-азербайджанцев Москвы и фокус-группы с московскими студентами, автор коснулся вопроса о том, как конструируется «лицо кавказской национальности» именно как образ «чужака», и как этот образ

провоцирует реакцию, которую автор квалифицирует как среднюю между ксенофобией и этнофобией[82].

В результате проведенных двух экспериментов И.М. Кузнецов проследил динамику сцепления проходящей в СМИ информации, декларируемой как объективная о тех или иных конкретных этнических группах, в некий образ квазиэтнической группы «кавказской национальности». По мнению автора, здесь налицо феномен конструирования средствами массовой информации стереотипа «лица кавказской национальности» («ЛКН»), который обобщает все этнические группы Кавказа, смазывает границы между ними, причем связующим материалом служит преимущественно негативная оценка и подчеркивание «чужеродности», «приезжести» и агрессивности по отношению к «нашей» (т.е. русской) культуре. Кузнецов обращает внимание и на то, как именно этот связующий материал (чужие, приезжие, агрессивные по отношению к «нашей» среде) плавно и незаметно перетекает на коренные народы российского Кавказа (чеченцев и дагестанцев).

Автор приходит к выводу: «Хотя решающая роль СМИ в формировании и поддержании негативных или позитивных образов этнических (в основном мигрантских) групп активно отрицается прежде всего представителями самих СМИ, можно говорить о том, что часть изданий и журналистов эксплуатирует этот обобщенный образ, который может быть наклеен на любое «неславянское» лицо». Не снимая вины с СМИ, заметим, что в периодической печати можно найти все что угодно – в том числе и прямо противоположное.

Кузнецов отмечает существование еще малоизученной проблемы непрямого, косвенного подкрепления квазиэтнического стереотипа

---

[82] Кузнецов И. М. ««Лица кавказской национальности» в «многонациональной» Москве» (Ч. 2) // ПОЛИТ.РУ [Передовая наука]. 2009. 21 августа.

«ЛКН» в потоке нейтральной новостной информации, которая укладывается в более широкую психологическую проблему роли массовых информационных потоков в конструировании персонифицированных образов групп. Отрицательный образ «кавказца», уже сформированный в информационной среде Москвы (или любого другого города) пусть даже как побочный результат сиюминутного коммерческого или «предвыборного» проекта, в дальнейшем активно подкрепляется и детализируется уже просто за счет новостных сводок, где содержится лишь упоминание (даже сугубо нейтральное) об этнических корнях действующего лица.

Таким образом, даже упоминание в нейтральном с точки зрения этнической оценки информационном сообщении национальной принадлежности действующих лиц ведет к созданию либо к поддержке этнических стереотипов и в корне меняет общее восприятие смысла сообщаемой информации[83].

Как замечает Л.М. Дробижева, оборонные, а иногда и агрессивные ориентации стимулируются эмоциональной подпиткой образа «врага», «чужака», «другого». Образ республик на Кавказе (как и в других субъектах РФ) на обыденном уровне формировался в сопоставлении с «другими». В одних случаях «другим» чаще всего выступает «Центр», «Москва», которая невнимательно относится к национальной специфике региона, игнорирует его экономические проблемы, часто принимает неверные решения и т.д. В других случаях в республиках сравнение идет с иными регионами, например, сравнивают себя с дотационными республиками, которым «приходится отдавать заработанное нами». В третьих случаях, как, к примеру, в Северной Осетии-Алании, представления фокусируются на лучших с точки зрения безопасности

[83] Кузнецов И.М. «Лица кавказской национальности» в «многонациональной» Москве (Ч. 2) // ПОЛИТ.РУ [Передовая наука]. 2009. 21 августа.

регионах, в плане проблем отношений с соседней Ингушетией и Чечней[84]. Стремление Москвы к жестким решениям - с одной стороны и жестокость, которая имела место в той же Чечне и Дагестане, приводили к отчуждению кавказских народов от Центра. В результате на рубеже XX - XXI вв. Северный Кавказ стал не только зоной этноконфессиональной напряженности («исламский фактор» требует отдельного изучения и здесь не рассматривается), но и острого социально-экономического и политического кризиса. Можно сказать, что в регионе сегодня проходят испытание на прочность и российская государственность и российский федерализм.

Читатель вправе спросить: Так что же это такое (кто такой?) «лицо кавказской национальности», как и когда возникло данное выражение?

Ознакомившись с имеющейся литературой и материалами Интернета, мы убедились в чрезвычайном разбросе мнений и, в конечном счете, в отсутствии какого-то единого, четкого определения «лицо кавказской национальности». Для наглядности приводим здесь небольшую подборку высказываний по интересующему нас вопросу, заимствованную из материалов Сети интернет, на сайтах и форумах которой ведется весьма острая полемика вокруг «лица кавказской национальности» и всего, что с ним связано.

Сайт «Имя России» (интернет) - детище государственного телеканала «Россия». На сайте приводятся комментарии директора Института лингвистики РГГУ Максима Кронгауза относительно выражения «лицо кавказской национальности», которое он называет не вполне политкорректным. «Известно, что такой национальности не существует. На Кавказе живут люди разных национальностей. Но … хочу сказать о том, откуда оно взялось. Вначале в русском языке (это еще

[84] Дробижева Л.М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. М., 2003. С. 354, 363.

было в советский период) появилось другое словосочетание - «лицо еврейской национальности». Появилось оно в период государственного антисемитизма, и связано было с относительно массовым отъездом в Израиль. Слово «еврей» в советские годы избегали произносить, хотя это одна из наций. Мы же не говорим, что русский отрицательное значение имеет, американец, украинец. … Но вот слово «еврей» стали избегать произносить. И как только его стали избегать произносить, возникла потребность его чем-то заменять. Возник как бы смягченный вариант, где название национальности звучало не впрямую, а в качестве прилагательного - еврейская национальность. В ситуации антисемитизма человека назвать евреем… Ну, как. «Еврей» это что-то… А так бюрократическая немножко конструкция. Потом она была подхвачена уже в постсоветский период. …

Когда «кавказец» стало то же самое, что и «еврей». Да, когда опять возникли … антикавказские настроения. Но здесь это лицемерие усилилось еще и тем, о чем вы сказали - кавказской национальности нет. И когда мы говорим «кавказец», то мы можем так говорить о жителях Кавказа. Но часто это слово используют не по отношению к жителям Кавказа, а к людям, внешне похожим на жителей Кавказа. … Хочется верить, что … выражение … уйдет в историю. Поскорее бы».

[X] ТСДНЭ: Лицо кавказской национальности. Материал из свободной русской энциклопедии «Традиция» (интернет). «*Лицо́ кавка́зской национа́льности* - термин для обозначения отдельных представителей неопределённого круга лиц, имеющих национальность одного из многочисленных коренных народов Кавказа. Это выражение получило самое широкое хождение после нача́ла демократических процессов в СССР и России (как известно, в СССР всех нерусских жителей Кавказа называли просто - «грузины»)». Относительно «грузин» заметим, автор статьи значительно упрощает ситуацию. Далее он

утверждает, что «термин был введён представителями интеллигенции. Однако сегодня именно из лагеря либералов и демократов слышны выкрики о том, что не существует такой национальности, как «кавказская», а потому употребление этого выражения есть оскорбление (sic) всех и каждого из представителей маленьких, но весьма гордых народов Кавказа.

Необходимо отметить, что сам термин получил своё рождение, а после и самое широчайшее распространение в народной среде не просто так. Действительно, на Кавказе проживают сотни и тысячи разнообразнейших народов, имеющие каждый свой собственный язык, культуру и особенности. «*Тем, кто проживает в этом регионе, жизненно важно уметь различать своих и чужих - такое умение является* (поправим автора – являлось, причем давно – С.М.) *в тех местах частью пра́вил выживания, когда племена враждуют, действует механизм кровной мести, самые простые вопросы быта и взаимоотношений в обществе решаются не при помощи слов, а при помощи кинжала (потому-то и кинжал является частью большинства национальных костюмов этих народов) и т. д».* (выделено нами – С.М.).

Считаем, что данный пассаж ярко показывает живучесть стереотипа, хотя и опирающегося на внушительную «базу» - романтические произведения русских классиков первой половины XIX века, эмоциональные выступления национальных кавказских ансамблей в черкесках с кинжалами и т.п.

Далее автор статьи в энциклопедии пишет: «Однако представители интеллигенции, которые ввели этот термин, сами теперь и говорят, что он непосредственно относится к языку вражды, а потому должен быть исключён из лексикона. И вот уже́ дикторы на телевидении не используют его, а депутаты принимают закон, по которому любое упоминание национальности в связи с совершением преступлений должно быть исключено». Затем следует демагогическое заявление

автора статьи: «А в качестве ответной меры особо рьяные "интеллигенты" ввели термин "лицо русской национальности", подчёркивая тем самым, что Русского народа не существует вовсе, а есть этакий набор лиц, грубо относящихся к некоей "русской национальности" по используемому в быту языку»[85].

В цитируемой энциклопедии «Традиция» «лицо кавказской национальности» определяется как бюрократическое клише для обозначения представителей коренных народов Кавказа. Считается, что впервые термин был использован 7 мая 1988 года на страницах журнала «Огонёк«. Автор статьи верно отмечает, что термин ЛКН перекочевал в лексикон журналистов из языка оперативных сводок МВД.

Здесь мы должны сделать отступление и постараться ответить на вопрос: «Откуда МВД взяло этот термин?». Может быть дело в том, что задолго до 1988 года в служебном словоупотреблении полиции США использовалось обязательное обозначение расового признака при розыске («белый», «черный», «азиат»). Если бы кто-либо в США счел это за оскорбление или запретил законодательно, то на него смотрели бы как на дурака – это язык профессионалов. Далее это перекочевало в кинофильмы и было подхвачено репортерами (в СМИ). А с победой демократии в бывшем СССР мы стали их учениками и переняли, в том числе их этнические маркеры.

В России термин ЛКН постепенно стал толковаться расширительно, включив в себя представителей иных, не имеющих отношения к Кавказу этнических групп. В энциклопедии отмечается, что в нашей стране «термин часто употреблялся для обозначения представителей этнических преступных группировок, и был подхвачен другими, прежде всего жёлтыми изданиями, позднее - телевидением и представителями власти. В результате данное наименование быстро

[85] Исходная информация:_darkus: лицо кавказской национальности. Источник: http://traditio.ru/wiki.

приобрело отрицательную окраску в связи с фобиями, возникшими в центральных и северных частях России …При этом часть граждан России (преимущественно, никогда не бывавших на Кавказе) стали воспринимать кавказцев как некую однородную враждебную силу (что отразилось в устойчивости словосочетаний «лицо кавказской национальности», «выходец с Кавказа» и т. д.). … Предположительно возник по аналогии с советским канцеляризмом «лицо еврейской национальности»[86].

Поскольку основной задачей данного параграфа было не тщательное исследование всех аспектов негативного влияния материалов СМИ определенной направленности (историография этого вопроса обширная, о чем частично может свидетельствовать научный аппарат главы), а только показ имеющейся тенденции, мы ограничимся приведенным материалом.

Подводя предварительные итоги (напомним, проблема требует дальнейшего углубленного изучения), заметим, на сегодняшний день официальными «родителями» «лиц кавказской национальности», изобретателями и виновниками появления данного стереотипа признаются МВД, советский канцеляризм (бюрократическое клише) и СМИ. Однако все они вместе взятые не смогли дать четкого определения «лицо кавказской национальности». В отношении весьма не политкорректного и размытого стереотипа «ЛКН» можно привести слова знаменитого дагестанского поэта Расула Гамзатова, сказанные в пылу полемики, что в отличие от тех, кто называет нас «лицами кавказской национальности», у нас хотя бы есть Лицо, а у них и лица нет.

[86] darkus: лицо кавказской национальности. Источник: http://traditio.ru/wiki.

ГЛАВА II. ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИЧНОСТИ «КАВКАЗЦЕВ»

§ 1. САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ «КАВКАЗЦЕВ» И СПЕЦИФИКА ДАГЕСТАНА

Переходя непосредственно к стереотипу **«лицо кавказской национальности»** (ЛКН), истории его формирования, заметим, что естественную черту социальности составляет групповая самоидентификация, которая достигается путем различения и противопоставления себя другим[1]. Основанная на принципе биполярности древнейшая система категоризации сохраняла поразительную устойчивость в течение столетий. «Хотя, - как верно отмечает М. Мамедов, - многие кавказцы в определенных ситуациях склонны идентифицировать себя со всем регионом, тенденция рассматривать всех выходцев с Кавказа как некое единое целое является необоснованным, ошибочным обобщением»[2]. Когда в XVIII-XIX веках Российская империя начала проводить активную экспансионистскую политику на Кавказе, российское население («россияне») имело весьма смутное представление о его жителях и информация о них была очень противоречива. Такая же ситуация была и у горцев в отношении русских.

В XIX столетии в России существовало два диаметрально противоположных образа кавказцев, которые во многом предопределила и закрепила Кавказская война. Один - романтический образ горцев - это благородные рыцари, хотя и необразованные, они гостеприимны, уважают старших и т.п. Об этом писали А.А. Бестужев-Марлинский, Н.С. Лесков и др. У А.С. Пушкина в «Кавказском пленнике» герой восхищается отвагой горцев, их воинской удалью, гостеприимством, сочувствует их борьбе за независимость и т.п.

---

[1] Бауман З. Мыслить социологически. М., 1996. С. 47.

[2] Мамедов М. Массовые стереотипы и предрассудки в национальных историях и представлениях о прошлом // Национальные истории в советском и постсоветских государствах. М., 1999. С. 113.

Другой образ - мошенники, воры, варвары, хищники и т.п. Интересно то, что эти черты характера нашли отражение и в творчестве того же М.Ю. Лермонтова, Л.Н. Толстого («Хаджи-Мурад»), отчасти у А.С. Пушкина: «злой чечен», алчный горец, «злая пуля осетина» и т.п. В данном случае важно заметить, что приведенные цитаты – это всего лишь слова, вложенные в уста персонажей произведений, тогда как сами упомянутые писатели и поэты положительно относились к народам Кавказа и именно они создали романтический образ горца. Негативное же изображение кавказских народов содержалось в трудах Р.А. Фадеева, Н.Ф. Дубровина и др. В этих сочинениях горцы назывались «полудикими», «хищниками» и т.п., основным ремеслом которых был разбой, грабеж, убийство, а у себя дома они вели «тупой» праздный образ жизни[3]. Эти образы прошли сквозь столетия и в несколько трансформированном виде дошли до наших дней.

Формированию негативного образа горца *невольно способствовали* труды целого ряда историков XIX века, участников Кавказской войны и т.д. Мы не случайно употребили словосочетание «*невольно способствовали»* ибо, многие из тех, кто участвовал в кавказской эпопее, писали и об отрицательных и о положительных чертах и традициях горцев, многими из которых (положительными) восхищались. Однако усилиями ряда авторов, зачастую никогда не бывавших на Кавказе, подборка негативных черт выплескивалась на страницы периодической печати в погоне за «жареными фактами», гонорарами и т.п. и т.д.

Подобные явления не изжиты и сегодня. Рассматривая проблему этнических образов и стереотипов в так называемых желтых СМИ, Магомедханов М.М. пишет: «Стереотипное представление о Дагестане, как о высокогорном «этнографическом заповеднике», «лаборатории», в

[3] Фадеев Р.А. Шестьдесят лет кавказской войны. Тифлис, 1860. С. 5, 6, 21, 25; Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т.1. Кн. 1.СПб., 1871. С. 370-371.

которой перемешалось более трех десятков народов со своими языками, обычаями и нравами, среди которых особенно «смакуются» «хищничество», религиозный фанатизм, кровная месть, похищение невест и этнические конфликты, бытует давно. Но не только обилие языков и этнографические детали быта, а, прежде всего, отношение к историческому и культурному наследию, духовно-нравственные традиции и критерии определяют облик Дагестана, место, которое занимают дагестанцы среди народов мира, в том числе мусульманских»[4]. По этому поводу еще в 1901 году писали: «Существует много научных сочинений, служащих прекрасным материалом для изучения Кавказского края, но именно вследствие своего чисто научного характера они доступны только специалистам…»[5], тогда как все остальное население остается в неведении.

К началу XX столетия тема национальности и религиозности приобрела в российском обществе особую актуальность. «Замечательной стороной дискуссии вокруг этой темы явилось опровержение религиозного фанатизма, агрессивного национализма и политического экстремизма»[6], приписываемых горцам и дагестанцам в частности. В связи с этим приведем еще одно мнение, одновременно являющееся прекрасным ответом подобным измышлениям. Оно было опубликовано в журнале «Мусульманин» в 1910 году в Париже и сегодня звучит весьма актуально: «Разве мусульмане (российские. – С.М.) когда-либо отказывались приносить жертвы на алтарь общей дорогой родины? Если это так, то почему находятся такие господа, которые в пробуждении мусульман видят какую-то угрозу и предостерегают правительство от грядущей опасности… всеми силами стараются кого-то запугать, кого-то

[4] Магомедханов М.М. Дагестанцы: Этноязыковые и социокультурные аспекты самосознания. М.: ООО «ДИНЭМ», 2008. С. 180-181.

[5] Кавказский Вестник. Тифлис, 1901. № 3 май.

[6] Магомедханов М.М. Дагестанцы: Этноязыковые и социокультурные аспекты … .С. 118.

предостеречь, словом занялись совершенно несвойственной истинно-славянской натуре работой. Для чего все это? … Мы, мусульмане, вступаем на иной путь. Все эти атрибуты, как-то шашки, кинжалы, пистолеты, отживают свой век и годны постольку, поскольку необходимо защищать свою родину. Довольно пролито крови, довольно ненависти… Мы хотим быть интеллигентными и культурными в самом широком значении этого слова, и русское общество обязано принять нас в свою среду»[7]. Обращение мусульман, к сожалению, не было услышано и не стало преобладающим во взаимоотношениях с ними.

В первой четверти XX века и без того нестабильную обстановку на Кавказе (то объединяемся, то разделяемся и т.п.) в годы Гражданской войны, продолжавшейся в Дагестане с 1917 по 1921 годы, «раскачивали» лидеры местных движений, ориентировавшиеся на мировые державы. «Кавказская политика» Турции и Германии (27 апреля 1918 г. между ними было подписано секретное соглашение о разделе сфер влияния на Кавказе) была политикой дележа и компенсаций. В 1920 г., согласно плану западных держав, «Кавказский санитарный кордон» должен был служить буфером между Советской Россией и Антантой.

В первые годы советской власти были внесены позитивные коррективы в образ кавказца благодаря работам академика М.Н. Покровского и его последователей[8]. Однако в конце Великой Отечественной войны 1941-1945 годов начинает меняться идеологическая парадигма, вслед за которой последовал разгром «школы» М.Н. Покровского, предпринимаются попытки реанимации негативного образа горца. В первый раз это отчетливо прозвучало в мае 1944 года на совещании по вопросам истории СССР в ЦК ВКП(б) в выступлении Х.Г. Аджемяна, на котором его поддержал академик Б.Д.

---

[7] Мусульманин. Париж, 1910. № 13. 10(23) июня. С. 286-288.
[8] Покровский М.Н. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. М., 1923.

Греков[9]. Но самые отрицательные последствия имел доклад Аджемяна (1947 г.), в котором горцы характеризовались как борцы за свою «волчью» свободу, свободу отсталости, «темноты и азиатчины»[10]. «Как показывает опыт такого рода, социальная мифология, рожденная сиюминутной политической конъюнктурой, крайне отрицательно сказывается» не только на развитии исторической науки, но и на этнополитических процессах независимо от субъективных устремлений ее создателей[11].

Приливы попыток реанимации концепции «горской экспансии» происходили и в 1970-1990-х годах – сочинения В.Б. Виноградова, С.Ц. Умарова, М.М. Блиева, В.В. Дегоева и ряда других авторов, которые не удосужились развить доказательную часть своей концепции с подлинно научных позиций, в результате чего закономерно подвергаются критике со стороны других исследователей.

Отмеченные выше приливы и отливы в формировании образа кавказца – то «свой», то «чужой», то «друг», то «враг», зависели в СССР от политических целей «сильных мира сего». Но, что примечательно, упоминавшийся доклад Аджемяна был вызван желанием И.В. Сталина обосновать идею державности и тем самым фактически реабилитировать агрессивную внешнюю политику царизма для достижения своих целей. И в ту же сталинскую эпоху был период формирования позитивных стереотипов в отношении народов Северного Кавказа и Закавказья (вероятно для маскировки идеи державности и распространения идеологии дружбы народов). Однозначно решить этот вопрос трудно, особенно если принять во внимание утверждение члена Президентского совета М.Я. Гефтера о том, что несмотря на показные жесты и тосты

---

[9] Стенограмма совещания по вопросам истории СССР в ЦК ВКП(б) в 1944 г. // Вопросы истории. 1996. № 2. С. 56, 64.

[10] Дискуссия о движении Шамиля // Вопросы истории. 1947. № 1.

[11] Кавказская война: народно-освободительная борьба горцев Северного Кавказа в 20 – 60-х гг. XIX в. Махачкала: Юпитер, 2006. С. 5.

Сталина в честь русского народа, «все русские для него начинались и кончались на “Москва, Кремль”»[12].

Как бы то ни было, но позитивные стереотипы нашли свое отражение в пропагандистских проявлениях массовой культуры сталинской эпохи, в частности, в таких культовых фильмах, как «Свинарка и пастух», «Волга-Волга», где горец мудр, а Л. Орлова прекрасно танцует лезгинку и т.п. По мнению А. Хадиковой: «Пожалуй, последний яркий положительный кавказский персонаж предстал перед советским зрителем в фильме “Отец солдата”». (Заметим, что не менее ярким чем «Отец солдата» и положительным кавказским персонажем был неподражаемый, искрометный Мимино в исполнении Вахтанга Кикабидзе. – С.М.). Однако, со временем «кавказец-труженик навсегда уступает место кавказцу-прохиндею, ловкачу или, в лучшем случае, человеку просто очень недалекому. Товарищ Саахов из “Кавказской пленницы” имеет, пожалуй, самый невинный облик в галерее нового и все более популярного образа хитрого и хищного кавказца. Изначально предложенный в комедийной и ненавязчивой форме, впоследствии этот образ утвердился и в прочих жанрах. В самое последнее время появились попытки в грубо утрированных формах представить кавказцев враждебными инородцами, бандитами едва ли не на генетическом уровне»[13].

Следует признать, что и сами дагестанцы виновны в создании своего негативного образа. Один из ярких примеров недавно привел заведующий кафедрой общей психологии ДГУ Касумхан Гасанов. Он пишет: «Я когда-то спрашивал у одного из директоров ”Лезгинки”, почему на их афише в Нью-Йорке лица такие страшные: глаза вытаращены, кинжалы в зубах. Он ответил … просто: ”Нас так проще купят”. Увидят, что такие дикие, - и

[12] Гефтер М. В поисках нового «куда» // Московские новости. 1992. № 32. С. 15.

[13] Хадикова А. «Лица кавказской национальности» в постсоветском пространстве России: истоки этнического негативизма http://www.viu-online.ru/science/publ/bulletin2_6_2000/page7.html

пойдут на концерт»[14]. Принимая во внимание популярность ансамбля, заметим, что подобные афиши тиражировали «дикий» образ дагестанцев во многих странах мира, создавая соответствующий стереотип.

В конце 1990-х годов первое место в шкале этнического негативизма в самой России стали занимать антикавказские установки. В значительной мере этому способствовали события в Чечне (первая и вторая войны) и борьба с незаконными вооруженными бандформированиями, наглядно иллюстрирующие печальный итог использования в политических целях национальных амбиций, националистических движений за «национальное возрождение», «чистоту национальной идеи и религии». В постсоветском лексиконе представителей народов Кавказа нередко начали «награждать» такими терминами и прозвищами как «лица кавказской национальности», «чурки», «черные», «хачики», «азеры» и т.д. Впрочем, противоборствующая сторона – кавказцы - так же не отличалась лояльностью и толерантностью, применяя эпитеты: «кяфиры», «мунафики», «свиньи» и т.п. и т.д. Что отнюдь не способствовало взаимопониманию сторон, поскольку оборонные, а иногда и агрессивные ориентации стимулируются эмоциональной подпиткой образа «врага», «чужака», «другого».

Этническую общность В.А. Тишков характеризует как «группу людей, члены которой имеют одно или несколько общих названий и общие элементы культуры, обладают мифом (версией) об общем происхождении и тем самым обладают как бы общей исторической памятью, могут ассоциировать себя с особой географической территорией, а также демонстрировать чувство групповой солидарности»[15]. Думается, не лишним будет напомнить еще раз о том, что «хотя многие кавказцы в определенных ситуациях склонны

[14] Крайнова Н. «Если не выпускать пар, взрыв неминуем». Три источника и три составных части экстремизма // Новое дело. 2010. № 3 (939). 22 января. С. 23.

[15] Тишков В.А. Этнология и политика. М., 2001. С. 230.

идентифицировать себя со всем регионом, тенденция рассматривать всех выходцев с Кавказа как нечто единое целое является необоснованным, ошибочным обобщением»[16].

Одним из сложных и конфликтных регионов РФ является Северный Кавказ, в котором особое место занимает Республика Дагестан, относящаяся к группе так называемых национальных субъектов РФ: это форма государственной организации этносов на их территории, делегировавшая верховной федеральной власти свои внешнеполитические, военные и судебные полномочия. Казалось бы, следует ожидать проявления в Дагестане тех же самых проблем национального характера, что и в других национальных республиках, но на практике это не так. Одна из главных причин – в полиэтничности республики, на небольшой территории которой (50,3 тыс. кв.км.) перепись 2002 г. зафиксировала представителей 121 народа. По численности населения (на 1 января 2007 г.) Дагестан занимал 5 место среди республик, краев и областей ЮФО и 22 место в РФ[17]. На сегодняшний день неизвестно, сколько точно этносов проживает на территории Дагестана. Еще со времен СССР повелось считать, что есть 14 так называемых «титульных наций» (аварцы, агулы, азербайджанцы, даргинцы, кумыки, лакцы, лезгины, таты, табасаранцы, ногайцы, рутульцы, русские, цахуры, чеченцы-акинцы), но есть и «нетитульные», численность которых равна 19. Причем многие «нетитульные нации» во время переписи 2002 г. идентифицировали себя как отдельные этносы. Заметим, что у РАН есть серьезные претензии к качеству и достоверности материалов переписи 2002 года[18]. Исследователи

[16] Мамедов М. Массовые стереотипы и предрассудки в национальных историях и представлениях о прошлом. С. 113.

[17] Алиева В.Ф. Демографические процессы в современном Дагестане. Махачкала, 2008, С. 45.

[18] Подробнее см. Тишков В., Кисриев Э. Множественные идентичности между теорией и политикой (пример Дагестана // Этнические категории и статистика. Дебаты в России и во Франции / Под ред Е. Филипповой. М., 2008. С. 93–124.

справедливо отмечают тот факт, что в досоветском Дагестане вообще не было идеи «национальности» и, следовательно, - нынешней номенклатуры народов. Определяющее значение здесь играла джамаатская идентичность традиционного дагестанца[19].

Специфика Дагестана состоит в том, что если обычно национальность за пределами государства – это понятие гражданское: американец – гражданин Америки, россиянин – России, то, например, даргинец – не гражданин России, а прежде всего человек даргинской национальности. Поэтому мы имеем не обычную многонациональность современных обществ типа американской и т.п., а историческое существование в небольшой республике локальных коренных этносов – в горной части Дагестана их территории остаются четко разграниченными.

С одной стороны, их реальный вес в общественно-политической жизни республики далеко не одинаков: можно говорить о лидерстве четырех из примерно 30 коренных этносов Дагестана. С другой стороны, общественное сознание, опираясь на культурно-исторические критерии, довольно четко отделяет эту группу коренных этносов от остальных жителей республики, происходящих из недагестанской этнической среды.

Все это приводит к довольно сложной, иерархической структуре общественной самоидентификации дагестанца, чувствующего себя в разных ситуациях либо коренным дагестанцем, либо членом своего этноса, либо своей территориально-исторической группы (джамаата), либо своего тухума (клановой формы).

Применительно к Дагестану диапазон поиска идентичности (в американской культурной антропологии - search of identity) «можно очертить вокруг нескольких уровней (планетарный, мировой, российский, северокавказский, дагестанский, этнический, субэтнический, джамаатский, тухумный), в которых каждая личность пытается найти “связующие

[19] Там же. С. 97.

звенья" и родовые, "родственные ниши"». Впрочем, продолжает М.М. Магомедханов, «не для всех дагестанцев «поиск идентичности» актуален, так как многие из них идентичность эту…не теряли»[20].

Думается, что в данном случае не всё столь однозначно. Мы лично знаем две социальные группы, - одна из них бесспорные носители идентичности, а другая – те, для кого этого вопроса вообще не существует – это, во-первых. Во-вторых, заметим, что на смену уже определившимся со своим этническим самосознанием акторам идут новые волны подрастающего поколения, для которых поиск своей идентичности чрезвычайно актуален. С этим, думаю, согласится и цитируемый автор, который сам отмечает, что наблюдения за современными тенденциями этнокультурной ориентации дагестанцев, особенно молодого поколения горожан «показывают, что наличие определенного (часто не в полной мере востребованного) фонда национальной культуры, деятелей, которые олицетворяют этот фонд, является скорее предметом национальной гордости, чем объективным основанием этнокультурной идентификации»[21].

Поиск своей идентичности актуален не только для дагестанского, но и для всего российского общества – от динамики национального российского самосознания зависит преодоление «экстремистских настроений, национализма и религиозной нетерпимости»[22], целостность нашего государства.

В.А. Тишков, несколько утрируя, заметил: «никакая идентичность - ни этническая (по группе), ни национальная (по стране или государственности) – не является естественно заданной, … она должна вырабатываться через усилия интеллектуалов, политиков и общественных активистов»[23]. Соглашаясь с тем, что в настоящее время

---

[20] Магомедханов М.М. Дагестанцы… С. 271.
[21] Магомедханов М.М. Дагестанцы… С. 158.
[22] Медведев Д.А. Ежегодное послание Федеральному собранию Российской Федерации 2008 г. М., 2008.
[23] Тишков В.А. Реквием по этносу. М., 2003. С. 498-499.

деятельность властных структур, политических элит и ангажированных интеллектуалов, широко использующих самые различные виды СМИ, создает «мощные коммуникативные поля, транслирующие новые идеи и стандарты эпохи цивилизации»[24], посредством которых трансформирует этническую идентичность россиян, считаем, что в Дагестане проблема модернизации самоидентификации «горцев» не столь однозначна. Постараемся выявить степень готовности дагестанцев влиться в общероссийскую идентичность, а также и факторы, осложняющие процесс формирования единой этноидентичности.

В рассматриваемом аспекте большой интерес представляют материалы прошедшего в Махачкале круглого стола (апрель 2008 г.) по проблеме этнической самоидентификации дагестанцев, на котором было определено, что понятие «дагестанец» - это многоплановое понятие, которое нельзя односторонне охарактеризовать[25].

Более развернутые дефиниции понятия «дагестанцы» дает патриот республики М.М. Магомедханов: «Дагестанцы, дагестанское сообщество народов, как и любой социальный организм, имеет свою, генетически заданную структуру, свою систему внутренних и внешних детерминантов развития, свои, ориентированные в историческом времени, экономико-географическом, геополитическом и культурном пространстве объективные и субъективные основания, признаки и символы общинной (джамаатской) идентичности и “самостийности”, этнической и межэтнической солидарности. Народам Дагестана присущи базовые характеристики историко-культурной общности, однотипность социальной организации и структуры, единые основы этничности и гражданственности»[26].

---

[24] Гаджимурадова З.М. Особенности этнического самосознания дагестанцев в условиях глобализации общества: психологический аспект // Проблемы сохранения толерантности в условиях полиэтничного и многоконфессионального региона. Сб. науч. статей. Махачкала, 2008. С. 281.

[25] Шахбанов М. Насколько мы дагестанцы? // Черновик. 2008. № 15. 11 апрель. С. 26.

[26] Магомедханов М.М. Дагестанцы… С. 159.

Таким образом, сегодня односторонняя характеристика не приемлема. Во-первых – это территориальная поликультурная общность. Этим «дагестанцы» отличаются от других субъектов РФ, так как в нашем топониме заложено название территории – Страна гор, - но не этноса. Во-вторых – в нем присутствует определенный компонент политического самосознания. В-третьих - иерархичная самоидентификация: сначала человек – уроженец какого-то села, затем – представитель субэтноса или района, потом – народа, республики и, наконец, России. Таким образом, складывается пятиуровневое самосознание, в котором первенствующее значение принадлежит джамаатскому уровню. Наше мнение о роли джамаата согласуется с мнением Б. Далгат («свое село лучше другого») и М.М. Магомедханова, подчеркивающего сильно развитое чувство престижа джамаата, репутации малой Родины[27], справедливо отмечающего тот факт, что еще лет 50 назад спрашивать о национальности (как это все чаще делается сегодня) считалось неэтичным – такой вопрос мог навести спрашиваемого на мысль, что отношение к нему зависит от его национальной принадлежности[28].

Идентичность во многом зависит от многих факторов, в том числе от того, моно- или многонационально общество, в котором живет человек. Весьма ёмкую характеристику кавказской идентичности дал Н.Г. Денисов: «Базовыми признаками … обладает и кавказская цивилизация, как социокультурная общность при всей ее полиэтничности. По своему геополиэтническому коду (свой - чужой) она, к её счастью, никогда не сможет стать ни западной, ни азиатской, ни проамериканской по трем основным причинам. Во-первых, в отличие от искусственной американской нации, сотканной из переселенцев разных этнических групп, кавказские народы являются аборигенами на своей земле, где

[27] Магомедханов М.М. Дагестанцы… С. 173-174.
[28] Магомедханов М.М. Дагестанцы… С. 173-174.

тысячелетиями покоятся их предки. Во-вторых, многие поколения одухотворены русской идеей всеединства, мира и дружбы народов, притяжением русской культуры, языка, литературы, опытом совместного выживания и защиты от внешних угроз. В-третьих, гордый и свободолюбивый дух горцев по своей природе не терпит любого порабощения и, как свидетельствуют социологические данные, более толерантного народа, чем русский, они в окружающем пространстве не видят»[29].

Все сказанное относится и к дагестанцам, у которых наличествует определенная разноплановость в идентификации - и территориальная и этническая и религиозная – они не могут быть подведены к общему знаменателю. Вот как выглядит, к примеру, один из таких планов: «Дагестанцы – это не только коренные народы, но и постоянно проживающие здесь представители других этносов. … Взять тех же русских. В политическом плане и мы считаем, и они сами считают себя дагестанцами»[30].

Советское государство, несмотря на декларируемую интернациональную природу, осуществило на Кавказе административное структурирование по этническому принципу, тем самым заложив основы этнизации, политики периферийного этнонационализма в ущерб общегосударственной идентичности. При падении СССР рухнули и принятые там формы общественного самосознания – необходимость противостоять хаосу привела к обращению к самым простым и самоочевидным критериям самоорганизации – этническим, а также к возвращению к архаическим территориально-общинным (джамаатским) и клановым (тухумным) формам: все три органично увязываются друг с другом.

---

[29] Денисов Н.Г. Социокультурные основания кавказской и российской гражданской идентичности //Полиэтниеский макрорегион: язык, культура, политика, экономика. Тезисы докладов Всероссийской научной конференции (9-10 октября 2008 г. г. Ростов-на-Дону). Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2008. С. 91.

[30] Шахбанов М. Насколько мы дагестанцы? // Черновик. 2008. № 15. 11 апрель. С. 26.

В таком случае возникает вопрос - существуют ли в Дагестане общественные силы и идеологии, предлагающие более высокие и современные формы общественной интеграции? Ранее мы уже отмечали, что современные формы общественной и политической жизни, опирающиеся на гражданскую идентичность всех жителей Дагестана, все еще не освоены нынешним дагестанским обществом, хотя декларируются достаточно широко в СМИ и в официальном употреблении[31].

Что же касается традиционных идеологий, то здесь свою способность стать основой широкой общественной интеграции по-прежнему декларирует ислам. Отмечая этот важный фактор, З.М. Гаджимурадова пишет: «На самосознание дагестанцев в настоящее время оказывают колоссальное влияние (во многом разнонаправленное), с одной стороны, мусульманская цивилизация Ближнего и Среднего Востока, бывшая духовным ориентиром Дагестана до его присоединения к России и восстанавливающая свои позиции в настоящее время, и – Россия, в составе которой народы Дагестана развивались в течение последних двух столетий»[32]. К сказанному можно добавить и третий очаг внешнего влияния – это современная западная цивилизация.

Рассматривая проблему «национальная идентичность в проблемном поле интеллектуальной истории», напомним констатацию В.А. Тишковым того очевидного факта, что РФ давно «нуждается в доктрине обеспечения гражданской солидарности и национальной идентичности»[33] (последнее, на наш взгляд, приемлемо в том случае, если речь здесь идет о так называемой «гражданской нации», как формулировал ее П.Б. Струве). Попутно отметим справедливость двух указаний Г.И. Зверевой

---

[31] См. Муртузалиев С.И. Самоидентификация дагестанцев в проблемном поле общероссийской идентичности // Диалог со временем. Вып. 28. М., 2008. С. 141-152.

[32] Гаджимурадова З.М. Указ. соч. С. 281.

[33] Тишков В. Российский народ и национальная идентичность // Этническая ситуация и конфликты в странах СНГ и Балтии. Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов, 2006 / Под ред. В. Тишкова и Е. Филипповой. М.: УОП ИЭА РАН, 2007. С. 10.

на то, что: 1) процесс оформления российского социума вокруг федеральной власти «сдерживается … расширением конкурирующего употребления слова *национальный* в значении *этнический* как на локально-региональном, так и на общегосударственном уровне» и 2) «шумовое» пространство «околокремлевских» аналитиков и публицистов лишь имитирует «открытость дебатов по поводу «выбора путей» для формирования *национальной идентичности* и перспектив строительства российского государства»[34]. Приведенные высказывания призваны еще раз обратить внимание на важность рассматриваемой проблемы, многовекторность факторов, как и различных препон, влияющих на продуктивное ее решение, которые здесь мы только частично обозначили.

Этническая принадлежность задается человеку вместе с рождением, умением говорить на «родном» языке, культурным окружением и другими факторами, влияющими на социализацию личности. Как отмечает А.В. Глухова, принципиально важным представляется указание К. Шмитта[35] на то, что конструирование своих («друзей») и чужих («врагов») осуществляется вербально, то есть посредством политических понятий, представлений и слов, имеющих полемический смысл. Это значит, что они предполагают конкретную противоположность, привязаны к конкретной ситуации[36].

Основанная на принципе биполярности древнейшая система категоризации сохранила поразительную устойчивость в течение столетий и тем самым способствовала дальнейшему оформлению этнической идентичности, ее значимости. В современном мире она по

---

[34] Зверева Г.И. Концепт «государственной нации» в современном российском обществе: дискурсивное измерение // Мир Клио. Сб. статей в честь Лорины Петровны Репиной. Т. I. М.: ИВИ РАН, 2007. С. 436, 454.

[35] Шмитт К. Понятие политического // Вопросы социологии. 1992. Т. I. № 1. С. 39.

[36] Глухова А.В. Политическая конфликтология: состояние и тенденции развертывания //Конфликты в современной России (проблемы анализа и регулирования). М., 2000. С. 117.

праву занимает одно из центральных мест среди множества культурных идентичностей. Вместе с тем национальная идентичность не является какой-то постоянной константой - в истории любого этноса можно проследить и выделить определенный комплекс факторов, воздействующих на векторы её развития в различные исторические эпохи.

Исторические события, репрезентация которых очерчивает групповую идентичность, Й. Рюзен подразделяет на три типа[37]. Дагестан, на наш взгляд, можно отнести к третьему типу когда «события или цепь событий … обновляют старую идентичность. Среди этих последних различаются:

а) поворотные события;

б) события, делающие несостоятельными действовавшие до этого времени модели коллективной идентичности;

в) события, которые обновляют действующие модели коллективной идентичности»[38].

На рубеже XX – XXI веков в Дагестане присутствуют все три вышеуказанных компонента. Приведем только некоторые факты. Развал СССР и почти всего, что было с ним связано, вооруженное вторжение в 1999 году незаконных бандформирований так называемых «ваххабитов» (салафитов). Это на несколько лет в корне изменило отношение дагестанцев к чеченцам, жен, детей и стариков которых в годы «чеченских войн» тысячи дагестанских семей безвозмездно приютили в своих домах. В один миг были разрушены традиционные представления «горских» народов о куначестве, аталычестве и т.п. В условиях перестройки и постперестройки советская модель коллективизма, единства и братства народов попала под пресс возрождающегося капитализма, который безжалостно уничтожал государственные и социально-экономические структуры, разворовывал

[37] Рюзен Й. Кризис, травма и идентичность // Цепь времен: проблемы исторического сознания / Отв. ред. Л.П. Репина. М., 2005. С. 52 - 54.

[38] См. Репина Л.П. Память и знание о прошлом в структуре идентичности // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 21. Спецвыпуск: Историографические мифы и этнонациональная идентичность. М., 2007. С. 17.

природные (народные) богатства, формируя новую политическую и финансовую элиту, которая в сжатые сроки стала страшно далека от народа и его интересов. Имущественное и социальное расслоение в разы стало превосходить евро-американские нормативы (в 10-15 раз), что грозит уже революционными потрясениями.

Все это сопровождалось разрушением прежних мировоззренческих, морально-ценностных ориентиров. Возникший идеологический вакуум стал заполняться иной идеологией и иными взаимоотношениями между людьми. Идеологическая переоценка трансформировала прежнюю модель коллективной идентичности, влияла на самоидентификацию и поведение индивида, электората.

Стремительное развитие социокультурной ситуации обострило неизбежный конфликт поколений – в построении коллективной идентичности все отчетливее стали проявляться существенные различия, «проистекающие из противоречий между социальной памятью, транслируемой *старшими* (выд. Л.Р.), и жизненным опытом взаимодействия с изменяющейся реальностью настоящего, который формирует представления *младших* (выд. Л.Р.) и, соответственно, их «проектирование» прошлого и будущего»[39].

Не обошел стороной этот процесс и дагестанскую умму. Дагестанские, как и российские мусульмане – не однородная «масса». Стали возникать молодежные джамааты (впервые они появились в РД еще в 1970-х гг.), «оппозиционные, с одной стороны, по отношению к официальным исламским структурам – духовным управлениям мусульман, с другой стороны, по отношению к так называемому «традиционному исламу», носителями которого в основном являются представители старшего поколения, выступающего за соблюдение всех

[39] Репина Л.П. Указ. соч. С. 17. Подробнее см.: Репина Л.П. Время, история, память (ключевые проблемы историографии на XIX Конгрессе МКИН) // Диалог со временем. Вып. 3. М., 2000. С. 5-14.

народных традиций». Организационно молодежные джамааты оформились на рубеже 1980 - 1990-х годов. Помимо Дагестана на сегодняшний день известны: чеченские, карачаевские, ставропольские, кабардино-балкарские и адыгейские молодежные джамааты. Подобное развитие событий, возможно, объясняется тем, что во многих регионах Центрального и Северо-Западного Кавказа, в значительной степени потерявших традиции исламского культа, практически происходило не возрождение, а воссоздание ислама, т.е. повторная исламизация[40], которая на сегодняшний день весьма далека от высокого уровня XVIII – начала XX веков.

Этническая идентичность особое значение приобретает в условиях общественного кризиса, коллапса. В такие периоды она (этническая идентичность) предоставляет возможность для самореализации личности больше, нежели любая иная социальная группа. Причина этого, вероятно, кроется в представлении отдельным субъектом своей этнической группы тем, что важнее и больше его самого, что во многом определяет пределы и направленность его жизненных устремлений, и что будет существовать после него. Такое одновременно сакральное и естественное восприятие своего этноса обусловлено тем, что человек его не выбирает. Этническая группа «задает» общепринятые стандарты поведения в процессе социализации и самореализации личности.

В других случаях отдельный субъект, исходя из собственных жизненных устремлений и амбиций, решается на «ломку», - переделывание под себя – устоявшихся стереотипов и традиций. Причины этого кроются в том, что в периоды крушения норм привычной жизни человек оказывается перед необходимостью объяснить себе

---

[40] Ярлыкапов А.А. Молодежные джамааты на Северном Кавказе // Проблемы сохранения толерантности в условиях полиэтничного и многоконфессионального региона. Сб. науч. статей. Махачкала, 2008. С. 468. Он же. «Народный ислам» и мусульманская молодежь Центрального и Северо-Западного Кавказа // ЭО. 2006. № 2. С. 59-74.

происходящее и осознать свою причастность к нему, понять смысл собственного бытия, что приводит к поиску собственной идентичности, собственного «Я». Самоидентификацию в социальном пространстве М.Ф. Румянцева относит к первичным социальным потребностям индивидуума[41]. Под воздействием внешних импульсов - распада СССР и прежней системы ценностей - в последние два десятилетия активно набирает обороты асоциальный процесс - асоциальный в том смысле, что в ходе разрушения старых декларируются новые социальные отношения, которые постоянно трансформируются - и процесс этот далек от завершения. Осмысливая происходящие события, человек позиционирует себя в социуме, ему неизбежно приходится пересматривать взрастившие его традиции, иерархию ценностей, (которые уступают теперь место другим), на модификацию (на переопределение) которых влияют его собственная политическая и конфессиональная ориентация, социальная позиция и т.д.

Таким образом, значительную роль в процессе формирования новых социальных отношений и новой системы ценностей играет самоидентификация личности. Самоидентификация отражается на социальном самочувствии как эмоционально-оценочном отношении индивида (ов) к окружающей социальной реальности и своему месту в ней и является важным показателем адаптации к изменяющимся условиям жизни. Но, как и много тысячелетий назад, естественную черту социальности продолжает составлять групповая самоидентификация, которая достигается путем различения и противопоставления себя другим[42] и уже через неё идет процесс социальной адаптации.

Позитивная этническая идентичность присуща большинству исследуемых народов и представляет собой баланс толерантности по

---

[41] Румянцева М.Ф. «Места памяти» в структуре национально-исторического мифа // Диалог со временем.21. М., 2007. С. 108.

[42] Бауман З. Мыслить социологически. М., 1996. С. 47.

отношению к собственной и другим этническим группам. Позитивная этническая идентичность является, с одной стороны, как условие самостоятельного и стабильного существования этнической группы, с другой – как условие мирного межкультурного взаимодействия в полиэтническом и поликультурном мире. В структуре позитивной этнической идентичности образ собственной этнической группы соотносится с позитивным ценностным отношением к другим этническим группам.

В свое время некоторые ученые утверждали, что дагестанская нация уже формируется на основе русского языка и даже предлагалось, чтобы все дагестанцы в пятой графе паспорта записывали национальность «дагестанец», однако исследования не заидеологизированных ученых и результаты наших собственных соцопросов показали преждевременность подобной акции, так как дагестанцы к этому еще не готовы[43]. В 2002 г. министерство по делам национальностей России начало разработку очередной концепции «дружбы российских народов». В 2004 г. в подготовленном документе министерства появился термин «общероссийская нация», но тут наступила череда правительственных реформ и паспорта акторов остались чистыми.

Вместе с тем многоуровневая самоидентификация, присущая современным дагестанцам, может либо осложнить, либо способствовать решению здесь насущных для РФ общественных проблем. Напомним распространенное мнение о необходимости и даже неизбежности целенаправленного формирования в РФ некоего интегрирующего фактора, способного сплотить ее большие и малые этносы в единую «политическую нацию» - органичную структуру такого рода, которая позволит каждому из составляющих ее субъектов сохранять свое

[43] Муртузалиев С.И. Северный Кавказ с «изнанки» и «снаружи» (Северный Кавказ. Дагестан, Чечня и региональная политика России в самооценке «кавказских аборигенов» и образ региона у болгар и японцев в свете эмпирических исследований). Махачкала: тип. «Формат», 2007. С. 87-90.

этнокультурное своеобразие и гарантирует каждому из них оптимально-возможные условия развития. Это остается все еще отдаленной перспективой – по общей оценке, руководство РФ пока не может предъявить сколько-нибудь продуманной и эффективной национальной политики, и на Северном Кавказе это заметно более чем где-либо.

Но рано или поздно нашему обществу предстоит приступить к формированию действенной интегративной политики, не исключая сложный, конфликтный Южный федеральный округ (с созданием нового Северо-Кавказского федерального округа - 19 января 2010 г. - задача частично сужается). Не имея возможностей судить о путях ее реализации в других национальных субъектах, хочется все же, основываясь на собственых социологических исследованиях и наблюдениях предположить, что при ответственном подходе как раз сложная, многоуровневая самоидентификация, отличающая общественный менталитет Дагестана, может дать реальный путь включения его в гипотетическую «политическую нацию» страны (один из «уровней» может сыграть здесь роль «соединительной ступени» при сохранении самостоятельности остальных).

Сразу отметим, что предпринимаемые в поликонфессиональной России попытки искусственного создания российской идентичности с помощью православного катализатора обречены на неудачу[44]. Немало тех, кто считает, что нации формируются только в «империях» и предлагающих строить новую Россию как нацию-государство на основе возврата к «православной сакральной империи»[45]. Идея эта особенно популярна среди духовенства Русской православной церкви (РПЦ), забывшего (?!), что попытка графа Уварова утвердить принцип

[44] Подробную аргументацию см. Муртузалиев С.И. Мирная экспансия церкви в систему образования и воспитания // Реалии и перспективы поликультурного образования в Дагестане: Коллективная монография / Под ред. С.И. Муртузалиева, В.Н. Цатурова. Махачкала: ДНЦ РАН, 2003. С. 28-61.

[45] Кольев А.Н. Нация и государство. Опыт реконструкции. М., 2005. С. 272.

"православие, самодержавие, народность", служивший основой официальной идеологии России до 1917 г., как и попытка К.П. Победоносцева (обер-прокурор Святейшего Синода с апреля 1880 по октябрь 1905 г.) установить приоритет церкви в области народного образования для того, чтобы «утверждать в народе православное учение»[46], не только провалились, но и явились одной из причин, приведших к свержению царского самодержавия.

Считаем, что в поликонфессиональной России использование религиозного фактора в таком аспекте недопустимо, т.к. РПЦ не является этнической церковью русских – это, во-первых. Мнение о том, что быть русским – значит быть православным, русское и есть православное как таковое – это, как минимум, духовный провинциализм, не видящий грани между национальным и вселенским. Во-вторых, еще А.В. Соловьев писал: «В государственном мундире церковь перестанет быть сама собой и превратится в Министерство вероисповедания и треб»[47]. В данном вопросе требуется значительно более тонкий подход, учитывающий региональную специфику и т.д. Реалии сегодняшнего дня показывают, что в кавказском регионе, к примеру, представители РПЦ более склонны к диалогу с представителями традиционного ислама, чем с католическими и протестантскими проповедниками. Таким образом, в кавказских субъектах России осуществляется надконфессиональная идентичность авраамических религий («традиционные конфессии»). Основу идентичности здесь составляют исторические корни тех или иных религиозных течений в кавказском ареале. Кроме того, исламские религиозные установления гармонично слились здесь с местными этнокультурными традициями и особенностями. Это служит базой, на которой «старый ислам» (суфийский и догматичный), совместно с православием отстаивает свои позиции против

[46] Цит. по: Каптерев П.Ф. История русской педагогики. СПб., 1915. С. 381.
[47] Звезда. 2000. № 2. С. 77.

салафитов и протестантских объединений[48]. Это же можно сказать и в отношении действующих в регионе иудейских религиозных общин.

Весьма проблематичным считаем и мнение В.А. Тишкова о том, что «наглядным ответом на вопрос о единстве народа нашей страны» является ликование десятков тысяч болельщиков, принадлежащих к самым разным российским национальностям, после футбольной победы над англичанами в Лужниках (2009 г.)[49]. Заметим, ликовали и в Дагестане и в других субъектах РФ, но единения народов всей страны, проявляющегося (вспыхивающего фейерверком) только в периоды празднеств явно недостаточно даже для утверждения, что «в каком-то смысле или в какие-то событийные моменты следует говорить о российской нации как *свершившемся факте* (выд. – С.М.) общественного сознания»[50]. Если следовать логике Тишкова, то неудачное выступление наших олимпийцев в Канаде (зима 2010 г.) тоже должно способствовать «единению народа» перед лицом общего разочарования? (общее горе сближает). Или же это следует трактовать как шаг назад от вожделенной идентичности? Нам гораздо больше импонирует суждение уважаемого В.А. Тишкова, со ссылкой на философа Г.П. Федотова[51], который «вполне точно выстраивал национальное сознание (идентичность) как множественное (тройное) и не взаимоисключающее, а как бы расширяющееся и включающее в себя все более высокие уровни вплоть до общегосударственного (российского). *Множественные и не исключающие друг друга уровни национального сознания сохранились и в сегодняшней России* (выд. – В.Т.). Причем, эти уровни также могут иметь

[48] Маркедонов С. Терроризм в руках «международных стандартов» 12.07.2006. http://www.apn.ru/publications/article1471.htm

[49] Тишков В. Формула и динамика национальной идентичности // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2008 году. Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга…М., 2009. С. 10.

[50] Тишков В. Формула и динамика национальной идентичности… С. 10

[51] Федотов Г.П. Судьба и грехи России. В 2 т. Спб: София, 1991. Т. 2. С. 179-181.

разную «этажность»[52]. Думается, этот путь более реален и продуктивен.

В Дагестане на протяжении многих веков биполярная система категоризации сохраняла свою устойчивость. Вместе с тем этническая идентичность трансформируется в результате многовекторного воздействия внутренних и внешних факторов. Одним из проявлений этого процесса в РД сегодня является формирование многоуровневой самоидентификации – процесс «реорганизации умов» продолжается. Однако это не снимает проблему выбора приоритетного уровня идентичности.

§ 2. Дагестанцы сухим языком социологии

Ознакомившись с приведенным выше материалом, читатель, особенно дагестанский, вправе спросить, а где конкретные факты? – от бесконечного повторения халва, халва во рту слаще не становится! Удовлетворяя законное требование, приведем результаты социологических опросов, проведенных на территории нашей республики и других субъектов Северного Кавказа.

В конце 2002 - первой половине 2003 года автор этих строк редактировал, а потом помогал проводить опрос по анкете **«Этнопсихология и патопсихология лидерства»** (автор адаптированной методики - Медяник О.В.). В опросе приняли участие 2010 респондентов (1008 мужчин и 1002 женщины), представителей «государствообразующих» и других народов Дагестана в возрасте от 17 до 65 лет. Для выяснения степени позитивности в восприятии «своего» и «чужого» в обыденном сознании дагестанцев респондентам был предложен большой блок вопросов. Но мы приведем только те вопросы и ответы, которые связаны с темой нашего исследования, сохраняя анкетную

[52] Тишков В. Формула и динамика национальной идентичности… С. 10.

нумерацию вопросов[53].

1) Своей этнической Родиной считают: 1) место, где родились – 30,5 % респондентов, 2) место, где выросли – 15,8 %, 3) место, где живут – 11,8 %, 4) Дагестан – 27,6 %, 5) Россию – 4,5 %, 6) другое – 9,6 %.

2) Особый интерес представляют ответы на ***вопрос о национальной принадлежности****:*

а) по паспорту

б) «кем Вы себя ощущаете» (указывается в скобках): даргинцем – 25,4 % (27,1 %), аварцем – 19,7 % (17,5 %), лакцем – 11,2 % (9 %), русским – 10,7 % (9,6 %), кумыком – 7,9 % (7,3 %), лезгином – 6,2 % (6,2 %), агульцем – 2,8 % (1,6 %), армянином – 2,2 % (1,1 %), азербайджанцем – 1,1 % (0,5 %), ногайцем - 0,5 % (3,3 %), мусульманином – 0 % (0,5 %);

в) по территориальному признаку свою этническую принадлежность идентифицировали как «дагестанец» - 7,9 %, как «россиянин» - 1,6 %. Данное явление можно рассматривать по-разному, в частности, как одно из следствий целенаправленной политики КПСС по формированию «новой исторической общности людей - советский народ».

С переходом на рельсы рыночной экономики, демократизации общественно-политической жизни, активизировались процессы пробуждения национального самосознания народов многонациональной России и в частности её субъекта – Дагестана. Люди стали активно интересоваться своей историей, своей культурой, искать ответа на вопрос: «Кто я такой?». Это предопределило постановку следующих вопросов.

3) Вспомните, пожалуйста, когда Вы впервые узнали, что являетесь представителем определённой национальности:

1. в детстве – 26,5 %
2. в школьные годы – 40,6 %

---

[53] Муртузалиев С.И. Северный Кавказ с «изнанки» и «снаружи» (Северный Кавказ, Дагестан, Чечня и региональная политика России в самооценке «кавказских аборигенов» и образ региона у болгар и японцев в свете эмпирических исследований). Махачкала, 2007. С. 86-105.

3. не припоминаю – 12,4 %

4. другое – 3,3 %

4) Оказавшись за границей, как Вы представлялись бы?

1. я из Дагестана – 60,4 %

2. я из России – 32,2 %

3. назвали бы свою национальность – 5 %

4. другое – 2,2 %

Предлагаю сопоставить эти ответы с мнением В.А. Тишкова по поводу заполнения анкеты в консульстве и с результатами соцопросов в центральных регионах России (см. выше).

7) Что, по-вашему, должно быть главным при определении национальности (можно отметить несколько вариантов)?

1. национальность отца – 68,9 %
2. национальность матери – 17,5 %
3. принятый в семье язык – 13,5 %
4. собственное пожелание – 14,1 %
5. место или республика проживания – 10,1 %
6. иное – 1,6 %

11) Как Вы считаете, чем отличаются представители разных национальностей? (можно отметить несколько признаков):

1. чертами характера, психологией – 38,9 %

2. особенностями поведения – 27,1 %

3. верованием – 11,2 %

4. чем-то трудно определимым – 12,4 %

5. культурными традициями, обычаями – 34,4 %

6. национальным языком – 73,4 %

7. внешним обликом – 16,3 %

8. в сущности различий нет – 4,5 %

9. затрудняюсь ответить – 2,8 %

12) Вы изучали родной язык?

1. да – 71,8 % 2. нет – 28,8 %

17) На каком языке Вы обычно говорите со своими друзьями и знакомыми Вашей национальности в учебном заведении и в других местах?

1. только на родном языке – 5 %
2. в основном на родном языке – 7,3 %
3. в одинаковой степени и на родном, и на русском языках – 24,2 %
4. в основном на русском языке – 62, 7 %.

Из этого следует, что русский язык в Дагестане является языком межнационального общения.

Аналогичные результаты получены нами при опросе в 2001 – 2002 годах 6211 старшеклассников и студентов учебных заведений по методике **«Этнопсихологический опросник»**[54]. Свободно говорить, читать и писать на родном языке могут 50,1 % респондентов (судя по результатам других опросов, отвечающие завысили свои знания), 17,2 % понимают и могут объясняться на своем родном языке, пятая часть респондентов (17,2 %) не владеют им.

Школьники и студенты из сельской местности (73,3 %) намного лучше владеют родным языком, чем их городские сверстники (45 %). Пятая часть городской молодежи (18,8 %) используют в быту только русский язык, хотя большинство из них знает разговорный родной язык.

22) В каких отношениях Вы состоите со своими соседями других национальностей?

1. дружим, часто общаемся – 50 %
2. отношения доброжелательные, но неблизкие – 42,9 %
3. практически не общаемся – 2,2 %

---

[54] Реалии и перспективы поликультурного образования в Дагестане / Под ред. С.И. Муртузалиева и В.Н. Цатурова. Махачкала, 2003. С. 178-191.

4. отношения враждебные – 1,1 %

5. другое - 2,2 %

23) Нужно ли учитывать национальность при выборе друзей?

1. да, обязательно – 3,3 %
2. сомневаюсь – 5,6 %
3. нет – 83 %
4. не думал об этом – 7,3 %

24) Среди Ваших друзей, близких и знакомых у Вас больше представителей:

1. своей национальности – 6,2 %
2. русских – 7,9 %
3. различных национальностей, но преобладают представители своей национальности – 58,1 %
4. всех национальностей в равной степени – 27,1 %

25) Считаете ли Вы обязательным выбор супруги (га) по национальному признаку?

1. да, считаю – 55,9 %
2. не задумывался – 11,8 %
3. нет, не считаю – 20,9 %
4. другое – 9 %

26) Как Вы относитесь к национально-смешанным бракам?

1. положительно, национальность в браке не имеет никакого значения – 43,5 %
2. национальность в браке не имеет значения, если муж (жена) соблюдает обычаи другого супруга – 44,6 %
3. затрудняюсь ответить – 7,9 %
4. отрицательно, считаю такой брак нежелательным – 5,6 %.

Ответы на последние два вопроса, во-первых, отражают реальную картину распространения национально-смешанных браков в Дагестане – в каждой десятой семье супруги – представители разных национальностей. Вместе с тем ответы свидетельствуют о том, что часть респондентов, по разным причинам, избегает такой близкой формы социальных контактов, как брак с представителем другой народности, а некоторые вообще

исключили саму возможность такого брака.

27) Испытывали ли Вы пренебрежительное отношение к себе, ущемление личного достоинства из-за своей национальности?

1. да – 9,6 % 2. нет – 90,3 %

28) С какими формами такого отношения к людям Вашей национальности или к себе Вам приходилось или приходится сталкиваться в повседневной жизни?

1. никогда не сталкивался с негативным отношением к себе на национальной основе – 64,9 %
2. внешних признаков нет, но чувствую недоброжелательность – 28,8 %
3. оскорбительные замечания, насмешки, явное презрение – 5,6 %
4. физическое воздействие (толкнули, ударили) – 1,1 %
5. угрозы – 0 %

29) Как часто Вы испытываете это негативное отношение?

1. не испытывал никогда – 74 %
2. испытывал очень редко – 19,2 %
3. испытываю постоянно – 5 %

30) Со стороны кого Вы его испытываете чаще всего?

1. на работе от сослуживцев – 1,6 %
2. на улице и в общественном транспорте от прохожих и пассажиров – 5%
3. от соседей в местах проживания – 2,8 %
4. в государственных учреждениях от официальных лиц – 3,9 %
5. от милиции и правоохранительных органов – 2,2 %
6. со стороны представителей других национальностей – 6,7 %

31) Если кто-то ведёт себя агрессивно по отношению к Вам, как Вы обычно поступаете?

1. отвечаю тем же – 57 %
2. ухожу от конфликта – 9,6 %

3. сглаживаю конфликт – 19,7 %

4. иду на односторонние уступки – 6,7 %

5. другое – 1,1 %

32) Ниже приведен список качеств, присущих людям всех национальностей. Какие качества Вы больше всего цените? (отсутствующие, на Ваш взгляд, качества можете указать сами):

1. бескорыстность – 18,6 %
2. вспыльчивость – 2,2 %
3. гостеприимство – 37,2 %
4. деловитость – 15,2 %
5. доброта – 32,7 %
6. консерватизм – 1,6%
7. непосредственность – 5,6 %
8. открытость – 22,0 %
9. патриотизм – 15,2 %
10. свободолюбие – 19,2 %
11. смелость – 19,2 %
12. честолюбие – 10,1%
13. трудолюбие – 26,5 %
14. честность – 29,0 %
15. эгоизм – 3,9 %
16. сплочённость – 23,1%
17. стойкость – 18,0 %
18. твёрдость – 19,2 %

33) Считаете ли Вы, что приобщение вашего народа к мировой цивилизации важнее возрождения национальных традиций?

1. да – 58,3 % 2. нет – 14,1 % 3. не задумывался – 27,5 %

34) Нужны ли национально-культурные объединения?

1. да – 51,9 % 2. нет – 12,4 % 3. не задумывался – 32,7 %

35) Чему, на Ваш взгляд, служат национальные объединения?

1. национально-культурному возрождению – 29,9 %

2. приобщению подрастающего поколения к своей культуре – 37,2 %

3. защите интересов людей своей национальности – 18,6 %

4. личным интересам их руководителей – 29,3 %

5. другому - 1,6 %

36) Достаточно ли хорошо Вы знаете обычаи и традиции своего народа?

1. да – 35,5 % 2. нет – 10,7 % 3. не очень хорошо – 53,8 %

Подобная тенденция прослеживается и по результатам опроса 6211 учащихся и студентов учебных заведений РД по методике Л.М. Дробижевой, Г.В. Старовойтовой, В.В. Пименова **«Этнопсихологический опросник»** в 2000-2002 гг.[55] Интерес к родным языкам, национальным песням, музыке, танцам, телепередачам и книгам на родном языке проявляют около половины учащихся и студентов. Около 65% респондентов из города и около 70% респондентов из села считают необходимым увеличить выпуск книг, посвященных историческому прошлому своего народа.

37) Соблюдаете ли Вы традиции, обряды своего народа?

1. выполняю все – 5 %
2. большую часть – 46 %
3. придерживаюсь редко, по отдельным элементам – 40,5 %
4. практически не придерживаюсь – 8,4 %

38) Насколько Вы приобщены к родной музыке?

1. люблю и часто слушаю с удовольствием – 32,4 %
2. люблю, но слушаю редко – 12,3 %
3. люблю слушать другую музыку, но признаю и эту музыку – 49,3 %
4. не люблю слушать подобную музыку – 1,5 %
5. мне безразлично – 4,5 %

Согласно опросу 6211 респондентов, старшеклассникам из сельской местности в большей мере нравятся зарубежные песни и танцы, чем свои национальные (старшеклассники из города – 13,5 %, из села – 23,7 %). Студенческая молодежь из города и села также в большей мере ориентируется на зарубежные песни и танцы (15,3 % и соответственно 39,5 %), чем на свои национальные (12,8 % и 27,9 %). Одна из причин «западной ориентации» связана с тем, что в средствах массовой

[55] Реалии и перспективы поликультурного образования в Дагестане / Под ред. С.И. Муртузалиева и В.Н. Цатурова. Махачкала, 2003. С. 179-180.

информации преобладает тематика, ориентированная на зарубежные ценности. В то же время в СМИ мало внимание уделяется вопросам гражданского и патриотического воспитания подрастающего поколения, приобщению молодежи к нравственным ценностям, культуре и традициям своего народа.

41) Принимали ли Вы участие (или будите принимать в случае необходимости) на стороне своей этнической группы в борьбе за права своей национальности?

1. нет, никогда – 20,9 %
2. да, всегда и в любой форме, в том числе вооружённой – 17,5 %
3. только в таких формах, которые не причиняют вреда другим людям – 54,2 %
4. другое – 5,0 %

42) Как Вы оцениваете положение людей Вашей национальности на фоне других дагестанских народов?

1. равноправие со всеми – 78,1 %
2. более высокое (привилегированное) – 8 %
3. права ущемлены – 6,9 %
4. другое – 7,0 %

43) Согласны ли Вы с утверждением, что Дагестан – это единая республика, где все народы равноправны?

1. да, согласен – 48,5 %
2. нет, не согласен – 12,4 %
3. не уверен – 27,1 %
4. не думал об этом – 11,2 %

44) Дагестанские народы имеют единую историю и больше сходства, чем различий:

1. да – 62,1 %
2. нет – 12,4 %
3. не задумывался – 24,2 %

45) Общение с представителями других национальностей обогащает Ваш духовный мир, делает его разносторонним:

1. да – 71,1 %
2. нет – 11,2 %
3. не задумывался – 11,8 %

47) Согласны ли Вы с мнением, что дагестанцы должны разделиться по национальному признаку и жить автономно со своими формами управления?

1. да – 9,0 % 2. нет – 83,6 % 3. не задумывался – 7,3 %

48) Национальная принадлежность – это то, что всегда будет разъединять людей

1. да – 35,0 % 2. нет – 43,5 % 3. не знаю – 18 %

49) Думаю, что органично развивать и сохранять национальную культуру могут только люди этой национальности:

1. да – 35,5 % 2. нет – 35,5 % 3. не задумывался – 27,6 %

Результаты исследования межэтнической конфликтности в России говорят о том, что в наибольшей мере она развивается в регионах, где проживают народы, относящиеся к так называемой третьей группе лингво-этнических процессов, то есть народы, очень хорошо сохранившие национально-культурную идентичность в сфере владения родным языком[56].

Результаты нашего анкетирования в 2003 году свидетельствуют, что эти высокие показатели сохранились и составляют в среднем 97,6 % Однако следует учитывать, что какая-то часть наших респондентов выдавала желаемое за действительное или просто постеснялась признаться в слабом знании своего родного языка. Думается, что эти данные обязательно следует учитывать при решении не только межнациональных проблем Дагестана, но и Северного Кавказа.

Руководство Дагестана должны были насторожить результаты исследований 1998-1999 годов, проведенные Институтом этнологии РАН. Согласно полученным данным интегрированность населения Дагестана в русскую культуру составляла менее 50 %, т.е. объективная основа для

[56] Мастюгина Т.М., Перепёлкин Л.С. Этнология. Народы России: история и современное положение. М., 1997. С. 252, 255.

возможного возникновения конфликта уже тогда присутствовала[57]. Об этом же свидетельствуют и приведенные выше результаты опроса Т.Г. Стефаненко.

Реалии сегодняшнего дня, спустя десятилетие, показывают, что процент интегрированности (см. выше - менее 50%) дагестанцев в русскую культуру неуклонно снижается, несмотря на то, что численность русско-говорящих возрастает. Причины подобных «нестроений» кроются в бездумном реформировании школьной и вузовской системы образования, в которой под предлогом борьбы с коррупцией насаждается тестирование по гуманитарным наукам – Единый государственный экзамен (ЕГЭ) и т.п. – это стрельба по воробьям из пушек, т.к. взятки из вузов переместились в школы (или слились), лицеи, районо и т.д. Руководство Минобразованием РФ «забывает» (не знает - ?!), что «неподкупные» компьютерные программы составляются программистами (имеющими, между прочим, своих детей), которые при необходимости, как и хакеры, без особого труда могут взломать программу(ы) или заранее предусмотреть в программе нелегальный вход «с черного двора» и «выдать на гора» требуемое количество зачетных баллов и своим детям и просителям со стороны. Судя по материалам СМИ и иным источникам, сдача ЕГЭ в 2009 году продемонстрировала множество и примитивных и талантливых способов успешного обмана Минобразования, а значит и всей воспитательно-образовательной политики государства. Последствия столь масштабного самообмана проявятся уже в ближайшее десятилетие, но уже со знаком минус на фоне торжественных реляций о пирровой победе над мздоимством в системе образования.

В результате повсеместно насаждаемого тестирования подрастающее поколение лишается: 1) нормальных условий для развития речевых способностей; 2) умения связно и последовательно излагать свои мысли на

---

[57] Дмитриев А.В. Конфликтология. М., 2000. С. 159.

русском языке, а это отрицательно влияет и на владение своим родным (национальным) языком; 3) вместо изучения произведений мировой литературной классики учителя вынуждены натаскивать (для правильных ответов на вопросы тестов) своих подопечных на фрагментарных текстах из этих произведений, опубликованных в суррогатных учебниках по литературе для таких-то классов – перечень нестроений может быть продолжен.

В 2000-2002 годах нами проводилось исследование этнической идентичности юношей и девушек в возрасте от 15 до 24 лет с помощью опросника С.В. Рыжовой и Г.У. Солдатовой **«Типы этнической идентичности»**[58].

Данная методика позволила выявить:

- степень осознания молодежью своей национальной принадлежности;
- представления учащейся молодежи об этноконсолидирующих и этнодифференцирующих признаках;
- тенденции трансформации этнического самосознания дагестанской молодежи.

Степень этнической толерантности оценивалась на основе следующих критериев:

- уровень «негативизма» в отношениях к своей и другим этническим группам;
- уровень порога эмоционального реагирования на иноэтническое окружение;
- степень выраженности агрессивных и враждебных реакций по отношению к другим этносам.

В этом исследовании приняли участие 4577 учащихся старших классов и 1654 студентов, всего 6231 респондентов из 10 городов и 24 сел

[58] Реалии и перспективы поликультурного образования в Дагестане / Под ред. С.И. Муртузалиева и В.Н. Цатурова. Махачкала, 2003. С. 181-182; Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М., 1998.

Дагестана. Непригодными для обработки оказались 16 опросных листов. Ответы учащейся молодежи из городской и сельской местности свидетельствуют о тенденции к позитивным межличностным взаимоотношениям респондентов – представителей различных этнических групп, что согласуется с результатами выше названной анкеты. Такие виды негативной этнической самоидентификации, как этноэгоизм, этноизоляционизм, этнофанатизм, основой которых является этноцентризм, в незначительной мере проявляются в межличностных контактах респондентов. Только около 10% респондентов из города и 12 % из сельской местности считает, что права нации всегда выше прав человека», а 11% городской и 14 % сельской молодежи согласны с утверждением: «Люди других национальностей должны быть ограничены в праве проживания на его национальной территории». Около 6% респондентов из города и 9 % из села утверждают: «На его земле все права пользования природными и социальными ресурсами должны принадлежать только его народу».

Позитивное отношение к своей и другим этническим группам выявлено у 67 % учащейся молодежи из города и у 54 % респондентов из села. Так, например, 68 % городских и 59 % сельских респондентов согласны с утверждением: «Я такой человек, который предпочитает образ жизни своего народа, но и с большим интересом относится к другим народам». 73% учащейся молодежи из города и 62 % из села выразили согласие с утверждением: «Любит свой народ, но уважает язык и культуру других народов»; 84 % студентов из города и 73 % из сельской местности «готовы иметь дело» с представителем любого народа, несмотря на национальные различия», а 42 % учащейся молодежи из города и 28 % из села «находят возможность мирно договориться в межнациональном споре».

Параллельно нами проводилось исследование по методике **«Типы этнической идентичности» в трех городах** (Махачкала, Хасавюрт,

Кизляр) и трех селах Каякентского, Чародинского и Кизилюртовского районов. В нем приняли участие 360 респондентов в возрасте от 25 до 70 лет[59]. Анализ ответов респондентов из более старших возрастных групп, как из городской, так и сельской местности свидетельствует о стремлении большинства опрошенных к позитивным межэтническим взаимоотношениям с представителями других этносов. Этноэгоизм, этноизоляционизм, этнофанатизм, как виды негативной этнической идентичности, в большинстве случаев не проявляются в межличностных контактах респондентов. Только 7,2 % респондентов из города и 19,9 % из сельской местности считает, что «Права нации всегда выше прав человека», а 11,2 % опрошенных из города и 36,3 % из села согласны со следующим утверждением: «Люди других национальностей должны быть ограничены в праве проживания на его национальной территории».

Позитивное отношение к своей и другим этническим группам выявлено у 56 % взрослых респондентов из города и у 34 % из сельской местности. Немногим более половины опрошенных из города (57,2 %) и 36,2 % из села согласны с утверждением: «Я такой человек, который предпочитает образ жизни своего народа, но и с большим интересом относится к другим народам». 54 % городских и 48 % сельских респондентов согласились с утверждением: «Любит свой народ, но уважает язык и культуру других народов»; 55,3 % опрошенных из города и 34,2 % из села «готовы иметь дело с представителем любого народа, несмотря на национальные различия», а 44,7 % респондентов из городской и 25 % из сельской местности «находят возможность мирно договориться в межнациональном споре».

Анализ ответов свидетельствует о существовании значительных различий между ответами городских и сельских респондентов всех возрастных групп. Городские жители более открыты для межэтнического

[59] Реалии и перспективы поликультурного образования в Дагестане… С. 182.

взаимодействия, чем сельские. Это объясняется тем, что большинство горожан находятся в условиях постоянного взаимодействия с представителями многих этносов и конфессий в поликультурном социальном пространстве. Тогда как большинство жителей сельской местности республики лишены возможности постоянного контакта с представителями различных этнических групп. Для титульных народов Дагестана наиболее распространенной является национально-диалогическая направленность в межэтнических отношениях, которая проявляется в выраженной позитивной этнической идентичности, этносоциальной открытости при отсутствии этнических предубеждений.

Таким образом, позитивная этническая идентичность в начале XXI века была характерна для большинства дагестанских народов и представляет собой баланс толерантности по отношению к собственной и другим этническим группам. Позитивная этническая идентичность является, с одной стороны, как условие самостоятельного и стабильного существования этнической группы, с другой – как условие мирного межкультурного взаимодействия в полиэтническом и поликультурном пространстве. В структуре позитивной этнической идентичности позитивный образ собственной этнической группы соотносится с позитивным ценностным отношением к другим этническим группам. **Культурная идентичность определяет государственную целостность, потому что единство страны может проявляться лишь через разнообразие этносов и этноидентичность, через их взаимодействие и взаимообогащение.**

Какова ситуация на сегодняшний день – улучшилась или ухудшилась – мы, к сожалению, сказать не можем, так как для этого необходимо провести столь же широкомасштабный мониторинг как и в 2000 - 2002 годах. Но без соответствующей финансовой и прочей поддержки (программное обеспечение и др.) мониторинг невозможен, хотя

крайне необходим для определения в каком направлении надо вести дальнейшую работу. Объясняется это тем, что формирование позитивной этнической идентичности предполагает, с одной стороны, воспитание уважения к своему народу, гордости за его историю, обычаи, традиции, ценности, с другой, постижение многообразия полиэтнического и поликультурного мира, отказ от противоположности «меньшинство/ большинство», «титульный/нетитульный», принятие другого вне зависимости от его национальной и религиозной принадлежности, понимание непохожести и единство как две стороны одного и того же процесса[60].

Одновременно с методикой «Типы этической идентичности» с учащимися и студентами Дагестана были проведены еще два теста: «Тест руки» Э. Вагнера (модификация Кисловой Г.И., Цатурова В.Н.) и «Тест установок личности на себя» (М. Куна и Т. Маркпартлэнда)[61].

«Тест руки» был направлен на:

- выявление уровня этничности (этнической идентичности), которая связана с уровнем развития национального самосознания;
- определение степени проявления и выраженности эмоционального отношения личности к представителям своей и других этнических групп.

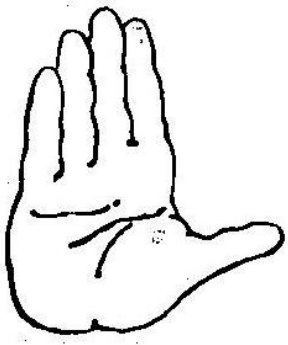
Испытуемым предлагалось ответить на вопросы о том, какое, по их мнению, действие выполняет каждая из 9 нарисованных кистей руки, какой этнической группе она принадлежит.

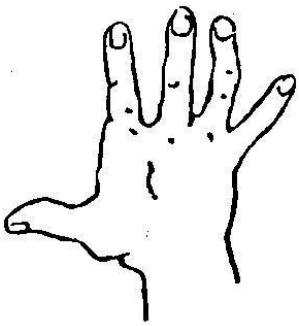
[60] Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М., 1998. С. 32.

[61] Реалии и перспективы поликультурного образования в Дагестане / Под ред. С.И. Муртузалиева и В.Н. Цатурова. Махачкала, 2003. С. 183-185.

Тест руки (Hand test)

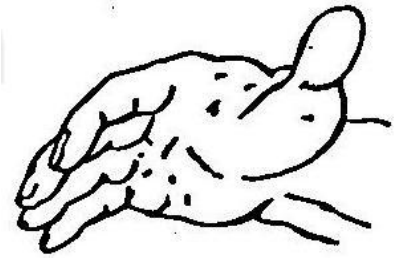
Карточка 1

Карточка 2

Карточка 3

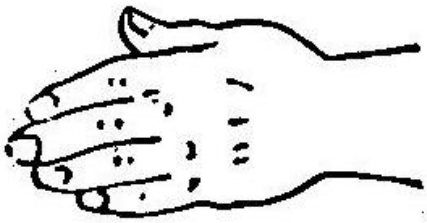
Карточка 4

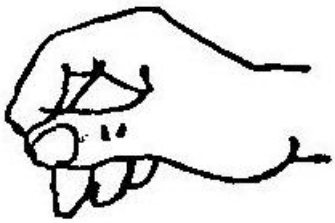
Карточка 5

Карточка 6

Карточка 7

Карточка 8

Карточка 9

Всего было обработано 6209 ответов теста, непригодных для обработки бланков оказалось 22. Оценка полученных результатов осуществлялась по следующим категориям:

1) агрессия – рука воспринимается как доминирующая, наносящая повреждения, активно захватывающая какой-либо предмет;
2) указания – рука ведущая, направляющая, препятствующая, господствующая над другими людьми;
3) страх – рука выступает в ответах как жертва агрессивных проявлений другого лица или стремится оградить кого-либо от физических воздействий, а также воспринимается в качестве наносящей повреждения самой себе;
4) привязанность – рука выражает любовь, позитивные эмоциональные установки к другим людям;
5) коммуникация – ответы, ответы, в которых рука общается, контактирует или стремится установить контакты;
6) зависимость – рука выражает подчинение другим лицам;
7) эксгибиционизм – рука разными способами выставляет себя напоказ;
8) увечность – рука деформирована, больна, неспособна к каким-либо действиям;
9) активная безличность – ответы, в которых рука проявляет тенденцию к действию, завершение которого не требует

присутствия другого человека или людей, однако рука должна изменить свое физическое местоположение, приложить усилия;

10) пассивная безличность – проявление к действию, завершение которого не требует присутствия другого человека, но при этом рука не изменяет своего физического положения;

11) описание – ответы, в которых рука только описывается, тенденция к действию отсутствует.

Анализ ответов респондентов выявил следующие тенденции:

1. Позитивное эмоциональное отношение к своему этносу (рука с позитивными действиями в 93% приписывалась своему этносу: приветствует, помогает, танцует, работает).

2. Негативные эмоции выражались в отношении к чужим этносам, причем в подавляющем большинстве ответов назывались чеченцы, что, на наш взгляд, однозначно связано с военными действиями незаконных вооруженных формирований в Чечне, их агрессивностью, нападением бандформирований в августе-сентябре 1999 года на Дагестан. Подобные ответы больше встречались при опросе в северо-дагестанских приграничных с Чечней районах (Хасавюртовский, Казбековский, Ногайский, Тарумовский и Кизлярский).

3. Действия руки – защита, попрошайничество и т.п. приписываются некоренным представителям Дагестана и мигрантам-беженцам (русские, таджики, цыгане).

4. В восприятии жестов руки ярко проявляются негативные этнические стереотипы на уровне обыденного сознания. Подобное явление осложняет процесс общения между представителями разных этносов и способствует развитию межэтнической напряженности.

5. Высокий уровень образованности и предыдущий опыт общения влияет на успешность адаптации в полиэтнической среде, что повышает эффективность учебно-познавательного процесса.

Опросник **«Тест установок личности на себя»** (М. Кун и Т. Маркпартлэнд) был направлен на исследование самоотношения личности, выявление типа «Я-концепции» во взаимосвязи с культурно-цивилизационной идентичностью личности в полиэтническом и поликультурном социуме. Обработано всего 6212 опросных листа учащейся молодежи, непригодных для обработки оказалось 19 бланков. Всего в исследовании приняли участие 6231 респондента из городов и сел РД. Полученная в результате опроса вся совокупность свободных самохарактеристик респондентов была подвергнута контент-анализу. Контент-анализ проводился с целью определения в идентификационных матрицах приоритетных категорий, которые задают основное направление в процессах межличностного и межгруппового сравнения. При контент-анализе идентификационных матриц, все ответы респондентов были отнесены к индивидуалистическим и коллективистическим характеристикам. В число коллективистических входили характеристики, связанные с социальным статусом (студент, учащийся), полом (мужчина, женщина), возрастом (юноша, девушка, молодой, взрослый), религиозной принадлежностью (верующий, неверующий, мусульманин, христианин и др.), семейными ролями (сын, дочь, внучка, внук и др.), национальной принадлежностью (аварец, даргинец, лезгин, русский и др.), будущей профессией и др. В число индивидуалистических характеристик вошли самоидентификации, которые явились результатами особых жизненных обстоятельств, личностными признаками, позитивными и негативными характеристиками (счастливый, неудачник, красивый, умный и др.).

Анализ ответов выявил следующие тенденции:

1. В большинстве случаев наблюдается коллективистическая зависимая «Я-концепция» с идентификацией на этнические, религиозные, профессиональные, культурные группы;

2. Индивидуалистические характеристики личности занимают первые десять мест в списке двадцати качеств у 40,2 % респондентов, проживающих преимущественно в городской местности;

3. Этнокультурные традиции (тухумно-родственные связи, малочисленность этносов, этноцентризм) лежат в основе формирования зависимой «Я-концепции» молодежи из сельской местности.

Дагестан, как уже отмечалось, находится на стыке западной и восточной цивилизаций. Считаем, что анализ литературы и полученные нами результаты опросов подтверждают гипотезу Д. Майерса и Д. Мацумото о том, что люди в индивидуалистических западных культурах принимают концепцию независимого “Я”, а в азиатских культурах – взаимозависимого “Я”. Человек с взаимозависимым “Я” в большей степени ощущает свою принадлежность к определенной группе, а его самооценка тесно взаимосвязана с тем, что другие думают о нем и его группе. Коллективистские культуры высоко ценят групповые интересы, индивиды определяются больше через групповую принадлежность, чем через их собственные качества. В таком обществе поддерживается иерархическая дифференциация и вертикальные связи, а статус и поведение человека определяется его положением в иерархической структуре. Люди в этих культурах социализируются таким образом, чтобы адаптироваться к установленным отношениям или к той социальной группе, к которой они принадлежат, проявлять солидарность со всеми ее членами. Эти культурные задачи вырабатывались на протяжении всего существования культуры, способствуя взаимной зависимости «Я» и других. Однако, это вовсе не означает, что люди с взаимозависимым «Я» не имеют представления о своих внутренних атрибутах, таких как личностные черты, способности, интеллект, ценностные установки и ориентации. В коллективистических культурах внутренние атрибуты имеют меньшую значимость, поэтому они и не являются основным

объектом мыслей, чувств и действий индивидов. Для людей в индивидуалистических культурах оценка себя и своей группы другими не имеет такого большого значения. Индивидуалистические культуры поощряют и ценят индивидуальность и уникальность человека. В индивидуалистическом обществе социализация направлена на то, чтобы каждый человек мог стать уникальной личностью, выразить себя, актуализировать внутреннее «Я». При таком независимом конструкте «Я» индивиды сосредоточиваются на личных, внутренних атрибутах: способностях, интеллекте, чертах характера, ценностных ориентациях, выражая их публично[62].

Формирование культуры межэтнического общения в поликультурном социуме, по мнению многих исследователей, позволяет этносам и народам преодолевать негативные установки, стереотипы и предубеждения в процессе восприятия и понимания друг друга. В целях формирования культуры межэтнического общения в поликультурной среде необходимо организовать сотрудничество на принципах толерантного поведения. Воспитание толерантных качеств в молодежной субкультуре носит многоплановый характер и в условиях полиэтничности, поликультурности, многоязычия приобретает характер поликультурного образования[63].

До недавнего времени считалось, что воспитание толерантных качеств и следование Кодексу толерантности в полиэтническом и поликультурном социуме, позволяет формировать у этносов и народов способность к адекватному восприятию и пониманию личности друг друга. Однако в последние годы ученые обратили внимание на то, что в полиэтническом регионе, каковым является Северный Кавказ, парадигмальные конфликты (конфликт старой и новой научных парадигм,

---

[62] Майерс Д. Социальная психология. СПб., 1999; Мацумото Д. Психология и культура. СПб., 2002.
[63] Шалин В.В. Толерантность. Ростов-на-Дону, 2000.

разрешающийся, как правило, научной революцией) разворачиваются, прежде всего, на почве сложных межэтнических и межконфессиональных отношений. По этому поводу В.А. Авксентьев пишет: «В качестве общей технологии разобщения людей используется, например, набивший оскомину концепт толерантности, скрытая суть которого, на фоне красивых слов, заключается в том, что мы слишком разные, чтобы осознать собственную общность и, следовательно, у нас нет и не может быть общей идентичности. Воспитанные в духе толерантности люди становятся населением, возможно, принявшим правила политкорректности, но которое никогда не станет народом. А именно народ, как известно, является субъектом страны, без народа нет страны, а есть территория и население. Парадигмальные конфликты в настоящее время – основной способ торможения процесса глубокой интеграции Северного Кавказа в российское цивилизационное пространство»[64].

Кавказская ноосфера или большая кавказская традиция, сам феномен «кавказскости» соотносятся, прежде всего, с идеалом «просвещенного кавказца» - идеалом, который сегодня предан забвению государственными СМИ, вытолкнут ими на периферию.

Завершая параграф и главу, приведем результаты трех эмпирических исследований, из которых два были проведены в 2008 году, а одно – в феврале 2009 года. Это три разные анкеты, позволяющие (при всех недостатках соцопросов) более реально оценить современную ситуацию в сфере межэтнического взаимодействия, этнокультурной интеграции и степени патриотизма в Дагестане.

В рамках проекта **«Мониторинг перемен: оценки, мнения и суждения дагестанцев»** территориальным органом Федеральной службы

[64] Авксентьев В.А. «Парадигмальные конфликты» и конфликты идентичностей как препятствия на пути интеграции Северного Кавказа в российское цивилизационное пространство // Национальные элиты и проблемы социально-политической и экономической стабильности: Материалы Всероссийской научной конференции (9-10 июня 2009 г., Ростов-на-Дону). Ростов-на-Дону. 2009. С. 13.

государственной статистики по Республике Дагестан в мае 2008 года был проведен очередной (с 1998 г.) социологический опрос населения РД. Опрашивалось по 600 - 700 человек, выборка репрезентативна по основным демографическим параметрам дагестанского общества. Анализ полученных результатов показал, что в целом проблемы национальных отношений демонстрируют устойчивый уровень своей значимости в промежутке от 30 до 16 процентов пунктов. Если в марте 1998 г. этот показатель «взлетел» до 30 %, то, начиная с 2004 г., этот блок проблем постоянно занимает в РД последнее место. Оценка значимости национальной проблематики различается у отдельных категорий опрошенных. В опросе 2008 года ее отмечают 12 % жителей Махачкалы, 17% респондентов в сельской местности и 21 % в остальных городах республики. Среди национальностей более чувствительное отношение к межнациональным проблемам проявляется среди живущих в Дагестане чеченцев (43 %), лезгин (23 %) и русских (21 %).

В конце 2008 года автор этих строк являлся руководителем комплексного исследования **современного этносоциального положения русскоязычного, в том числе русского населения в РД.** Совместно с К.М. Ханбабаевым по заданию Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов РАН (Москва) нами было проведено анкетирование в 3-х административных районах Махачкалы: Кировском, Ленинском и Советском. В соответствии с заданием в каждом районе города было опрошено (с помощью двух преподавателей и аспирантки ДГУ) по сто человек в возрасте от 15 до 60 и старше лет. Поскольку заказчик (Сеть этнологического мониторинга) еще не опубликовал все материалы анкетирования, мы приведем здесь только некоторые из полученных нами результатов опроса махачкалинцев без углубленного анализа (ограничиваясь лишь общей суммарной констатацией), сохраняя нумерацию анкетных вопросов.

ОБЩИЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ОПРОСА

Сравнительный анализ ответов женщин и мужчин

на конкретные вопросы анкеты по г. Махачкала

Национальность опрошенных	**Женщины**	**Мужчины**
аварцы	19,38	16,43
агулы	1,25	2,14
азербайджанцы	1,25	2,88
грузины	-	1,43
даргинцы	14,38	20
корейцы	0,63	-
кумыки	5	7,14
лакцы	11,25	15
лезгины	9,38	8,57
русские	13,75	9,29
рутульцы	2,5	0,71
табасаранцы	1,25	2,14
татары	1,25	0,71

4. Каково ваше отношение к тому, что люди разных национальностей заключают браки, образуют семьи? Дайте один ответ:

1. Я - за.	21,25	25
2. Ничего не имею против, национальность не имеет значения.	55	47,14
3. Допускаю.	15,63	12,86
4. Это меня не касается.	4,38	5,71
5. Смотря, какие национальности.	4,38	7,14
6. Такие отношения нежелательны.	1,25	0,71
7. Я - против.	-	2,86

Ответы на этот вопрос у мужчин и женщин в основном совпадают.

9. Хотелось бы вам уехать из этого региона? (дайте один ответ)

1. Да, на длительное время.	36,88	32,14
2. Да, навсегда.	17,5	10,71
3. Нет.	27,5	35,71
4. Затрудняюсь ответить.	18,75	20

27,5% женщин не хотят уезжать из своего региона, в то же время 35,71% мужчин также положительно ответили на этот вопрос.

Заметим, что отъезд местного населения за пределы Дагестана в последние годы имеет тенденцию к возрастанию. Больше всего выезжают люди в возрасте от 17-18 до 29 лет. В этой категории значительное число уезжающих имеет намерение поселиться на новом месте. Имеется специфика миграции по национальностям. Например, даргинцы уезжают на срок от 5 до 10 лет, а аварцы – на 3-5 лет, чтобы потом вернуться в Дагестан.

Опрос показал, что:

- хотели бы уехать на длительное время - 34,7 %:
- уехать навсегда – 14,3 %
- нет, не хотят уехать – 31,3 %
- затруднились ответить – 19,0 %
- хотят мигрировать в другие районы – 34,3 %
- в другую страну – 47,3 %
- затруднились ответить – 19,0 %

10. Если бы вы хотели уехать, то куда именно? (возможны несколько ответов)

1. В другой регион России.	32,5	36,43
2. В другую страну.	50,63	43,57
3. Затрудняюсь ответить.	18,13	20

При этом в другой регион России хотят уехать 32,5% женщин и 36,43% мужчин. В другую страну хотят уехать мужчин на примерно на 7% меньше, чем женщин.

11. В трудных жизненных обстоятельствах, на чью поддержку вы более всего рассчитываете? (допустимо несколько ответов)

1. Семья, родственники.	83,13	88,57

2. Друзья, соседи, земляки.	28,75	42,14
3. Те, кто со мной работает, учится.	11,25	13,57
4. Духовное лицо, религиозная община.	3,13	2,86
6. Люди моей национальности.	1,88	3,57
7. Начальство.	0,63	-
8. Федеральная власть.	-	2,14
9. Региональные и местные власти.	1,25	1,43
10. Другое.	1,88	3,57
11. Ни на кого.	10	7,14

В трудных жизненных обстоятельствах на друзей, соседей и земляков на 13% больше рассчитывают мужчин, чем женщин.

12. Как вы понимаете слово «национальность»? (возможны несколько ответов)

1. То, что в советские времена значилось в паспорте.	1,25	4,29
2. Гражданство.	3,13	3,57
3. Происхождение по родителям и предкам.	65,63	65,71
4. Язык, культура.	55,63	68,57
5. Место рождения.	8,75	13,57
6. Другое.	1,88	-
7. Затрудняюсь ответить.	3,75	2,86

На 13% больше мужчин отдают предпочтение языку и культуре в идентификации национальности, чем женщин.

13. Как вам кажется, следует ли государству учитывать во время переписи населения национальность и религию граждан? (дайте один ответ)

1. Да, только национальность.	12,5	5,71
2. Да, только религию.	1,88	3,57

3. И то, и другое.	37,5	36,43
4. Нет, ни то, ни другое.	29,38	30,71
5. Затрудняюсь ответить.	16,88	20,71

Примерно на 7% мужчин больше чем женщин считают, что государству следует учитывать во время переписи населения национальность граждан.

14. Чем окружающие вас люди не похожи друг на друга? Выберите один ответ:

1. Личными особенностями.	85,63	77,86
2. Тем, что принадлежат к разным группам, общинам, народам.	11,88	20

В обоих ответах на этот вопрос разница между мужчинами и женщинами составляет почти 12%. Личные особенности выделяют 85,63% женщин и 77,86% мужчин. На второй вопрос о принадлежности к разным группам, общинам, народам 11,88% женщин и 20% мужчин ответили утвердительно.

15.Что для вас понятие Родина? (возможны несколько ответов)

1. Мое государство Россия.	29,38	35,71
2. Место моего рождения.	53,13	59,29
3. Там, где жили мои предки.	25	37,14
4. Место, где я прожил большую часть жизни.	29,38	20
5. Там, где я сейчас живу.	16,25	17,14
6. Другое.	0,63	1,43

В определении Родины предпочтение месту проживания отдали 25% женщин и 37,14% мужчин.

20. Каковы в вашем регионе отношения между национальностями? (дайте один ответ)

1. Складываются в целом хорошо.	36,88	48,57

2. Складываются в целом плохо.	4,38	3,57
3. Бывает по-разному.	54,37	42,86
4. Затрудняюсь ответить.	4,38	2,86

На хорошо оценивают отношения в регионе между национальностями 36,88% женщин и 48,57% мужчин, т.е. на 12% мужчин оценивают более оптимистично.

21. Как вам кажется, праздники разных религий объединяют или разъединяют людей? (дайте один ответ)

1. Объединяют.	38,75	39,29
2. Разъединяют.	12,5	10,71
3. Никак не влияют.	34,38	29,29
4. Затрудняюсь ответить.	11,25	19,29

Мужчины и женщины почти одинаково ответили на вопрос о роли праздников разных религий в объединении или разъединении людей.

22. На каких языках следует изучать школьные предметы в старших классах? (возможны несколько ответов)

1. На иностранных языках.	20	20,71
2. На русском языке.	86,88	85,71
3. На другом языке, который используется в регионе.	6,25	8,57
4. Затрудняюсь ответить.	1,25	6,43

Абсолютное большинство женщин и мужчин считают, что следует изучать школьные предметы в старших классах на русском языке – как государственном и как языке межнационального общения (жен. – 86,88% и муж. – 85,71%).

23. Ваше мнение по поводу преподавания русского языка в школах региона: (дайте один ответ)

1. Преподавание соответствует потребностям населения.	55	56,43

2. Преподавание избыточно.	1,25	5,71
3. Преподавание недостаточно.	31,25	20,71
4. Затрудняюсь ответить.	12,5	16,43

Недостаточным считают преподавание русского языка в школах региона 31,25% жен. и 20,71% муж.

Опрос показал, что преподавание русского языка соответствует – 55,7 % респондентов;

- преподавание избыточно – 3,3 %;

- преподавание недостаточно – 26,3 %;

- затруднились ответить – 14,3 %.

Преподавание истории – соответствует идее российского патриотизма – 62,3 %, противоречит идее российского патриотизма – 5,3 %, затруднились ответить – 30,7 %.

28. Как вам кажется, способны ли общественные или религиозные организации предоставить человеку, такому как вы, реальную помощь:

1. При устройстве на работу? - нет	70,63	58,57
1. При устройстве на работу? - да	21,25	34,29
2. При трудностях с милицией? - нет	74,38	67,86
2. При трудностях с милицией? - да	16,25	21,43
3. При голосовании на выборах? - нет	55,63	59,29
3. При голосовании на выборах? - да	33,75	27,86
4. При недостаточном внимании государства к пенсионерам, детям, инвалидам, многодетным матерям? - нет	47,5	45,71
4. При недостаточном внимании государства к пенсионерам, детям, инвалидам, многодетным матерям? - да	40,63	34,29

При ответах на этот вопрос 21,25% жен. и 34,29% муж. считают, что общественные и религиозные организации предоставляют человеку

реальную помощь при устройстве на работу, но большинство придерживается иного мнения: 70,63% жен. и 58,57% муж.

29. Согласны ли вы с тем, что люди разных национальностей и религий имеют в вашем регионе равные возможности:

1. Быть избранными на ответственные посты - нет	43,75	34,29
1. Быть избранными на ответственные посты - да	47,5	57,86
2. При получении образования - нет	17,5	10
2. При получении образования - да	75	85,71
3. В достижении материального благополучия - нет	28,13	20,71
3. В достижении материального благополучия - да	62,5	70
4. В духовном и культурном развитии - нет	18,75	12,86
4. В духовном и культурном развитии - да	74,38	77,14
5. При получении хорошей должности - нет	43,75	35
5. При получении хорошей должности - да	51,25	56,43

Разница между ответами на вопрос о том, что согласны ли вы с тем, что люди разных национальностей и религий имеют в вашем регионе равные возможности женщины отдают предпочтение почти на 8-10% больше, чем мужчины в ответе на «Быть избранными на ответственные посты – да», на вопрос «В достижении материального благополучия – нет», на вопрос «При получении хорошей должности – нет».

30. Если вам известны случаи унижения или оскорбления людей на основании их религии, национальности, то из каких источников (возможны несколько ответов):

1. Телевидение, газеты, журналы.	33,13	38,57
2. Книги.	5	4,29
3. Интернет.	15,63	30,71
4. Надписи на заборах и в общественных местах.	26,88	31,43
5. Из рассказов других.	54,37	42,86
6. Сам был очевидцем.	20	22,86
7. Сам оказался жертвой.	8,13	2,86

8. Сам был участником.	3,13	4,29

О случаях унижения или оскорбления людей на основании их религии, национальности через Интернет узнали 15,63% жен. и 30, 71% муж., из рассказов других – 54,37% жен. и 42,86% муж.

34. Ходите ли вы на выборы?

1.Да	26,88	30,71
2.Нет	53,13	39,29
3.Иногда	15,63	15,71

Примерно около 30% мужчин и женщин ходят на выборы. Низкое участие в выборах объясняется неверием в честность результатов выборов.

35. Участвуете ли в общественных или политических организациях?

1.Да	11,88	10,71
2.Нет	71,25	66,43
3. Иногда	11,88	9,29

Отсюда - низкое участие и муж. и жен. в общественных и политических партиях – примерно одинаковое - 11-12%. Абсолютное большинство муж. (66,43%) и жен. (71,25%) не участвуют в работе партий и общественных движений.

37. Возраст респондентов

18 - 24 лет	60	62,86
25 - 39 лет	26,88	23,57
40 - 59 лет	10,63	10
60 лет и старше	1,25	0,71

38. Образование:

1.Без образования или начальное	0,63	2,14
2.Среднее	38,75	35
3.Среднее специальное	15	11,43
4.Высшее	45	45

Почти половина опрошенных (45%) муж. и жен. имеют высшее образование. Более 35% имеют среднее образование.

39. Язык. Если в повседневной жизни кроме русского языка вы используете другие языки, назовите их:

аварский	16,25	12,14	лакский	9,38	14,29
агульский	0,63	2,14	лезгинский	8,75	8,57
азербайджанский	0,63	0,71	немецкий	0,63	0,71
английский	5,63	1,43	русский	14,38	5,71
даргинский	11,88	15	рутульский	1,88	0,71
корейский	0,63	-	табасаранский	-	2,14
кумыкский	5	5	татарский	0,63	0,71

Результаты данного опроса, проведенного нами среди жителей Махачкалы, несколько успокаивают. Однако не следует забывать, что это мнение всего лишь 300 респондентов и реальная ситуация может быть более напряженной, чему вольно или невольно способствуют масс-медийные средства. Об этом говорят ответы махачкалинцев на вопрос о случаях унижения или оскорбления людей на основании их национальности и религии: через телевидение, газеты и журналы узнали 33,13% женщин и 38,57% мужчин; через Интернет узнали 15,6% женщин и 30,7% мужчин; из рассказов других – 54,4% женщин и 42,9% мужчин. Но сами реально оказались жертвой только 8% мужчин и около 3% - женщин; сами были участниками: около 3% мужчин и более 4% женщин. Это свидетельствует об огромной роли слухов (рассказов других), подпитываемых СМИ в нагнетании напряженности в межнациональных отношениях в Дагестане.

С целью определения степени патриотизма у сегодняшней молодежи Дагестана социологической службой ДГПУ в феврале 2009 года среди 750 респондентов ДГУ, ДГПУ, Института теологии и религиоведения был проведен социологический опрос, в котором кроме студентов участвовали:

170 преподавателей вузов, 50 учителей, 50 врачей, 50 госслужащих, 50 рабочих и 30 банковских служащих[65]. Из всего перечня вопросов данной анкеты приведем только те, которые отвечают теме нашего исследования, поэтому нумерация вопросов и ответов не соответствует анкетной.

Для выяснения отношения махачкалинцев к целостности российского государства респондентам были заданы два вопроса.

1. ***Скоро исполнится 150 лет со дня добровольного вхождения Дагестана в состав России. Как Вы относитесь к тому, что Дагестан находится в составе России?*** Были получены следующие ответы: «Очень хорошо» - 93,5%; «Не очень хорошо» - 3,3%; «Плохо» - 0,95% респондентов.

2. ***Некоторые представители нашей республики выступают за выход Дагестана из состава России и создание исламского государства. Как Вы относитесь к таким призывам?*** Ответы распределились следующим образом: «Плохо, нам нельзя выходить из состава России» - 79,1%; «Мне все равно» - 6,4%; «Поддерживаю такие призывы» - 4,4%; затруднились ответить – 10% респондентов.

Затем был задан вопрос: ***«Чувствуете ли Вы себя гражданином РФ за пределами Дагестана?»*** Ответили «Да» - 70,4%; «Нет» - 16,6%; затруднились ответить – 11,7% опрошенных.

На вопрос ***«Чем является для Вас русский язык?»*** респонденты ответили следующее: «Родным языком» - 11,6%; «Вторым родным языком» - 39,2%; «Языком межнационального общения» - 48% респондентов. Опрос показал, что 99% опрошенных к русскому языку относятся позитивно и сегодня в Дагестане русскому языку как средству межнационального общения нет альтернативы.

Проанализировав полученные материалы, социологи пришли к выводу, что «несмотря на развернутую в 90-е годы прошлого века в СМИ кампанию

---

[65] См. Джамалудинов Г.М., Адзиев Х.Г. Прогноз формирования гражданской идентичности в многонациональном регионе (социологический анализ) // Геополитические интересы России на Кавказе: опыт реализации и проблемы / материалы международной науч.-практич. конференции (23 апреля 2009 г.). Дербент, 2009. с. 331 - 336.

против представителей кавказских народов, отношение махачкалинцев и всех дагестанцев к России и русскому народу осталось доброжелательным. Более 70% респондентов ответили, что они в любом субъекте Российской Федерации чувствуют себя полноценными россиянами»[66].

Завершая главу, заметим, что сегодня одной из актуальных задач духовно-нравственного воспитания дагестанского общества, прежде всего молодежи, является формирование позитивной этнической идентичности, которая составляет ядро национального самосознания, и представляет собой баланс толерантности по отношению к собственной и другим этническим группам. О необходимости целенаправленной работы в указанном направлении (и не только среди молодежи – среди всех слоев населения РФ) свидетельствуют публикации в некоторых СМИ, о деструктивных последствиях которых речь шла выше.

[66] См. Джамалудинов Г.М., Адзиев Х.Г. Прогноз формирования гражданской идентичности в многонациональном регионе (социологический анализ) // Геополитические интересы России на Кавказе: опыт реализации и проблемы / материалы международной науч.-практич. конференции (23 апреля 2009 г.). Дербент, 2009. с. 331 - 336.

ГЛАВА III. ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИЧНОСТИ «РОССИЯН»

§ 1. Самоощущение русского населения в России и республиках Северного Кавказа

Сегодня проблема поиска и формирования идентичности и самоидентификации весьма остро стоит не только перед русским населением, но и перед всеми «россиянами».

Какие же факторы способствовали и способствуют развитию рассматриваемой проблемы? Ответ на данный вопрос содержится в исследованиях отечественных ученых, отмечающих, что в советском случае именно власть при опоре на научных экспертов определяла, какие группы достойны считаться «этническими», а какие нет, какие из них могут получить тот или иной политический статус (автономии), а какие этого не заслуживают. В итоге произошла политизация этничности, и после ее закрепления паспортной системой она потеряла свою подвижность, получила несвойственную ей жесткость и оказалась законсервированной. Мало того, введенный в 1938 году строгий порядок приписывания этнической принадлежности по родителям, независимо от языковых и культурных параметров, десятилетиями навязывал людям представление, во-первых, об этническом родстве как «родстве по крови», а во-вторых, о неком устойчивом «народном духе», который якобы сохранялся у людей независимо от языковых и культурных изменений и проявлялся в «поведенческих стереотипах». И это подготовило почву для распространения мифа об этносе как «биологической общности», который в постсоветское время получил неожиданную популярность и открыл дорогу расизму.

Кроме того во второй половине 1930-х - 1940-х годов произошли важные изменения в социальной структуре советского общества,

потребовавшие нового взгляда на социальную реальность. Теперь с антагонистическими классами было покончено и классовое мировоззрение в значительной мере потеряло свою актуальность. Оно сохранило свою роль во внешней политике, тогда как внутриполитическая ситуация стала все больше определяться национальным фактором. Но, как мы знаем, в советские годы он понимался двояко: с одной стороны, как единство всего советского народа, для которого со временем все чаще стал использоваться термин «советская нация», но с другой стороны, как сложное созвездие советских этнонаций, развитие которых определялось «советской национальной политикой»[1].

В любом случае произошла смена парадигм, и классовое видение реальности сменилось этнонациональным. Иными словами, там, где раньше речь шла о классовых антагонизмах, теперь появилась тенденция подчеркивать культурную специфику и говорить об «особом историческом пути». Правда, коммунистическая идеология пыталась удерживать эту тенденцию в определенных рамках, но с каждым годом это становилось все сложнее и сложнее. Ведь новые поколения уже не имели опыта классовой борьбы, и «класс» звучал для них пустой абстракцией. Зато вокруг себя они видели отдельные «этносы», различающиеся по своему социально-политическому положению, что и составляло для них социальную реальность.

В этом созвездии этносов русские занимали особое место. Именно они были носителями общесоветской культуры, формировавшейся на русской основе, но, во-первых, быстро модернизировавшейся и терявшей свои традиционные атрибуты, а во-вторых, свободно впитывавшей приходящие извне импульсы. Как отмечалось выше русские не ощущали себя «особым этносом», и их «этническая солидарность» и

[1] Шнирельман В.А. Идентичность, культура и история: провинциальный ракурс // Вестник Института Кеннана в России, 2008. Вып. 13. С. 64-78. Этот подход унаследован и постсоветской Россией. См.: Соколовский С. В. Образы Других в российских науке, политике и праве. М.: Путь, 2001. С. 137.

самоидентификация были ослаблены. Все это вызывало тревогу у русских националистов, рассматривавших это как якобы специфически русское качество и резко его критиковавших. Однако ничего особенного в этом не было, ибо все это свойственно любому доминирующему большинству, которое, во-первых, обладает инклюзивной идентичностью, что и позволяет без большого труда включать в свой состав «чужаков» и «иноплеменников», а во-вторых, чувствует себя в безопасности, видя ее гарантом государство, которое оно не без основания считает своим. В такой ситуации находятся белые американцы в США, англичане в Великобритании, французы во Франции, поляки в Польше и т.д. Это порождает особое отношение к «этническому». Его доминирующее большинство связывает обычно с чужими экзотическими культурами и несклонно применять к себе. Ведь свое считается «нормальным» и универсализируется. Зато понятие «культура» увязывается с «этническими культурами». В результате в контекстах оживленных культурных контактов доминирующее большинство порой оказывается в неуютном положении, чувствуя себя людьми «без культуры».

С распадом СССР русские в России почувствовали себя национальным меньшинством. На Северном Кавказе участились случаи ущемления их гражданских и политических прав, что привело к массовой миграции русского населения из Чечни, Ингушетии и Дагестана в другие регионы РФ.

История, прошлое является одним из значимых моментов этногосударственной идентификации россиян, наряду с территорией, местом рождения, природой, родным языком и государством, как впрочем, и у жителей других государств. История была плавильным тиглем национального самосознания. Сегодня историк делит эту роль с масс-медийными средствами. В 2003 году на вопрос: «Что в первую очередь связывается у Вас с мыслью о Вашем народе?» 48% респондентов

ответили «наше прошлое, наша история». Идентификация с территорией в 1999-2003 годах была на уровне 26-32% .

А вот значимость «военной мощи» разделяли еще в начале XXI века 8% (2003 г.)[2]. «Оборонное сознание», растущее впоследствии, может являться ответом на транслируемую в дискурсе государственной идеологии защитную позицию России. Если в 1989 году 13% респондентов считали, что у России есть враги, то в 1999 году так полагали 65%, а в 2003 - 77%[3]. «Существует военная угроза России со стороны других государств» - с этим утверждением в период с 2000 по 2005 год были согласны от 37 до 48% респондентов[4]. Но оказывали влияние и геополитические события (к примеру, в Югославии, Грузии и др.) события в мире, в ходе которых россиянами просматривалась возможность силового воздействия в условиях однополярного мира.

Важный момент становления общероссийской идентичности - возможность совмещения идентичности гражданской и этнической**.** В «образе мы» этнические характеристики преобладали над общегражданскими. По данным общероссийского опроса Института социологии РАН 2006 года единство с людьми своей национальности в разной мере ощущали 85,6% респондентов (42,3% - часто, иногда - 43,3%); единство со всеми гражданами России - 65% (часто - 19,8%, иногда - 45,2%)[5]. Причем, если для русских идеи общероссийской идентичности совмещены с «русскостью», то для людей других национальностей это соединение сложнее конструируется, что порождает дополнительные проблемы интеграции. По результатам исследований в регионах с доминирующим

---

[2] Данные ВЦИОМ по программе «Советский человек» / Гудков Л. Массовая идентичность и институциональное насилие. Статья первая. Партикуляризм и вытеснение прошлого // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2003. № 1(67). С. 28-45, С. 28.

[3] Гудков Л. Массовая идентичность и институциональное насилие. Статья вторая. Армия в постсоветской России // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2003. № 2 (68). С. 35-51.

[4] Гудков Л. Массовая идентичность и институциональное насилие. Статья вторая. С. 35-51; Общественное мнение - 2005. М.: Левада-Центр, 2005. С. 152.

[5] Данные Мониторинга экономического положения и здоровья населения (RLMS), 2006.

русским населением в 2006 году российская идентичность стала более значимой, чем этническая. 90-95% жителей Свердловской, Томской, Воронежской областей, до 82-77% в Саратовской, Калининградской областях, в Приморье ощущали себя гражданами России. Ощущение близости с людьми своей национальности испытывали 86% свердловчан, 61-77% саратовцев, томичей, жителей Воронежской обл. и 55-57% граждан в Калининградской обл. и Приморье[6].

По результатам опросов, которые мы сейчас приводили (проект «Будущее России»), очевидно, что государственно-гражданская идентичность становится не только более массовой, но и сильной. Свыше половины опрошенных ощущают себя гражданами России в значительной степени. На данном этапе это, скорее всего, компенсаторная реакция российских граждан после кризисного состояния, которую они переживали после распада Союза, огульной критики прошлого, изменений положения в геополитическом пространстве. К тому же, возможно, это уже и реакция на активное идеологическое воздействие Администрации Президента РФ, конструирующей национальную идентичность народа России. Слова, как заметил П. Бурдье, «в значительной мере делают вещи»[7].

Важно, какой будет эта идентичность. Гражданское сознание находится в стадии формирования. Но, тем не менее, движение в этом направлении есть. Более 60% в регионах с доминирующим русским населением считали, что «чувство ответственности за страну» - очень важная характеристика россиянина. Столько же респондентов считают очень важным «быть патриотом, любить Родину». Патриотические чувства - эмоциональный компонент идентичности. Вряд ли кто-то любит государственные институты, в России их чаще критикуют и проявляют

---

[6] Данные Проекта Будущее России: социальная сфера. Проект выполнялся МИОНами. Спонсировался Иноцентром. Ресурсным центром являлся Институт социологии РАН. Авторы проекта Дробижева Л. М., Черныш М. Ф., Чирикова А. Е.

[7] Бурье П. Практический смысл. М., 2001. С. 111-112.

большую или меньшую лояльность к ним. А вот любить можно страну, людей, поэтому этот индикатор можно интерпретировать как именно эмоциональный элемент гражданской идентичности.

Тенденции, которые фиксированы в регионах с доминирующим русским населением, имеют общие черты с идентичностью населения республик, но там она гораздо сложнее. У титульных национальностей более высокой остается этническая и республиканская - ретональная идентичность. В Саха (Якутия), например, 97% якутов идентифицируют себя с республикой и 92% с этнической общностью, причем 83% ощущают значительную степень связи с республикой и 72% опрошенных с национальностью - опрос проводился в начале 2007 года.

Большая часть русских и якутов также идентифицируют себя с гражданами России. Идентичность россиян пока противоречива. Около половины граждан еще чувствуют себя в той или другой мере «советскими людьми»[8]. (Правда, в изучавшихся регионах «в значительной мере» чувствуют себя советскими людьми 15-26%, т. е. скорее всего старшее поколение).

У немалой части населения сохраняются традиционалистские установки. Около 40% граждан считают, что «проникновение другой культуры и языка вредит населению», около 70-80% полагают, для того чтобы стать настоящим россиянином, «надо родиться в России», «прожить большую часть жизни». Гордимся мы чаще тем, что создано не нами - природными ресурсами (86%), историей (36%), литературой и искусством (90%), а вот тем, что зависит от нас самих - уровень образования, экономические достижения, составляют гордость только у 50% опрошенных. И вместе с тем 57-99% в регионах отнесли себя к людям, «разделяющим

[8] Общественное мнение - 2006. Аналитический Центр Юрия Левады. М., 2006. С. 18. Данные исследования Будущее России: социальная сфера.

европейские ценности». Практически половина граждан ассоциируют себя с людьми, «добившимися успеха в современных условиях».

Гражданская российская идентичность - еще формирующаяся идентичность. Массовое сознание фиксирует складывающиеся представления, но социальная практика все еще дает примеры как позитивных действий, так и деструктивных проявлений[9].

Русские националисты по-своему пытаются осмыслить русскую идентичность, их самоидентификацию. В.А. Шнирельман приводит лишь некоторые из тех параметров, в которых они усматривают суть «русскости» (примеры взяты Шнирельманом из национал-патриотической прессы 1990-х гг., но с еще большим успехом, к сожалению, характеризуют реалии первого десятилетия XXI в). Русскость может, по их мнению, связываться, во-первых, с «кровью» и даже с «расой» (т.е. с биологией и «русским генотипом»), во-вторых, с культурой и самосознанием, в-третьих, с хорошим владением русским языком, в-четвертых, с религией (православием, старообрядчеством или даже язычеством), в-пятых, с особым образом жизни, в-шестых, с психологией (стремление к «правде и воле»), в-седьмых, с политическими установками (державность и соборность, а также тяготение к имперскому устройству), в-восьмых, с особым историческим путем, в-девятых, с особой «русской цивилизацией», вбирающей в себя все или многие из названных компонентов. Некоторые русские националисты противопоставляют эти атрибуты друг другу; другие ценят некоторые из них, но отвергают другие. Кроме того, одни отождествляют русских с отдельным этносом или даже «расой», другие видят в них религиозную общность, третьи, связывают их, прежде всего, с политическим единством, четвертые понимают их не иначе как особую цивилизацию[10].

---

[9] Дробижева Л. Российская идентичность в массовом сознании // Этнополитическая ситуация…в 2008 году… М., 2009. С. 61.

[10] Шнирельман В.А. Идентичность, культура и история: провинциальный ракурс // Вестник Института Кеннана в России, 2008. Вып. 13. С. 64-78.

Между тем, у всего этого имеется и региональный ракурс, дополняющий эту палитру новыми красками. Речь идет о том, как видится «русскость» или отдельные ее компоненты региональными интеллектуалами, включая политиков и носителей местной власти. В 1990-х годах приход демократии в Россию и децентрализация власти и капитала породили достаточно неожиданное явление, показавшее, что русским оказывается недостаточным иметь общерусскую идентичность, а в ряде случаев они вообще готовы от нее отказаться. В разных регионах и областях они ведут поиск своих особых местных идентичностей, и это выражается в своеобразных версиях древней или средневековой истории, которые там вырабатываются. Как и следовало ожидать, многие из этих конструкций пропитаны этницизмом, заставляющим видеть историю в этнических тонах. Но в разных регионах это проявляется по-разному, и акцент делается то на этничность, то на язык, то на метафоры «родины» или «прародины», то на культуру, то на территориальное единство, то на некую глобальную миссию[11].

В этом плане можно говорить о нескольких моделях и первая из них – это смена памятников, которая происходит и во многих постсоветских государствах. В Туркмении из центра Ашхабада был убран Некрополь героям революции и гражданской войны. Зато по всей республике появилось множество памятников президенту Ниязову и его изображений[12].

Другим примером служит разрушение ваххабитами в конце 1990-х годов бюста Шамиля, который власти Дагестана намеревались установить на родине имама в селе Гимры. А в августе 2001 года по решению местных азербайджанских властей был взорван памятник Шамилю в г. Закатала,

[11] Шнирельман В.А. Идентичность, культура и история: провинциальный ракурс.
[12] Демидов С. М. Постсоветский Туркменистан. М.: Наталис, 2002. С. 53-55, 59, 121, 142, 183.

установленный там в 1992 году.[13] Зато в Махачкале в постсоветское время появился проспект Шамиля и обелиск, отдающий дань памяти знаменитого имама. Все это говорит о неоднозначном восприятии образа Шамиля сегодня на Восточном Кавказе[14], а также об интенсивной борьбе между разными версиями социальной памяти.

Следующим важным методом символического освоения пространства служит топонимика. В ряде случаев пришлое население пытается укорениться, маркируя заселяемую территорию своими собственными названиями. И, напротив, окончание «колониального господства», требует смены топонимики как символа полного разрыва с прежней властью. В Чечне делались попытки переименовать столицу республики: в 1998 г. было предложено назвать ее Джохаром, а два года спустя - Ахмад-Калой. Правда, ни то, ни другое реализовано не было[15].

Зато во Владикавказе Тбилисская улица превратилась в проспект Коста Хетагурова, что имело большое символическое значение в свете современных грузинско-осетинских взаимоотношений. В Махачкале проспект Ленина превратился в проспект Расула Гамзатова, а проспект Кирова – в проспект Гамидова и т.д. (примеров переименования улиц множество). Так советский поэт победил советского вождя, а дагестанский министр финансов – хорошо известного на Кавказе большевика и государственного деятеля, что подтверждает высказанную В.А. Шнирельманом мысль о притязаниях и силе постсоветского национализма. О том же говорит и тот факт, что памятники дагестанским большевикам и местным советским деятелям до сих пор украшают ландшафт Махачкалы,

---

[13] См., напр.: Войны памяти: уничтожение аварских памятников в Азербайджане // Миацум.ру, 22 ноября 2007 (http://miacum.ru/gazeta/2007/11/22/avarci_vs_azerіturki_protivostoianie

[14] Об этом см.: Shnirelman V. A. A revolt of social memory: the Chechens and Ingush against the Soviet historians // Ieda O., Uyama T. (eds.). Reconstruction and interaction of Slavic Eurasia and its neighboring worlds. Sapporo: Slavic Research Center, Hokkaido University, 2006. P. 300-302.

[15] Великая Н. Н., Пылков О. С. О попытках передатировок и изменения названий некоторых городов Северного Кавказа // Виноградов В. Б., Ктиторова С. Н. (ред.). Вопросы южнороссийской истории. Вып. 11. М.-Армавир, 2006. С. 41-45.

тогда как общесоветским вождям здесь места почти не осталось. Правда, Ленин по-прежнему остается в почете, и памятник ему украшает одноименную центральную площадь города. Зато в постсоветское время столица Дагестана была украшена проспектом Петра I, начало которого сегодня отмечено бюстом первого российского императора. Тем самым, и в Махачкале память о советском вожде мирно уживается с памятью об основателе Российской империи и Порт-Петровска – будущей столицы РД.

В то же время в национальных республиках политика памяти обслуживает этнонациональную идею. Там она направлена на упрочение этнической идентичности, связанной с титульными народами. Именно их героям отдается дань уважения: их памятники занимают господствующее положение в местном городском ландшафте и их имена увековечиваются местной топонимикой.

Если в нерусской среде выковываются этноцентристские мифы о прошлом, то в русских регионах иной раз русский народ рисуется едва ли не первонародом с присущей ему культуротворческой и цивилизаторской миссией. Свое крайнее выражение это находит в «геологическом подходе», выводящем как данный регион, так и Россию в целом за пределы человеческой истории и наделяющем их некой космической энергетикой, позволяющей претендовать на особое место в современном мире. Все это хорошо согласуется со становящейся вновь популярной имперской идеей и претензией на доминирующее положение русских в России как «государствообразующего народа», а также со стремлением России вернуть себе статус сверхдержавы на мировой арене[16], но эта проблема требует самостоятельного изучения и здесь не рассматривается.

В разрезе нашей темы интерес представляют суждения С.Я. Сущего и А.А. Цуциева обращающих внимание на то, что «формирование общероссийской гражданской нации подразумевало бы коренную

[16] Шнирельман В.А. Идентичность и политика постсоветской памяти… С. 89.

трансформацию общественного сознания значительного числа национальных сообществ России; кардинальную внутреннюю перестройку “пирамиды” их самоидентичностей. Как замечает А.А. Цуциев, “современный спектр кавказского восприятия российской государственности: Россия как “русское/их государство”, с которым “наши” республики находятся в исторической связи и зависимости; другой вектор – становление России как общего государства, государства исторического соучастия… “Русификация” же России, подчеркивание именно русского – в этническом смысле – основания государственности, способствует отчуждению кавказцев от России. Для них она становится чужим государством. Но в отличие от эпохи “покровительства”, такое государство наблюдается кавказцами, уже обладающими собственными почти-государствами, т.е. институционально оформленной матрицей самоопределения[17]. … Цуциев фиксирует центральное ядро проблемы отношения северокавказских национальных сообществ к российской государственности и российскому обществу в целом”[18].

Как же само русское население оценивает свои позиции в республиках Северного Кавказа? В этом плане большой интерес представляет исследование ростовского ученого, Г.С. Денисовой, посвященное самоощущению русских как этнической группы, проживающих в рассматриваемом нами регионе[19].

Самоощущение, с точки зрения психологии, представляет собой некую совокупность субъективных отчётов и представлений личности о своём психологическом состоянии в данный момент в конкретной

---

[17] Цуциев А.А. Русские и кавказцы: очерк привычных восприятий // Научная мысль Кавказа. 2001. № 3. С. 54.

[18] Сущий С.Я. Северный Кавказ и перспективы формирования российской гражданской нации //Национальные элиты и проблемы социально-политической и экономической стабильности: Материалы Всероссийской научной конференции (9-10 июня 2009 г., Ростов-на-Дону) / Отв. ред. Акад. Г.Г. Матишов. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2009. С. 293.

[19] Денисова Г.С. Самоощущение русского населения в республиках Северного Кавказа: сравнительный анализ // Кавказ. Балканы. Передняя Азия: Сб. науч. трудов СКРО МНАБ. Вып. I (8). Махачкала: Издательский дом «Народы Дагестана», 2003. С. 39-43.

социокультурной среде. Исходя из когнитивной парадигмы, можно обозначить самоощущение как процесс ситуативного рефлексирования, заключающийся в объективации собственного «Я», т.е. в формировании отношения к «Я» как к «Другому». В полиэтничной среде это означает оценивание своей личности в соответствии с традиционными нормами доминирующей этнической группы. Подобное сопоставление способно порождать конфликт двух уровней:

1. *впутриличностный.* который возникает в стабильные периоды межкультурного взаимодействия, являясь следствием необходимости акультурации иноэтничного индивида или группы. Данный уровень конфликта способен продуцировать напряженность на межгрупповом уровне, особенно в ситуациях кардинальной оппозиционности традиционных ценностных блоков;

2. *впутригрупповой-впутриличностчый,* возникающий в периоды социальной нестабильности и сопровождающийся этнической мобилизацией на основе актуализации внутригрупповых (внутриэтнических) норм и ценностей. Характерная для этих периодов угроза утраты позитивного образа «Мы» вызывает чувство тревожности, компенсируемое усиленным манифестированием этнических характеристик, и, как следствие этого процесса, рост агрессивных тенденций в межэтническом поведении индивида. В этой ситуации представители иноэтничных групп, в стабильные периоды ощущавшие себя комфортно в полиэтничной среде, испытывают внутриличностный конфликт за счет «ломки» иерархии мотивов, спонтанно возникшей в стабильный период. В ситуации конфликтного межэтнического взаимодействия индивид находится в состоянии диссонанса между установкой на более ускоренное и радикальное вхождение в иноэтничную среду вплоть до растворения в ней и установкой на сохранение собст-

венной этничности, порожденной осознанием невозможности адаптации к мобилизированному этническому массиву.

Высокая социальная нестабильность, межнациональные конфликты, нарушения прав этнических меньшинств, неравномерность экономического, социокультурного и демографического развития русского и коренного населения создают препятствия на пути удовлетворения потребностей как низших, так и высших уровней, названных А. Маслоу[20]. соответственно потребностями «нужды» и потребностями «роста». Фрустрация потребностей различных уровней может стать важной причиной принятия решения о миграции. В сложившейся ситуации у русских меньшинств на Северном Кавказе в большей или меньшей степени нарушаются системы удовлетворения потребностей всех уровней. В первую очередь актуализируются потребности низших уровней, удовлетворение которых блокируется в основном экономическими и политическими причинами. Ощущение постоянной неустроенности, неуверенности в завтрашнем дне, а зачастую и физической опасности выдвигает на первый план потребности «нужды», которые начинают определять всю жизнедеятельность личности. В случае возникновения затруднений, препятствующих удовлетворению потребностей, зарождаются и усиливаются реакции в виде страха, гнева, агрессии, которые из ситуативных становятся постоянными детерминантами поведения. Осознание возможностей удовлетворения или неудовлетворения потребностей является также одной из существенных составляющих психологической защищенности личности.

В соответствии с принципом А. Маслоу об относительном приоритете актуализации мотивов, потребности более высоких уровней начинают влиять на поведение лишь после того, как удовлетворены потребности низших уровней. Тем не менее только удовлетворение

[20] Маслоу А. Мотивация и личность. М., 1998.

высших потребностей может принести человеку счастье, обогатить его внутренний мир, способствовать развитию личности. На фоне роста межэтнической напряженности в большинстве республик у русских, проживающих здесь, актуализируются потребности в позитивном межэтническом взаимодействии. Их удовлетворение или неудовлетворение существенным образом отражается на самоощущении этой этнической группы: либо определяет осознание себя равноправными гражданами страны, либо формирует комплекс граждан «второго сорта»[21]. Эти потребности можно разделить на два класса: в социальных связях (в социальной присоединенности, идентификации, принадлежности к группе) и во взаимоуважении (признании, одобрении со стороны общества). Их удовлетворение предполагает полноценное равноправное взаимодействие и позитивную оценку в первую очередь со стороны представителей коренной национальности.

Незащищенность прав этнических меньшинств и усиливающаяся неравномерность экономического, социокультурного и демографического развития русского и коренного населения в ряде республик не могут не снижать возможности удовлетворения и самой «высокой» из так называемых потребностей роста - потребности в самоактуализации. Возникновение серьезных препятствий на пути ее удовлетворения вызывает фрустрацию и включает защитные психологические механизмы, которые в данной ситуации будут связаны с защитой своей этнической идентичности, выступающей главным регулятором поведения человека в ситуации межгруппового взаимодействия. Возникновение реакций защитного типа является индикатором неблагополучного самоощущения индивида в данной социокультурной среде.

Таким образом, самоощущение в значительной степени зависит от

---

[21] Солдатова Г.У., Шайгерова Л.А., Шлягина Е.И. Нарушение этнической идентификации у русских мигрантов // Социологический журнал. 1995. № 3. С. 144-150.

того, насколько индивид адаптировался к данной этноконтактной ситуации и насколько удовлетворяются его экзистенциальные потребности, к которым можно отнести и потребность в самоактуализации.

В проведенном Г.С. Денисовой исследовании были опрошены представители русского населения, проживающие в так называемой этноконтактной зоне Северного Кавказа (Карачаево-Черкесская Республика, Республика Адыгея, Кабардино-Балкарская Республика, Республика Северная Осетия-Алания). Дагестан, к сожалению, она не охватила, и нам неизвестно проводились ли подобные исследования на территории республики (по примененным ею методикам), чтобы можно было их сопоставить.

Целью проведенного психологического тестирования стало выявление глубинных психологических ощущений русского населения, в которых на уровне переживаний проявляется отношение к тем процессам, которые происходят в республике проживания и затрагивают их положение. Данная цель реализовалась в следующих практических задачах:

1) выявить реакцию защитного типа, свидетельствующую о дискомфортном самоощущении индивида в данной социальной среде;

2) определить степень удовлетворенности индивида реализацией своих экзистенциальных потребностей.

В качестве практического инструментария выступал модифицированный вариант опросника этнокультурной адаптации, разработанного Г.У. Солдатовой. Упомянутая анкета представляет собой список, состоящий из 38 утверждений, касающихся различных жизненных ситуаций. Эти утверждения разделяются на 4 группы, каждая из которых описывает посредством прямых и обратных вопросов те или иные установки на межэтническое взаимодействие: этнокультурную толерантность, изоляционизм, идентичность, экзистенциальную фрустрированность. Выраженность установки определяется с помощью следующей шкалы:

«полностью согласен»; «в чем-то согласен, в чем-то нет»; «полностью не согласен». Ответы респондента дешифровались с помощью ключа.

Интересным оказался факт отношения к природе. В степном Предкавказье, где проживает в основном русское население и местность равнинная, респондентам больше нравится окружающая природа, по сравнению с гористым ландшафтом республик Северного Кавказа (КБР, Республика Северная Осетия-Алания и Адыгея). Исключение составляет Карачаево-Черкесия. Данный факт может быть объяснен длительностью пребывания в регионе, что отражается на степени адаптированности к окружающей среде.

Сходные данные были получены в работе московской исследовательницы Н.М. Лебедевой, изучавшей адаптацию к новой природной среде русских переселенцев Закавказья. Проведя на большом массиве психологическое тестирование, она аргументировано показала тесную эмоционально-когнитивную связь этноса (этнической группы) с природной средой места выхода (места формирования данного этноса). При длительном проживании в иной природной среде у переселенцев наблюдается определенная психологическая переориентация (на глубоком психосемантическом уровне); довольно медленная, охватывающая несколько поколений, сочетающая в себе элементы «принятия» и «отчуждения» как «старой» природной среды (лесной, степной ландшафт), так и «новой» (горного ландшафта). Степень такого «принятия» или «отчуждения» зависит от фактора культурной дистанции, разделяющей представителей «коренного» и «пришлого» этноса[22].

Следующей группой индикаторов в исследовании Г.С. Денисовой выступала терпимость к межнациональным бракам и религии. Здесь такого единогласия не наблюдалось. Самый высокий показатель терпимости к межнациональным бракам оказался у респондентов из Карачаево-Черкесии

[22] Лебедева Н.М. Социальная психология этнических миграций. М., 1993. С. 97.

- 64,07 %, а самым незначительным - в Северной Осетии-Алании. Но последний результат может быть обусловлен тем, что исследователи использовали максимальную степень согласия, тогда как в данном массиве наблюдалось большое количество неопределенных ответов (в чем-то согласен, в чем-то нет). Вероятно, тем же были обусловлены и результаты, касающиеся отношения к межэтнической дружбе. Настораживает факт достаточно высокой выраженности миграционных настроений. С утверждением «Если появится возможность, я сразу же отсюда уеду» полностью не согласились лишь 37,78% в Адыгее, 32,94% в КЧР, 25,86% в КБР, 20,14% в Северной Осетии.

Продолжение тревожной тенденции наблюдается и по шкале идентичности. Наблюдается увеличение роли национальности в жизни людей, что выражается в том, что респонденты в республиках Северного Кавказа чаще помнят о своей национальности, чем респонденты, проживающие в районах, где русское население является титульным. Эта разница составляет более 20% в ответах респондентов и достигает максимального значения в Адыгее. Также наблюдается все большее и большее слияние русских в республиках с автохтонным населением. Об этом свидетельствует тот факт, что большинство респондентов выразили желание быть похожими на представителей коренных народов (25,75% - в КЧР, 46,4% - в КБР, 41,7% - в РСО-А), а также готовность подстраиваться под обычаи кавказцев. При таком поведении достаточно вероятно размывание собственной идентичности. А это – один из признаков неблагополучия и дискомфорта.

Не опровергая мнение Г.С. Денисовой, заметим, что в данном случае необходимо учитывать и тот факт, что у многих русских, родившихся или давно проживающих в исламских субъектах Северного Кавказа, сформировался особый социально-этнический менталитет, который отличается от менталитета русских в центральных областях РФ. Более ого,

их менталитет отличается даже от менталитета русского населения Краснодарского, Ростовского и Ставропольской краев. Это признают и подчеркивают и сами русские, и местное население – «лица кавказской национальности». Немало случаев возвращения русских в прежние места проживания именно из-за того, что со своим кавказским менталитетом они не смогли адаптироваться в чисто русской среде обитания.

Поскольку Денисова проводила анкетирование в разгар перестройки, то по шкале изоляционизма она не обнаружила «каких-либо значимых различий между русским населением в различных регионах». Причиной этого, считает она, «опять же может служить достаточно высокая степень неопределенных ответов по этой шкале». Но, исходя из реалий сегодняшнего дня, как мы показали в предыдущем абзаце, можно говорить о том, что различия существуют.

Интересная тенденция проявляется по шкале экзистенциальной фрустрированности. Процесс адаптации или дезадаптации этнической группы по типу психологической защиты в условиях инокультурного окружения сопровождается, как правило, снижением удовлетворенности осуществлением смысла жизни, так как распад группы как субъекта межгруппового взаимодействия и взаимовосприятия, снижение позитивной групповой самоидентификации (а именно эти процессы наблюдаются в связи со значительным оттоком русского населения) «бьют» по смыслообразующим сторонам личного бытия человека. Подтверждением данного утверждения служат результаты, полученные Г.С. Денисовой. По таким индикаторам, которые касаются настоящего или прошлого респондента, как удовлетворенность выбранным занятием, наличие призвания и интересных целей в жизни, общая оценка жизненной позиции («жизнь сложилась так, как я и хотел»), русские, проживающие в республиках Северного Кавказа, выражают максимальное согласие с данными утверждениями (от 45 до 50% респондентов), тогда как все, что

касается жизненных перспектив, видится неопределенным и весьма тревожным (особенно в КБР и РСО-А) и, добавим, в Чечне и Дагестане (С.М.). Данная тенденция может быть обусловлена тем, что на интуитивном уровне люди чувствуют тревогу и опасность явлений наблюдающихся в регионе.

Таким образом, результаты исследования показывают наличие следующих тенденций. В Кабардино-Балкарии и Северной Осетии-Алании преобладает адаптация по типу так называемой «добровольной ассимиляции», цель которой - выжить среди «других». Она проявляется в стремлении к поиску психологической защиты от возможной агрессии путем вхождения в более сплоченное (не фактически, а психологически), сильное и объективно доминирующее «Мы», тем самым усиливая его позитивный образ. В этноконтактных сельских районах Ростовской области и Ставропольского края, подверженных активной миграции выходцев из горных районов Дагестана и Чечни, наблюдается тенденция к сегрегации – к примеру, изолированного независимого существования этнических культур. Русское население замыкается от приехавших (это еще одна из причин возвращения русских в исламские республики ЮФО – С.М.). Республика Адыгея занимает промежуточное положение. Здесь русские хотят сохранить свой статус, сложившийся за многие десятилетия совместного проживания с адыгейцами.

Ценным дополнением к результатам приведенного выше регионального опроса являются итоги общероссийского социологического опроса **«Кем себя считают россияне»**, проведенного институтом этнологии и антропологии РАН весной-летом 2008 г.[23], из которого мы выборочно приведем только тот фактический материал, который связан с Дагестаном и Северным Кавказом, сохраняя анкетную нумерацию вопросов и ответов.

[23] Исследование выполнено по заказу и при поддержке Минрегиона РФ.

1. Отметьте географические территории, которые до 1991 г. были частью РСФСР (ныне Российской Федерации). Начиная опрос, респондента просили перечислить географические территории, которые составляли Российскую Федерацию до распада Советского Союза. Разработчики анкеты менее всего стремились выяснить, насколько хороши знания россиян по географии. Как и в каждом социологическом обследовании, получаемые от респондентов ответы показывают не объем каких-либо знаний, в данном случае - школьных, но, более всего отражают общественные настроения. Разработчики анкеты предполагали, что, наряду с теми, кто даст ответ по школьному правильно, определенная часть респондентов в своих географических ошибках отразит, какие регионы им подсознательно ближе, какие считают «своими», а какие - «чужими».

Респондентам был предложен десяток возможных вариантов ответов, в котором значились некоторые регионы России, некоторые республики бывшего СССР, а также Вьетнам и Китай. «Школьный» вариант ответа предполагал стопроцентное подтверждение списка российских регионов. Однако правильные ответы дали только две трети опрошенных. Лучше всего известно россиянам, что Дагестан ранее был частью нашей страны - об этом сказали не все, но наибольшее количество респондентов - 71% [24]. (Сие не удивляет, если принять во внимание частоту упоминания Дагестана - чаще всего в негативном плане - в масс-медийных средствах – С.М.).

2. *Среди ваших друзей и близких есть люди разных национальностей?* Анализ ответов привел исследователей к выводу, что россиян, для которых этнические различия не имеют значения, довольно мало. «Тем не менее, современная наука не трактует эти особенности как некие прирожденные качества людей, а как, прежде всего результат

[24] Тишков В., Степанов В. Кем себя считают россияне // Этнополитическая ситуация…в 2008 году… М., 2009. С. 63.

непосредственного социального опыта, «порядка жизни» в том или ином местном или общегосударственном сообществе, а также воздействия политики и идеологической индоктринации - своего рода натаскивания простых людей с малых лет на предмет собственной и других людей этнической принадлежности. В Дагестане, когда сегодня почти каждый знает национальность каждого лучше, чем имя и фамилию, еще 50 лет тому назад люди, особенно молодежь, не придавали такое первостепенное значение национальной принадлежности дагестанцев. Это означает, что процесс демонтажа гиперэтничности более чем возможен и даже необходим без ущерба этнонациональной идентичности людей и их партикулярной культуре»[25].

12. ***В вашем регионе живут люди, происходящие из разных регионов России и других государств. Можете ли назвать тех, кого раньше здесь было мало или не было совсем?*** В целом по России практически никто из опрошенных не вспомнил столь часто тиражируемое СМИ словосочетание «трудовые мигранты», крайне редкой была ссылка на гастарбайтеров (0,4%).

Зато почти все (!) респонденты указали на этническую принадлежность приезжих (или на принадлежность к стране исхода). Среди других заметных для общественного восприятия групп названы азербайджанцы (9%), кавказцы (9%), армяне (7%). Разнообразие ответов с этническим «наполнением» составляет несколько десятков. Среди них следует также упомянуть такие категории, как «негры», «грузины», «киргизы», «азиаты», «чеченцы», «дагестанцы», «турки».

Таким образом, общественное сознание воспринимает некоренную часть населения не по каким-то социальным, профессиональным или возрастным параметрам, но исключительно по «этническим» признакам[26].

---

[25] Тишков В., Степанов В. Кем себя считают россияне. С. 64.
[26] Тишков В., Степанов В. Кем себя считают россияне. С. 68.

13. ***Ваше отношение к этой части населения.*** Ответы свидетельствуют о том, что ситуация не может быть названа благоприятной - о положительном отношении высказалась лишь десятая часть опрошенных, а почти треть заявила, что относится к приезжим отрицательно (31%). Подавляющее же большинство (почти 60%) ответили, что их отношение - нейтральное, и этот факт требует дальнейших исследований.

15. ***Как вам кажется, праздники разных национальностей и религий объединяют или разъединяют людей?*** Данные общероссийского опроса показали, что менее половины респондентов (42%) считают, что праздники разных религий и этнических групп действительно способствуют гражданскому единению (мнение В.А. Тишкова о роли футбола и праздников – см. выше, - вероятно, основывается на подобных данных?). Но примерно треть заявила, что указанные мероприятия не оказывают никакого воздействия на чувства гражданского единства (31%). Заметная доля респондентов вообще не смогла высказать мнение по данному поводу (13%). Немало и тех, кто полагает, что религиозные и этнические мероприятия способствуют разъединению людей (14%).

19. ***Могли бы вы назвать группы людей, которые вызывают у вас отрицательные чувства?*** В первой десятке среди тех, кто вызывает отрицательные чувства - скинхеды (11,4% ответов), националисты (6,5%), лица без определенного места жительства (9,5%), религиозные сектанты (7,5%), алкоголики (7,4%), наркоманы (6,3%), представители уголовного мира (4,7%). В списке значатся также этнические наименования: кавказцы (8,4), армяне (8,9%), цыгане (4,6%). За пределами первой десятки находим также упоминания о грузинах, чеченцах, таджиках, азербайджанцах, китайцах, узбеках, евреях[27].

[27] Тишков В., Степанов В. Кем себя считают россияне. С. 69-71.

22. ***Можно ли назвать местным человека, который переехал в регион более 10 лет назад?*** Хотя опросы проводились во всех федеральных округах, ответы показали устойчивость мнений. Вне зависимости от того, как долго на «новом» месте проживают люди, их можно считать «своими» только в том случае, если они - выходцы из центральных областей России (81% ответов), Сибири (79%) или Дальнего Востока (74%).

Что же касается тех, кто родом из северокавказских республик, то даже более чем десятилетний срок проживания на «новом» месте не гарантирует признания в качестве «своих» и «местных». За такое признание высказались чуть более трети опрошенных, а две трети считают выходцев из республик Северного Кавказа чужаками, сколько бы лет те ни проживали на новом месте. … Можно предполагать, что и детей приезжих, родившихся в нашей стране, общественное мнение также склонно рассматривать в качестве «чужаков».

Приведенные ответы респондентов свидетельствуют о достаточно низком потенциале толерантности, слабой подготовленности гражданского сознания к восприятию этнокультурного многообразия в лице зримых меньшинств. Это означает, что если не будет специальной государственной политики, в ближайшей перспективе в российском обществе сформируются новые культурные барьеры и, как следствие - различные формы этнического и религиозного противостояния.

23. ***Каковы в вашем регионе отношения между национальностями?*** В контексте предыдущего вопроса респондентам было предложено дать прямой ответ, каковы на его взгляд отношения между национальностями. По результатам полученных ответов, оказалось, что чуть более четверти респондентов назвали отношения между национальностями хорошими (26%). Менее десяти процентов не смогли дать определенный ответ. И почти две трети заявили о проблематичности таких отношений. Причем 11% полагают, что отношения складываются негативно, 54% дали

уклончивый ответ («бывает по-разному»). Вполне вероятно, что российское общество и государство должны быть готовы к тому, что беспроблемные регионы и ситуации в большом многоэтничном государстве - это роскошь, которая не всегда бывает. Здесь необходимо то самое «ручное управление», чтобы моментально и адекватно реагировать на возникающие напряженности и кризисы и уметь предотвращать недовольство и открытые конфликты. Ссоры и напряженность могут быть даже в самых дружных семьях, не говоря о больших государствах.

25. ***Назовите темы (не более 3-х), которые более всего беспокоят Вас и окружающих вас людей***. Если судить о рейтинге ответов по частоте упоминаний, то лишь 25-ю позицию заняла миграционная тема (о ней упомянули всего лишь 2,3% опрошенных). Еще меньшее количество людей «вспомнило» о межнациональной розни (1,3%, 33-я позиция), о «засилье кавказцев» (1,1%, 37-я позиция), об «этнической экспансии» (1,1%, 39-я позиция). Ближе к 50-й позиции (менее одного процента) в этом рейтинге расположились ответы, указавшие на наличие религиозных проблем, ущемление прав и вымирание русских, русофобию, деятельность сект, неонацизм. На позициях ближе к 100-й оказались ответы, указывающие на такие источники беспокойства, как межнациональные браки, утрата родного языка и традиций.

О межнациональной розни заявили лишь 1,1% респондентов-москвичей. В Грозном - 1%. «Наибольшее» количество упоминаний о межнациональной розни - в Пятигорске (7%) и Оренбурге (5%). Тема «засилья кавказцев» затронута очень малым количеством респондентов, относительно чаще о ней говорили в Сыктывкаре (1,5%) и Сургуте (1,5%), а также в Москве (1,3%) и Пятигорске (1,3%). Об «этнической экспансии» вопрос был поднят только в Москве (1,6%) и Сыктывкаре (1,5%). Проблема неонацизма затронута респондентами в Пятигорске (3,1%). Обращает на себя внимание то, что в Грозном, судя по ответам

респондентов, «этническая тема» вообще не просматривается. Главные и второстепенные трудности люди видят в совершенно иных проблемах - безработице (25% респондентов), проблеме материального обеспечения (27%), здравоохранении (23%) и т. п. О пресловутом национальном вопросе заявило только менее одного процента опрошенных грозненцев.

27. ***Что для вас понятие Родина? Выделяются регионы, где опрошенные считают родиной именно место своего рождения.*** Об этом заявили почти половина респондентов в Грозном (48%) и похожая доля опрошенных в Якутске (43%). В этих городах учтено наименьшее количество тех, кто считает, что его родина - Россия. В Грозном - только 14,3%, в Якутске -17,1%. Более детальный анализ ответов респондентов-жителей Грозного показывает, что считают своей родиной Россию в основном местные русские и часть ингушей, тогда как среди чеченцев таковых 11 %. Такое распределение ответов в значительной мере объясняется последствиями произошедших в республике военных конфликтов. В Пятигорске доля респондентов, которые не признают в качестве родины государство, не превышает четверти, а тех, кто считает своей родиной Россию - больше половины.

28. ***В России, помимо русского языка, говорят на разных языках. С какими суждениями вы согласны?*** Половина русских респондентов - жителей Грозного считает, что в государстве должен быть один язык, а другая половина - за равные права для всех языков. Самый, казалось бы невероятный, спектр ответов у чеченцев: за один язык в стране - 17%, за избранные языки (т. е. в том числе чеченский) - только 7%, а за полное языковое равноправие - 72%.

29. ***Что более всего важно в человеке?*** О важности сохранения и поддержки традиций указывают респонденты на Кавказе: в Пятигорск 51%, а в Грозном - вообще 70%.

35. ***Согласны ли вы с тем, что граждане Российской Федерации - это российская нация?*** 38% респондентов заявили, что в условиях России единая нация возникнуть не может, 15% считают, что нация возможна, но для этого требуются десятилетия, 17% воздержались от ответа, 8% полагают, что нация может возникнуть через несколько лет, 23% сказали однозначное «да» российской нации. На вопрос согласны ли назвать россиян нацией минимальные величины были зафиксированы в Грозном (10%), Якутске (11%) и Пятигорске (16%)[28].

Анализ общественного мнения в республиках РФ (по данным опросов Института этнологии и антропологии РАН и Сети этномониторинга летом и осенью 2008 г. среди населения субъектов РФ) раскрывает достаточно скромные возможности неправительственных общественных организаций в сфере этнокультурной политики и предупреждении этнической дискриминации[29].

На вопрос, каковы в конкретном регионе отношения между национальностями, 40-50% респондентов, как правило, заявляют, что положение в целом хорошее, и лишь порядка 3% говорят о ситуации как о негативной. В то же время фиксируется большая доля тех, кто расценивает ситуацию в своем регионе, как неопределенную (30-40%). Такая поляризация мнений не позволяет говорить об устойчивости ситуации в этнокультурной сфере. Особенно заметна резкость оценок жителей северокавказских республик, прежде всего, Ингушетии, Чечни, Дагестана, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии. В этих республиках наиболее велика доля тех, кто оценивает межэтнические отношения как исключительно негативные или же как неопределенные.

Доля респондентов, заявивших, что оказались жертвой унижения или оскорбления на основании принадлежности к религии или национальности

---

[28] Тишков В., Степанов В. Кем себя считают россияне. С. 71-83.

[29] Степанов В. Этнические отношения и тема дискриминации в общественном восприятии // Этнополитическая ситуация…в 2008 году… М., 2009. С. 99-107.

– в Карачаево-Черкесии почти 70% заявили, что были свидетелями подобных унизительных ситуаций - это самый высокий показатель в стране. О том же заявили более половины респондентов в республиках Тыва и Ингушетия. По данному показателю выделяются также Калмыкия, Адыгея, Дагестан, Башкортостан (около 40% респондентов указали, что были очевидцами).

Во многих случаях респонденты заявляют о том, что им известны конкретные случаи увольнений по признаку национальности или отказа в приеме на работу. На это указывают данные опросов в Карачаево-Черкесии (69%), Ингушетии и Тыве (более 50%), Адыгее, Дагестане, Башкортостане, Калмыкии, Бурятии (ок. 40%).

Вместе с тем, нельзя не отметить, что гражданская активность общественных организаций дает о себе знать в таких республиках, как Карелия, Адыгея, Дагестан и Ингушетия. В этих республиках доля респондентов, считающих, что можно рассчитывать на помощь в трудоустройстве со стороны общественных организаций, составляет около одной трети[30].

§ 2. Особенности самоощущения и самоидентификации россиян

Рассмотрев проблемы специфики самоощущения и самоидентификации «кавказцев» и русского населения, проживающих на Северном Кавказе, который составляет только часть российского пространства, расширим поле исследования, предоставив тем самым заинтересованному читателю материал для сравнительного анализа с другими регионами России.

Хорошую возможность для этого дает аналитический доклад, подготовленный в сотрудничестве с Представительством Фонда имени Фридриха Эберта в Российской Федерации (Москва, 2007) под названием

[30] Степанов В. Этнические отношения и тема дискриминации в общественном восприятии. С. 99-107.

«Граждане России: Кем они себя ощущают и в каком обществе хотели бы жить?»[31]. Мы приведем здесь лишь небольшую часть данного исследования, в котором освещаются основные вопросы нашей темы.

Несколько слов о самом Фонде и методике его исследований. Первую попытку всмотреться через «социологическое зеркало» в особенности российской идентичности под воздействием трансформационных процессов, ученые ИКСИ РАН (с 2005 г. Институт социологии РАН) предприняли в июне–июле 1998 г., фактически накануне разразившегося острейшего финансово-экономического кризиса. Именно в тот, еще относительно спокойный период в жизни России, в сотрудничестве с Фондом им. Ф. Эберта и немецкой социологической службой «Синус» (Мюнхен) было осуществлено общероссийское социологическое исследование под названием «Граждане России: Кем они себя ощущают и в каком обществе хотели бы жить?».

Цель данного исследования (всего было проведено три - в 1998, 2004 и 2007 гг.) состояла в выявлении определенных типов восприятия исторических, социальных, экономических и политических фактов, явлений и процессов представителями различных поколений россиян – возрастными группами от 16 до 65 лет включительно, которые оказывают основное влияние на текущее развитие страны или будут оказывать таковое в ближайшем будущем.

В ходе сентябрьского исследования (2007 г.) было опрошено 2000 респондентов. Его методическую основу составили исследовательские инструментарии 1998 и 2004 годов, но вместе с тем, некоторые «поля социологического замера идентичностей» были расширены. При формировании модели выборки, как в 1998 году и 2004 году, использовались две ступени. Первая ступень – экспертный отбор двух типичных субъектов РФ в тех же 12-ти регионах Российской Федерации,

[31] www.isras.ru/analytical_report_Ident.html Москва

как и в прежних исследованиях, т. е. всего 24 субъекта. Вторая ступень, как и ранее, предполагала отбор, наряду с мегаполисами и административными центрами, районных городов, рабочих поселков и сел (деревень) – всего 71 поселение. В целях поколенческого (когортного) анализа весь массив выборочной совокупности – 2000 человек – был разбит на 5 равных групп – по 400 человек (в 1998 г. – по 600 человек, в 2004 г. – 500 человек в каждой). Возрастные градации групп, как и в предыдущих исследованиях, выглядели следующим образом: 1) 16–25 лет, 2) 26–35 лет, 3) 36–45 лет, 4) 46–55 лет, 5) 56–65 лет. В целях реализации второй модели выборки, репрезентативной для населения в целом, на основании данных Росстата проводился квотный отбор респондентов. Соотношение граждан русской и нерусской национальности среди респондентов соответствовало их соотношению в составе населения РФ.

Итак, с кем россияне отождествляют себя сегодня? К кому они испытывают наибольшую близость? Не ответив на эти вопросы, нельзя понять ни перспективы формирования в России осознанных групповых интересов и умения их отстаивать в рамках гражданского общества, ни перспективы того или иного пути политического и экономического развития России.

Учитывая задачи, стоявшие перед исследователями, а также опыт прежних исследований самоидентификаций россиян, были изучены различные виды возможных идентичностей. Полученные результаты, наглядно демонстрирующие, с кем и в какой степени россияне испытывают чувство общности (с кем они себя прежде всего отождествляют, идентифицируют в рамках групповых идентификаций), представлены в таблице 5 (нумерация таблиц соответствует аналитическому докладу).

Таблица 5

С кем и в какой степени россияне испытывают чувство общности, 2007 г., в %[32]

С кем испытывали чувство общности	Часто	Иногда	Практически никогда
С товарищами по работе, учебе	55	38	7
С людьми своего поколения	*57*	38	5
С людьми той же национальности	*54*	38	8
С людьми той же профессии, рода занятий	*59*	35	6
С людьми, разделяющими взгляды респондента на жизнь	***62***	33	5
С людьми, живущими в том же городе или поселке	39	50	11
С россиянами	35	50	15
С людьми того же материального достатка	46	45	9
С гражданами СНГ	11	51	*38*
Со всеми людьми на планете	8	36	*56*
С общностью «советский народ»	15	42	*43*
С людьми, близкими по политическим взглядам, позициям	27	50	23
С теми, кто не интересуется политикой	22	53	*25*
С европейцами	6	33	***61***

Как видно из таблицы 5, если говорить об устойчивых само-идентификациях по состоянию на 2007 год, то **первую группу** составляют 5 идентификаций, которые часто испытывали свыше половины респондентов. Часть этих идентификаций имеет предметный характер (*товарищи по работе или учебе*), а четыре относятся к абстрактно-символическому типу общностей (*люди, разделяющие те же взгляды на жизнь,* вообще оказавшаяся ведущей идентичностью из предложенного списка, *люди того же поколения, люди той же профессии и рода занятий, и люди той же национальности*). Отрицательная самоидентификация по ним составляла весьма незначительный процент – от 5% до 8% опрошенных.

[32] Жирным шрифтом выделены ведущие положительные и ведущие отрицательные идентичности, а курсивом – наиболее распространенные положительные и отрицательные идентичности.

При этом по всем перечисленным «мы-идентификациям» с 2004 года наблюдался ощутимый рост. Лидером его с показателем в 8% (что очень много для устойчивых идентичностей всего за 3 года) стала позиция с «людьми, разделяющими те же взгляды на жизнь». Далее с показателем в 7% шла идентичность с людьми той же национальности, в 6% – идентичность с людьми той же профессии или рода занятий, и по 4% «добавили» товарищи по работе или учебе и люди того же поколения.

Следующую группу составляют самоидентификации, которые стабильно разделяют свыше трети россиян. К ним относятся (в порядке убывания значимости): идентификации с *людьми того же материального достатка; с людьми, проживающими в том же населенном пункте; с россиянами*. При этом две последние идентификации за последние годы поменялись местами в общем ранговом списке, хотя обе прибавили в распространенности – в 2004 году устойчиво ощущали свою общность с россиянами 31% и никогда не испытывали чувства общности с ними 21%, а спустя 3 года эти показатели составили, соответственно, 35% и 15%. Что же касается общности с людьми, проживающими в том же населенном пункте, то в 2004 году устойчиво идентифицировали себя с ними 29%, а никогда не идентифицировали – 18%. В 2007 году эти показатели заметно изменились и стали составлять соответственно 39% и 11%, что говорит об очень быстром росте идентичностей микроуровня и заметно менее активном – идентичностей макроуровня.

Третью группу, значимую в общей сложности примерно для половины россиян, хотя она и распадается на две почти равные части, составляют идентичности, связанные с отношением к политике – 27% устойчиво ощущают близость с людьми, близкими им по политическим взглядам, и 22% так же устойчиво относят себя к тем, кто политикой не интересуется. При этом доля занимающих сознательно аполитичную позицию выросла за последние годы на 4%.

Наконец, **четвертую группу** составляют относительно малораспространенные самоидентификации**,** которые постоянно разделяют не более 15% респондентов – *с «советским народом», с гражданами СНГ, со всеми людьми на планете и с европейцами*. Удивительно при этом не то, что все эти макроидентичности мало распространены как устойчивые, а то, что по всем ним сократилось число граждан никогда их не испытывающих. Особенно ярко эта тенденция проявилась для идентификаций с гражданами СНГ – никогда не ощущали своей общности с ними в 2004 году свыше половины (51%), а в 2007 году – 38% респондентов.

Анализ самоидентификаций россиян дает основание отметить тот факт, что *каждый россиянин внутренне включен в систему очень сложных социальных ролей и связей, важность которых для разных людей далеко не одинакова. Для большинства из них сейчас не важны макротерриториальные общности*. Зато *очень важны макрообщности, отражающие духовную близость людей во всем ее многообразии.* Заметим в этой связи, что *национально-этнический фактор оказывается в системе «мы-идентификаций» гораздо важнее, чем гражданский*. Не случайно с россиянами устойчиво отождествляет себя в полтора раза меньшее число респондентов, чем с людьми той же национальности. Примерно такое же соотношение наблюдалось между этими идентичностями и в 2004 году. Однако, как будет показано ниже, это свидетельствует не о большей значимости национального фактора в жизни россиян, а о большей напряженности в сфере межэтнических отношений, нежели в сфере отношений межгосударственных. В итоге ощущаемой в межэтнических отношениях напряженности противоположности «Мы» – «Они», «мы-идентификация» по национальности заметно обгоняет гражданскую. В то же время для «я-идентификаций» последняя оказывается намного важнее этнической.

Представив общую картину сравнительной роли различных типов устойчивых самоидентификаций в сегодняшней жизни россиян,

исследователи попробовали понять их динамику за период 1992–2007 годы, т. е. проанализировать, как сказались годы реформ на их распространенности и иерархии. Разобраться в этом помогло сравнение их результатов с результатами исследования самоидентификаций россиян в 1992 году[33], а также с данными их исследований 1998 и 2004 годов (см. табл. 6). Причем если до сих пор они анализировали только устойчивые идентификации, то для анализа их динамики рассматривали одновременно как ту долю граждан, которая идентифицирует себя с той или иной общностью часто, так и тех, кто делает это иногда. Это связано с тем, что неустойчивая самоидентификация за столь емкий исторический период могла перейти в устойчивую и наоборот.

Таблица 6

С кем испытывали чувство общности россияне в 1992, 1998, 2004 и 2007 гг., в %[34] *(суммируются ответы «испытывали часто» и «иногда»)*

С кем испытывали чувство общности	1992 г.	1998 г.	2004 г.	2007 г.
С товарищами по работе, учебе	79	87	90	93
С людьми своего поколения	82	93	94	95
С людьми той же национальности	75	88	89	92
С людьми той же профессии, рода занятий	77	90	91	94
С людьми, разделяющими взгляды респондента на жизнь или его верования	**73**	**90**	**92**	**95**
С людьми, живущими в том же городе или поселке	73	81	82	89
С россиянами	71	74	79	85
С людьми того же материального достатка	**68**	**87**	**89**	**91**
С гражданами СНГ	49	47	49	62
Со всеми людьми на планете	34	37	42	44
С общностью «советский народ»	47	47	51	58
С людьми, близкими по политическим взглядам, позициям	**54**	**73**	**75**	**77**
С теми, кто не интересуется политикой	46	69	66	75

[33] Приводимые данные исследования 1992 г., проведенные под руководством В.А. Ядова, взяты из: «Социальная идентификация личности – 2». Книга 1. М.: Институт социологии РАН, 1994, С. 22–28.

[34] Жирным шрифтом выделены идентичности, по которым наблюдался максимальный рост (свыше 20%) за последние 15 лет.

Как видно из таблицы 6, за годы реформ в России наблюдался весьма значительный рост среднего числа положительных самоидентификаций. Это свидетельствует о том, что *тот идейно-мировоззренческий, ценностный и идентификационный вызов, который бросил россиянам внезапный слом всей их прежней жизни, они пытались преодолеть и успешно преодолевали за счет попыток «вписывания» себя в новые социальные роли и новые, ранее нехарактерные для них общности. На смену утраченным идентификациям приходили в первую очередь общности, характерные для стран с рыночной экономикой, причем скорее раннеиндустриальных, чем развитых. Несколько огрубляя, можно сказать, что в России росли самоидентификации с теми общностями, которые для стран Западной Европы были характерны почти сто лет назад, в период жесткой вертикальной стратификации и острой классовой борьбы. Речь идет, прежде всего, об имущественной идентификации и идентификации по политическим взглядам*. Оба эти вида идентификации «прибавили» за 15 лет свыше 20%. Столь же сильно выросла только идентификация с людьми, разделяющими те же взгляды на мир, что, впрочем, в условиях плюрализации взглядов, пришедшей на смену прежнему почти поголовному единомыслию, вполне естественно.

Авторы опроса проанализировали также, с кем россияне постепенно перестают себя идентифицировать (см. табл. 7). Это как бы обратная иерархия идентификаций, показывающая утрату за последнее 15-летие чувства общности с определенными группами.

Таблица 7

С кем не испытывали чувство общности россияне

в 1992, 1998, 2004 и 2007 гг., в %

С кем не испытывали чувство общности	***1992 г.***	***1998 г.***	***2004 г.***	***2007 г.***
С товарищами по работе, учебе	4	12	10	7
С людьми своего поколения	4	7	6	5
С людьми той же национальности	7	12	11	8
С людьми той же профессии, рода занятий	5	10	9	6
С людьми, разделяющими взгляды респондента на жизнь	7	10	9	5
С людьми, живущими в том же городе или поселке	7	19	18	11
С россиянами	**6**	**24**	**22**	**15**
С людьми того же материального достатка	6	13	11	9
С гражданами СНГ	**21**	**53**	**51**	**38**
Со всеми людьми на планете	**22**	**62**	**59**	**56**
С общностью «советский народ»	**18**	**52**	**49**	**43**
С людьми, близкими по политическим взглядам, позициям	15	26	25	23
С теми, кто не интересуется политикой	18	30	34	25

Как видно из ответов, «пик» распространенности отрицательных самоидентификаций пришелся на 1998 год. Далее они начали постепенно сокращаться, хотя по разным позициям сокращение это шло с разной скоростью. Своего рода «рекордсменом» здесь стала отрицательная самоидентификация с гражданами СНГ – конечно, 38% россиян, никогда не ощущающих себя таковыми в 2007 году, это почти в два раза больше, чем в 1992 году, когда свежа еще была память об СССР. Однако это почти в полтора раза меньше, чем в 1998 году, когда изоляционистские умонастроения россиян на постсоветском пространстве достигли своего максимума. Улучшилась, и заметно, за годы реформ и картина с восприятием себя населением страны гражданами России. А вот по такой макрообщности как «все люди на планете» изменения в последние годы были незначительны – последствия краха предложенного М. Горбачевым глобального мышления после начала

рыночных реформ в стране практически с той же силой, что и в 1998 году, ощущаются и до сих пор. В целом можно сказать, что динамика отрицательных самоидентификаций, представленная в таблице 7, пожалуй, даже более ярко, чем динамика идентификаций положительных, демонстрирует основной вектор изменения сознания россиян, – вектор, который является вполне адекватным ответом на изменение условий их жизни и самого российского общества.

При этом социологи отмечают, что выбор той или иной самоидентификации коррелирует, прежде всего, с другими самоидентификациями индивида, а не с объективными или субъективными характеристиками его положения. А это значит, что идентификационный блок является сам на себя замкнутым, относительно автономен от положения индивида в обществе, в том числе и материального, и связан с его базовыми ценностными ориентациями. Скачок в развитии этого блока пришелся на вторую половину 90-х годов, и, судя по тому, что распространенность различных типов самоидентификаций с тех пор практически не меняется, выбранный путь развития идентичности (включая развитие компенсаторных идентичностей взамен утраченных) оказался достаточно успешным. *Это означает, что, если никаких серьезных катаклизмов в жизни России в обозримой перспективе не произойдет, можно ожидать сохранения той же картины макро- и микроидентичностей и в ближайшие годы.*

Об этом же говорит и распределение различных «Мы-самоидентификаций» в отдельных возрастных когортах.

Как видно из таблицы 8, по ряду позиций от когорты к когорте идет плавное сокращение доли тех, кто имеет соответствующую устойчивую идентификацию. Однако при этом доля лиц с отрицательными самоидентификациями практически не растет и *вакуума самопозиционирования себя в социуме через систему сложных социальных связей и отношений ни в одной возрастной когорте не наблюдается*.

Таблица 8

«Мы-самоидентификации» представителей различных возрастных когорт, в %

Идентификации	Возрастные когорты				
	16-25 лет	26-35 лет	36-45 лет	46-55 лет	56-65 лет
С товарищами по работе, учебе					
- часто	65	63	59	52	38
- иногда	32	33	38	41	43
- практически никогда	3	4	3	7	19
С людьми своего поколения					
- часто	53	53	59	54	64
- иногда	39	42	38	40	33
- практически никогда	8	5	3	6	3
С людьми той же национальности					
- часто	52	52	59	54	53
- иногда	39	41	34	37	41
- практически никогда	9	7	7	9	6
С людьми той же профессии, рода занятий					
- часто	54	61	63	60	50
- иногда	40	35	33	34	37
- практически никогда	6	4	4	6	13
С людьми, разделяющими те же взгляды на жизнь					
- часто	63	63	62	62	59
- иногда	34	31	33	34	36
- практически никогда	3	6	5	4	5
С людьми, живущими в том же городе или поселке					
- часто	33	37	43	40	41
- иногда	53	51	50	49	47
- практически никогда	14	12	7	11	12
С гражданами России, россиянами					
- часто	34	33	35	35	38
- иногда	51	51	55	49	46
- практически никогда	15	16	10	16	16
С людьми того же материального достатка					
- часто	38	43	51	46	52
- иногда	50	48	43	44	40
- практически никогда	12	9	6	10	8

С гражданами СНГ					
- часто	12	12	10	11	9
- иногда	48	49	56	53	47
- практически никогда	40	39	34	36	44
Со всеми людьми на планете					
- часто	11	9	6	8	6
- иногда	41	38	38	35	32
- практически никогда	48	53	56	57	62
С общностью «советский народ»					
- часто	9	10	15	21	19
- иногда	38	41	45	42	41
- практически никогда	53	49	40	37	40
С людьми, близкими по политическим взглядам					
- часто	20	21	29	32	31
- иногда	51	50	50	49	49
- практически никогда	29	29	21	19	20
С теми, кто не интересуется политикой					
- часто	22	22	21	22	20
- иногда	52	52	54	55	51
- практически никогда	26	26	25	23	29
С европейцами					
- часто	7	6	4	8	3
- иногда	34	34	39	32	26
- практически никогда	59	60	57	60	71

Всплеск отрицательных самоидентификаций по товарищам по работе в старшей возрастной когорте (до 19%) связан с наличием в этой возрастной группе значительной доли неработающих пенсионеров, хотя среди них практически каждый второй продолжает идентифицировать себя со своими прежними коллегами по работе. Растет с возрастом и идентичность с людьми, близкими по политическим взглядам, притом, что доля людей, сознательно дистанцирующихся от политики, примерно одинакова во всех возрастных когортах. Для отрицательных же самоидентификаций характерен, прежде всего, рост (с 48% в группе 16-24-летних до 62% в группе 56-65-летних) со всеми людьми на планете и

сокращение (с 53% до 37%) идентичности с советским народом.

Не оказывает же возраст влияния на самоидентификации в случаях с людьми той же национальности, с людьми, разделяющими те же взгляды на жизнь, с жителями того же населенного пункта, с гражданами России, с гражданами СНГ и т.п. При этом очень высока во всех возрастных когортах была доля тех, кто никогда не ощущал себя европейцем (57%-60% в когортах до 56 лет и 71% респондентов в возрасте 56-65 лет). Однако последний показатель очень сильно различался по регионам. Так, в Санкт-Петербурге – городе, который изначально строился как «окно в Европу» – европейцем никогда не ощущал себя лишь каждый пятый, в Псковской области – каждый третий. В то же время в Хабаровском крае, например, таких было уже свыше четырех пятых опрошенных. В целом «внеевропейски» были настроены в этом вопросе и москвичи – 80% их никогда не чувствовали себя европейцами.

Очень тесно идентификация себя с европейцами, как, впрочем, и со всеми людьми на планете, оказалась связана с регулярным использованием сети Интернет – среди тех, кто регулярно (не реже нескольких раз в неделю) пользуется Интернетом, доминировала положительная идентификация с европейцами, в то время как среди тех, кто никогда им не пользовался, две трети никогда не ощущали себя таковыми.

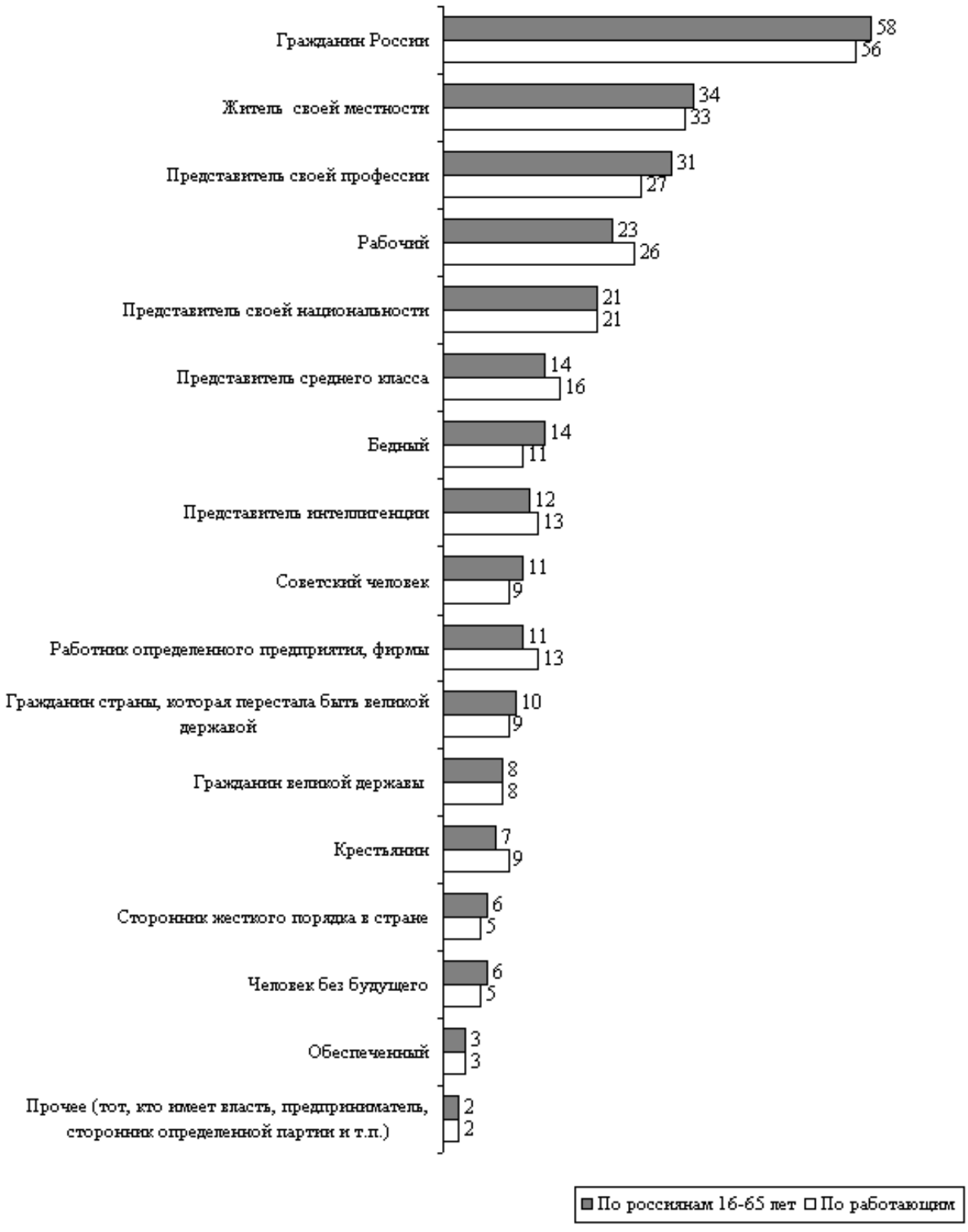
Социологи Фонда Эберта рассмотрели и вопрос как выглядят **«Я-самоидентификации»** россиян, отражающие важность для них самих тех или иных своих социальных ролей, особенности их образа собственного «Я». В этой связи прежде всего исследователи отметили, что самих себя наши сограждане воспринимают в целом почти также положительно, как и общность, обозначаемую для них понятием «Мы» – 91% опрошенных дали на это понятие положительную реакцию. И, судя по тому, что 92% респондентов часто или иногда испытывали гордость за собственные успехи или успехи членов своей семьи, такое отношение их к себе вполне оправдано.

Итак, кем же в первую очередь видят себя сегодня россияне? Какие

их социальные роли для них самих самые важные (см. рис. 11)?

Рисунок 11

«Я-самоидентификации» россиян, в %

Этот оптимизм подкрепляет тот факт, что в возрастной когорте до 25 лет роль гражданина своей страны как значимую для них лично социальную роль отмечали 65% респондентов. Тем не менее, при всей позитивности этой тенденции, не может не беспокоить тот факт, что даже среди молодежи треть не включала то, что они россияне, в число значимых для них характеристик самих себя. К числу характерных особенностей молодежной когорты относились также высокая распространенность идентификации «рабочий» – столько же, сколько и «житель своей местности» (по 32%), относительно более низкая профессиональная идентификация (достигавшая пикового значения в 33% в когорте 26-35 лет), а также более высокая значимость принадлежности к коллективу определенного предприятия или фирмы (14% при 16% у 26-35-летних, где этот показатель также был максимален), определенной национальности (24% при 18% у 56-65-летних) и среднему классу (20%). Последняя «я-идентификация» вообще была характерна, прежде всего, для респондентов до 35 лет, также как «бедный», «гражданин страны, которая перестала быть великой державой» и «человек без будущего» – для возрастной когорты 56-65 лет. Таким образом, *хотя образ «Я» у представителей разных возрастных когорт несколько различается, но различия эти настолько незначительны, что позволяют говорить о межгенерационной устойчивости идентификаций россиян и близости их образов «Я» у разных поколений*.

Итак, неординарное исследование Фонда им. Эберта, в котором приняли участие 2 тысячи человек из 24 субъектов РФ, выявило сразу несколько качественных изменений в состоянии общественного сознания и идентичности. В их числе можно указать на то, что впервые в истории 85% граждан страны причислили себя к россиянам. В ответах на вопрос "Кто вы в первую очередь?" в отличие от начала 1990-х годов, когда по стране расползался синдром "местничества" (многие граждане ощущали себя

сначала москвичами или нижегородцами, русскими или татарами, а уже потом россиянами), в 2007 году две трети населения отвечали: "Я - гражданин России". А определения себя как жителя конкретной местности или представителя какой-либо национальности отстают от российской идентичности в разы. Это свидетельствует о достаточно высокой интегрированности российского общества и даже о возможности в обозримой перспективе формирования в России гражданской нации.

"Советскими людьми" себя ощущают только 11% опрошенных в возрасте 16-65 лет. Опросы показывают, что все символы гордости для большинства наших сограждан приходятся на советский период. Но для многих, прежде всего для молодежи, эта эпоха представляется как удаляющаяся реальность, как уникальный эксперимент, воспроизвести который невозможно.

Завершая частичную презентацию Аналитического доклада Фонда имени Эберта, приведем иллюстративный материал, отражающий ответы респондентов на один из главных вопросов проводимого социологами анкетирования (см. рис. 12).

Анализ рассмотренного материла, внутригосударственных и региональных (локальных) факторов напряженности со всей очевидностью показывает, что развитие трансформационных процессов, как и многофакторность полиэтнокультурного бытия населения Дагестана и всего Северного Кавказа, настоятельно требуют разработки продуманной и последовательной государственной политики, соответствующей законодательной базы, учитывающей специфику региона, менталитет населения, многообразие чаяний и требований населяющих его народов.

1. Федеральным, региональным и республиканским органам власти следует разработать Концепцию национальной политики на Юге России с учетом специфики каждого субъекта РФ, в которой предусматривать специальные программы по значительному улучшению демографической

Кто вы? (ответы респондентов в возрасте 16—65 лет)

Гражданин России (россиянин)

58%

Представитель своей профессии (врач, чиновник, дворник и т.д.)

34%

Рабочий

23%

Представитель своей национальности

31%

Представитель среднего класса

14%

Бедный

14%

Интеллигент

12%

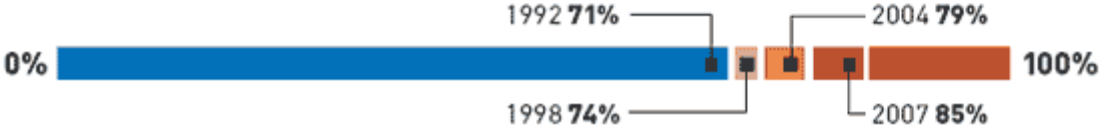

Советский человек

11%

ИСТОЧНИК: ИСРАН

Испытываете ли вы чувство общности с россиянами?

и миграционной политики, особенно среди регионов, с депрессивной экономикой и рисками экстремизма и терроризма.

2) Рекомендации в сфере политики этнокультурного развития. Органам республиканской власти, муниципальным образованиям, Миннацу, Министерству по образованию и науки РД обратить особое внимание на дальнейшую стабилизацию этнокультурных и межконфессиональных процессов в республике.

3) Обратить внимание на преподавание регионального компонента в общеобразовательных школах РД, особенно в городских школах. Правительству РД оказать необходимую поддержку для финансирования и выполнения всех основных положений «Концепции развития национальных отношений в РД на 2008 - 2011 гг.».

4) Рекомендации в сфере государственного регулирования этнополитической ситуации. Президенту Республики Дагестан, Народному Собранию РД, Правительству РД усилить мониторинг межнациональных и этнополитических отношений в республике. В республиканских печатных и электронных СМИ систематически и объективно освещать актуальные проблемы межнационального взаимодействия и этнокультурной интеграции в РД.

5) Особую актуальность приобретает изучение следующих факторов, касающихся в первую очередь молодежь:

а) Степень осознания населением своей национальной принадлежности:

- представления об этноконсолидирующих и этнодифференцирующих признаках;
- тенденции трансформации этнического самосознания дагестанской молодежи;
- выявление уровня этнической идентичности, которая связана с уровнем развития национального самосознания;
- определение степени проявления и выраженности эмоционального

отношения личности к представителям своей и других этнических групп.

- ксенофобные настроения на фоне нового российского патриотизма;
- формы национальной идентичности как фактор формирования этноцентристских и ксенофобных установок;
- особенности этнокультурной социализации в Дагестане: «свои» и «чужие»

6) Степень этнической толерантности можно оценивать на основе следующих критериев:

- уровень «негативизма» в отношениях к своей и другим этническим группам;
- уровень порога эмоционального реагирования на иноэтническое окружение.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Идентичность играет огромную роль в процессах взаимоотношений народов и этнокультурной интеграции. Национальная идентичность не менее, а даже более важна для государства, чем охраняемые границы, конституция, армия и другие институты. Государства создаются людьми и существуют потому, что каждое новое поколение граждан разделяет общее представление о государстве и признает его. Любое государство, общество или регион, имеющие этническую и религиозную неоднородность, в целях обеспечения мира и своей безопасности нуждаются в достижении этноконфессиональной толерантности. Для этого необходимо в частности использовать потенциал региональной элиты и средств массовой коммуникации для формирования интегрирующего образа «мы - россияне» и восприятия его в массовом сознании.

После развала СССР возникло новое государство – Российская Федерация – это требовало и новой идеологии и новой национальной идентичности. Однако изменения общественных установок происходят постепенно. Если советский человек был интегрирован в государство и общественные распределительные отношения, а его принадлежность была социально профильной, по «факту рождения», то современному россиянину в изменившейся внешней социальной среде приходится самостоятельно решать проблему идентификации.

Одним из следствий трансформации социально-экономической модели в России после 1991 года явилась смена концепции культурного «Другого» в общественном сознании. Идеологическая идентификация «советский человек» покрывала и отчасти нивелировала значимость культурной идентификации в рамках советского государства. Для советского человека образ «Другого» довольно просто раскладывался на несколько категорий: идеологический «Другой» исчерпывался дихотомией

«советский – буржуазный», а культурный «Другой» подразделялся: на экзотического «Другого» и своего «Другого» - народов многочисленных советских и автономных республик СССР. Идеологический и экзотический «Другие» обретали плоть исключительно благодаря информационному пространству, формируемому советской печатью и телевидением и были для рядового советского человека «вне зоны доступа». А «свой», в зоне доступа, в повседневности интерпретировался вполне в духе евроцентризма с негласной шкалой престижа этнических групп, где нижние ступени иерархии отводились народам, еще далеким от «европейского» уровня модернизации. Однако в публичной сфере эта иерархия нивелировалась идентификацией «советский человек» и интернационалистской политкорректностью, девственность которой изредка нарушалась анекдотами о чукчах, хохлах, грузинах, евреях и т.д. Таким образом, социально-политический контекст задавал «толерантный» вектор освещения культурного «Другого» и в средствах массовой информации.

Сегодня культурный «Другой» стал ощутимо зрим благодаря многочисленности мигрантских общин, проживающих как в мегаполисах, так и в районных центрах. Мало кто бы знал о маленьком карельском городке Кондопога, если бы не события с «кавказцами».

Вторая примета времени – либерализация публичного пространства. Информационное поле сохраняет «политкорректность» лишь относительно ограниченных фрагментов политической и экономической жизни. То, что касается культуры в любых ее проявлениях – от эротики, шоу-бизнеса и до этнических групп – подается порой в шокирующих откровениях.

Третьей приметой можно назвать возросшую значимость социально-политической конъюнктуры, которая и составляет в большинстве случаев тот контекст, в рамках которого подаются и интерпретируются события, группы людей, отдельные личности.

Усиление в России ксенофобии и расизма стимулировало появление дискурса толерантности сначала в научном сообществе, а затем в публичном пространстве и в сфере политики. Последнее десятилетие богато многочисленными научными изысканиями, так или иначе связанными с проблемами интолерантности, которые выполнялись в рамках Федеральной целевой Программы «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российской обществе» (2001-2005 гг.)[1]. Значительное количество исследовательских проектов было посвящено изучению роли средств массовой информации в формировании интолерантности по отношению к культурному «Другому».

Знакомство с результатами исследований позволяет заметить, что довольно часто в исследованиях интолерантности в средствах массовой информации используются методики, выявляющие «язык вражды». Эти исследования можно назвать продолжением классической традиции контент-аналитических исследований, заложенной Г. Лассвеллом и Н. Лейтесом.[2] Анализ статистики лингвистических форм позволял определить специфику отношения коммуникатора к определенным объектам в тексте.[3]

Опираясь на результаты социологических опросов, исследователи говорят о том, что «россияне осознают пагубность либерализации государства, социального хаоса, но не могут идентифицировать себя с государством, которое не отвечает идеалу социальной справедливости, и обществом, которое существует “символически”, но на уровне социального взаимодействия сегментировано по социально-статусным, территориальным и этнонациональным признакам». Попытка осуществить проект негативной мобилизации (угроза терроризма), т.е. выстроить

[1] Инициатором Программы стало Министерство образования РФ.

[2] Lasswell H., Leites N., Language of Politics. New York, 1949.

[3] Ученые, опираясь на статистический подсчет упоминаний лексем и идеологем нацистского толка, доказали профашистскую направленность газеты «Истинный американец» в период второй мировой войны.

систему внешнего контроля, основанную на «страхе и подозрительности», может дать временный эффект, но это не способствует укреплению социального доверия. Для противодействия терроризму следует взвешенно расставлять акценты, иначе это может привести к росту кавказофобских и исламофобских настроений, разрушить традиции «мирного проживания» представителей различных конфессий. «Консолидация по принципу "против" других народов, в конечном счете, приводит к обозначению "антисистемных" групп, каковыми могут предстать политическая оппозиция или определенные социальные и этнонациональные группы». Период реформирования, начавшийся под лозунгом вхождения россиян в «цивилизованный мир», преподал россиянам уроки умения «быть собой»[4].

Исследователи, изучающие проблемы нашей республики, как правило, подчеркивают, что традиционное единство народов Дагестана обусловлено совокупностью политико-экономических и социо-культурных факторов исторического прошлого Страны гор. Однако сегодня следует признать тот факт, что традиционным факторам межнационального согласия (напр., маслиат и т.п.) все труднее гарантировать единство Дагестана, так как получили развитие проявления интолерантности, национального эгоизма. И как уже отмечалось, отношения между различными этническими группами – одна из самых уязвимых сфер человеческих отношений. В эту плоскость проецируются социально-экономические, политические и конфессиональные проблемы, которые нередко оборачиваются этнофобиями, межэтническими конфронтациями и политическим противостоянием. Межэтнические отношения стали значимой и порой неблагополучной частью социальной реальности. Одним из проявлений этих негативных трансформаций стало возникновение такого негативного стереотипа как «лицо кавказской национальности».

---

[4] Волков Ю.Г. Российская идентичность: особенности формирования и проявления // СОЦИС. 2006. № 7. С. 19-20.

В последние годы стало ясно, что в таком полиэтническом регионе, каковым является Северный Кавказ, парадигмальные конфликты (конфликт старой и новой научных парадигм, разрешающийся, как правило, научной революцией) разворачиваются, прежде всего, на почве сложных межэтнических и межконфессиональных отношений. Вопрос о национальной принадлежности «вышел за рамки этнологической, шире – культурологической – проблематики и прямо-таки врос мощными корнями в этнополитическую составляющую»[5] дагестанского бытия. Особую опасность представляет непродуманная игра некоторых российских и дагестанских политиков с шовинистическими лозунгами и попытки их наполнения иным содержанием, особенно в преддверии, а то и во время проведения выборных компаний.

В условиях Северного Кавказа соотношение этнической и гражданской идентичностей имеет свою специфику. Российское гражданство для русских имеет большее значение, чем для иных этносов, которым сочетание этнической и государственной идентичности дается труднее. Отождествление себя с гражданами России идет пока по пути государственной идентичности и, как показали исследования 2009 года, лидирует здесь студенческая молодежь.

Несмотря на всю сложность современной ситуации в России, исследования последних лет свидетельствуют о поступательном развитии российской идентичности. Если в 2004 году устойчиво ощущали свою общность с россиянами 31% и никогда не испытывали чувства общности с ними 21% респондентов, то по прошествии трех лет эти показатели составили соответственно 35% и 15%[6].

---

[5] Магомедов Ш. 2010 год: сколько новых национальностей будет в Дагестане? // Настоящее время. 2009. № 11 (77). 27 марта. С. 23.

[6] Российская идентичность в социологическом измерении (Опрос 2007). URL: http:/www.isras.ru/analytical_report_Ident_4.html.

Несмотря на значительное число этнорегиональных и социально-культурных различий, гражданам России, относящим себя к разным национальностям, социальным группам, присуще много общего. Задача консолидации российского общества предполагает выработку новых форм информационной политики.

Завершая, хочется привести слова дагестанца Р.Г. Абдулатипова, который почти дословно сказал следующее: «До тех пор пока в Российской Федерации плохо самой многочисленной ее народности – русским, не будет хорошо никакой другой ее народности».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авксентьев В.А. «Парадигмальные конфликты» и конфликты идентичностей как препятствия на пути интеграции Северного Кавказа в российское цивилизационное пространство // Национальные элиты и проблемы социально-политической и экономической стабильности: Материалы Всероссийской научной конференции (9-10 июня 2009 г., Ростов-на-Дону). Ростов-на-Дону. 2009.

2. Алиев А.К. Северный Кавказ: современная этнополитическая ситуация и пути ее стабилизации. Достижения и современные проблемы развития науки в Дагестане. Тезисы докладов. Махачкала, 1999.

3. Алиев А.К., Юсупова Г.И. Межнациональное согласие как фактор обеспечения стабильности общества в условиях многонационального Дагестана. Махачкала, 1998.

4. Алиев А.К., Юсупова Г.И. Миротворчество и традиции народной дипломатии на Северном Кавказе. Махачкала, 2001.

5. Алиева В.Ф. Демографические процессы в современном Дагестане. Махачкала, 2008.

6. Аминов Д.И., Огаян Р.Э. Молодежный экстремизм. М.: Триада, 2005.

7. Антипова А.С. Ценности ислама и светского государства в социологическом измерении // Социс. М. 2007. № 3.

8. Анчабадзе Ю.Д. Динамика этнополитической ситуации на Северном Кавказе // Межнациональные конфликты в постсоветском обществе. Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технология разрешения. М. 1993. Вып. 3. Ч. 2.

9. Ахмеднабиев А., Шахбанов М. Новая метла для нового округа // Новое дело. 2010. № 3.

10. Бауман З. Мыслить социологически. М., 1996.

11. Бгажноков Б.Х. Основания гуманистической этнологии. М., 2003.

12. Беликов С. Бритоголовые. М.: Пик, 2003.

13. Броневский С. Исторические известия о Кавказе. М., 1825.

14. Бурье П. Практический смысл. М., 2001.

15. Бычкова Е. Почему мы не любим «лиц кавказской национальности» // Аргументы и факты. 2002. № 45. ноябрь. С. 6.

16. Валерий Тишков, Энвер Кисриев. Множественные идентичности между теорией и политикой (пример Дагестана) // Этнические категории и статистика. Дебаты в России и во Франции / Под ред. Е. Филипповой. М.: ФГНУ «Росинформмагротех», 2008.

17. Великая Н. Н., Пылков О. С. О попытках передатировок и изменения названий некоторых городов Северного Кавказа // Виноградов В. Б., Ктиторова С. Н. (ред.). Вопросы южнороссийской истории. Вып. 11. М.-Армавир, 2006.

18. Венедиктова Т. О происхождении лиц «кавказской национальности» // Неокончательный анализ: ксенофобные настроения в молодежной среде / Под ред. Е. Омельченко, Е. Лукьяновой. Ульяновск: Изд-во Ульяновского гос. ун-та, 2009.

19. Волков Ю.Г. Российская идентичность: особенности формирования и проявления // СОЦИС. 2006. № 7.

20. Вольский А. Россию спасут люди без ненависти в глазах // Правда. 1993. 9 сентября.

21. Выступление на совещании о мерах по стабилизации социально-политической обстановки и нейтрализации террористических и экстремистских угроз в еверокавказском регионе. 19 августа 2009 год. Ставрополь // Официальный сайт Президента РФ // http://www.kremlin.ru/appears/2009/01/29/1425_type63378 _212235.shtml.

22. Гаджиев М.С., Кузнецов В.А., Чеченов И.М. История в зеркале паранауки. М., 2006.

23. Гаджимурадова З.М. Особенности этнического самосознания дагестанцев в условиях глобализации общества: психологический аспект // Проблемы сохранения толерантности в условиях полиэтничного и многоконфессионального региона. Сб. науч. статей. Махачкала, 2008.

24. Гасанов З.Т. Воспитание культуры межнационального общения: методология, теория, практика. Махачкала, 1998.

25. Гегель. Философия духа // Энциклопедия философских наук: В 3 т. М., 1977. Т. 3.

26. Гефтер М. В поисках нового «куда» // Московские новости. 1992. № 32.

27. Глухова А.В. Политическая конфликтология: состояние и тенденции развертывания //Конфликты в современной России (проблемы анализа и регулирования). М., 2000.

28. Гудков Л. Массовая идентичность и институциональное насилие. Статья первая. Партикуляризм и вытеснение прошлого // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2003. № 1 (67).

29. Гудков Л. Массовая идентичность и институциональное насилие. Статья вторая. Армия в постсоветской России // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2003. № 2 (68).

30. Дагестан в период социальных реформ. Махачкала, 2002.

31. Демидов С. М. Постсоветский Туркменистан. М.: Наталис, 2002.

32. Денисов Н.Г. Социокультурные основания кавказской и российской гражданской идентичности // Полиэтниеский макрорегион: язык, культура, политика, экономика. Тезисы докладов Всероссийской научной конференции (9-10 октября 2008 г. г. Ростов-на-Дону). Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2008.

33. Денисова Г.С. Самоощущение русского населения в республиках Северного Кавказа: сравнительный анализ // Кавказ. Балканы. Передняя

Азия: Сб. науч. трудов СКРО МНАБ. Вып. I (8). Махачкала: Издательский дом «Народы Дагестана», 2003.

34. Джамалудинов Г.М., Адзиев Х.Г. Прогноз формирования гражданской идентичности в многонациональном регионе (социологический анализ) // Геополитические интересы России на Кавказе: опыт реализации и проблемы / Материалы международной науч.-практич. конференции (23 апреля 2009 г.). Дербент, 2009.

35. Джамбулаев Д. Приоритет: забота о человеке // Дагестанская правда. 2007. 25 января.

36. Дискуссия о движении Шамиля // Вопросы истории. 1947. № 1.

37. Дмитриев А.В. Конфликтология. М., 2000.

38. Доклад председателя ООП РД С.М.-С. Гаджиева «О задачах ООП РД и его членских организаций по выполнению решений VI съезда ФНПР» // Народная Газета. 2007. № 3. март.

39. Дробижева Л. М. Российская и этническая идентичность: противостояние или совместимость /Россия реформирующаяся. М., 2002.

40. Дробижева Л. Российская идентичность в массовом сознании // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2008 году. Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннее предупреждение конфликтов / Под ред. В.А. Тишкова и В.В. Степанова. М.: ИАЭ РАН, 2009.

41. Дробижева Л.М. Проблемы межэтнических отношений в постсоветской России // Социальные трансформации в России: теории, практики, сравнительный анализ. М., 2005.

42. Дробижева Л.М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. М., 2003.

43. Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т.1. Кн. 1.СПб., 1871.

44. Дугин А. Русский вопрос // Росая. 2007. № 7. 22-28 февраля.

45. Жиляев Д.В. Собственная система исторического регионоведения // Историческое регионоведение Северного Кавказа – вузу и школе (Материалы 9-й Всероссийской науч.-практич. конференции). Ч. 1. Армавир, 2005.

46. Звезда. 2000. № 2.

47. Зверева Г.И. «Национальное измерение» российской истории в современной сториографии и публицистике // Теории и методы исторической науки: шаг в XXI век. Материалы международной научной конференции. Отв. ред Л.П. Репина. М.: ИВИ РАН, 2008.

48. Зверева Г.И. Концепт «государственной нации» в современном российском обществе: дискурсивное измерение // Мир Клио. Сб. статей в честь Лорины Петровны Репиной. Т. I. М.: ИВИ РАН, 2007.

49. Зиновьев А.А. Запад. М., 2003.

50. Игнатов В.Г., Бутов В.И. Южная Россия: история и современность // СКАГС, Ростов-на-Дону. 2002.

51. Интервью с ректором Дагестанского института экономики и политики, политологом А.-Н. Дибировым // Настоящее время» (2008. № 24 (39).

52. Кавказская война: народно-освободительная борьба горцев Северного Кавказа в 20-60-х гг. XIX в. Махачкала: Юпитер, 2006.

53. Кавказский Вестник. Тифлис, 1901. № 3 май.

54. Калинина Ю. Покорение Кавказом // Московский комсомолец. 2001. 26 июля.

55. Каптерев П.Ф. История русской педагогики. СПб., 1915.

56. Кольев А.Н. Нация и государство. Опыт реконструкции. М., 2005.

57. Конфедерация народов Кавказа // Этнокультурные и этнополитические процессы на Кавказе в XX в. М. 1996.

58. Крайнова Н. «Если не выпускать пар, взрыв неминуем». Три источника и три составных части экстремизма // Новое дело. 2010. № 3 (939). 22 января.

59. Краткий словарь по социологии / Под общ. Ред. Д.М. Гвишиани, Н.И. Лапина; Сост. Э.М. Коржева, Н.Ф. Наумова. М.: Политиздат, 1988.

60. Крюков А. Дон кишит оборотнями // Новые Известия. 2004. 18 марта.

61. Ксенофобия: вызов социальной безопасности на юге России / Под ред. Ю.Г. Волкова. Ростов н/Д: СКНЦ ВШ, 2004.

62. Кузнецов И.М. «Лица кавказской национальности» в «многонациональной» Москве» (Ч. 2) // ПОЛИТ.РУ [Передовая наука]. 2009. 21 августа.

63. Лебедева Н.М. Социальная психология этнических миграций. М., 1993.

64. Липпман У. Общественное мнение /Пер. с англ. Т. В. Барчунова, под ред. К. А. Левинсон, К. В. Петренко. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004.

65. Магомедов Ш. 2010 год: сколько новых национальностей будет в Дагестане? // Настоящее время. 2009. № 11 (77). 27 марта.

66. Магомедова М.З. Идентичность и толерантность как условие стабильности северокавказского социума / М.З. Магомедова; [отв. Ред. А.К. Алиев]; Регион. Центр этнополит. исслед. ДНЦ РАН. Махачкала: ИПФ «Наука-Дагестан», 2009.

67. Магомедханов М.М. Дагестанцы: Этноязыковые и социокультурные аспекты самосознания. М.: ООО «ДИНЭМ», 2008.

68. Майерс Д. Социальная психология. СПб., 1999.

69. Майлз Р., Браун М. Расизм. М.: РОССПЭН, 2004.

70. Малькова В.К. «Не допускается разжигание межнациональной розни…». М.: Academia, 2005.

71. Мамедов М. Массовые стереотипы и предрассудки в национальных историях и представлениях о прошлом // Национальные истории в советском и постсоветских государствах. М., 1999.

72. Маркедонов С. Терроризм в руках «международных стандартов» 12.07.2006. http://www.apn.ru/ publications/article1471.htm.

73. Мартынова М.Ю. Введение. Меняющаяся Европа: Проблемы этнокультурного взаимодействия. М., 2006.

74. Маслоу А. Мотивация и личность. М., 1998.

75. Мастюгина Т.М., Перепёлкин Л.С. Этнология. Народы России: история и современное положение. М., 1997.

76. Мацумото Д. Психология и культура. СПб., 2002.

77. Медведев Д.А. Выступление на расширенном заседании коллегии Федеральной Службы безопасности. 29 января 2009 года // Официальный сайт Президента РФ //http://www.kremlin.ru/appears/ 2009/01/29/1425_type63378_212235.shtml.

78. Медведев Д.А. Ежегодное послание Федеральному собранию Российской Федерации 2008 г. М., 2008.

79. Мониторинг дискриминации и национал-экстремизма в России / Под ред. Ю. Башиновой, Н. Таубиной. М.: Фонд «За гражданское общество», 2006.

80. Муртузалиев С.И. Мирная экспансия церкви в систему образования и воспитания // Реалии и перспективы поликультурного образования в Дагестане: Коллективная монография / Под ред. С.И. Муртузалиева, В.Н. Цатурова. Махачкала: ДНЦ РАН, 2003.

81. Муртузалиев С.И. Самоидентификация дагестанцев в проблемном поле общероссийской идентичности // Диалог со временем. Вып. 28. М., 2008.

82. Муртузалиев С.И. Северный Кавказ с «изнанки» и «снаружи» (Северный Кавказ. Дагестан, Чечня и региональная политика России в самооценке «кавказских аборигенов» и образ региона у болгар и японцев в свете эмпирических исследований). Махачкала: Формат, 2007.

83. Муртузалиев С.И. Этнопсихологические аспекты межнациональных отношений в «зоне нестабильности» (эмпирические исследования в Дагестане и на Северном Кавказе). Махачкала, 2006.

84. Мусульманин. Париж, 1910. № 13. 10(23) июня.

85. Настоящее время. 2008. № 26 (41).

86. Национальная политика и межнациональные отношения полиэтническом регионе. Материалы научно-практической конференции (24 ноября 2009 г.). Махачкала: ДГПУ, 2009.

87. Национальные элиты и проблемы социально-политической и экономической стабильности: Материалы Всероссийской научной конференции (9-10 июня 2009 г. Ростов-на-Дону) / Отв. Ред. акад. Г.Г. Матишов. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2009.

88. Неоконченный анализ: ксенофобные настроения в молодежной среде / Под ред. Е. Омельченко, Е. Лукьяновой. Ульяновск: Изд-во УГУ, 2009.

89. Нестеров Д. Скины. Русь пробуждается. М.: Ультра-культура, 2003.

90. Новости РАПН. 2009. Вып. 5 (43), декабрь.

91. Нойманн И. Использование «Другого». Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М., 2004.

92. Обсуждение книги В.А. Тишкова «Реквием по этносу» (материалы методологического семинара Института этнологии и антропологии РАН) // Этнографическое обозрение. 2005. № 3.

93. Общественное мнение - 2005. М.: Левада-Центр, 2005.

94. Общественное мнение - 2006. Аналитический Центр Юрия Левады. М., 2006.

95. Ольшанский Д.В. Глоссарий по политической психологии. М.: РУДН, 2003.

96. PR или Умение «раскручивать». М., 2006.

97. Покровский М.Н. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. М., 1923.

98. Послепутчивые два года… // Дагестанская правда. 1993. 27 августа.

99. Разуваев В.В. Национальная идентичность и внешняя политика России // Кентавр. 1993. № 5.

100. Рашковский Е.Б. Ислам: от племенных обществ – к постиндустриальной эпохе // Восток. 2001. № 1.

101. Реалии и перспективы поликультурного образования в Дагестане / Под ред. С.И. Муртузалиева и В.Н. Цатурова. Махачкала: ДНЦ РАН, 2003.

102. Репина Л.П. Время, история, память (ключевые проблемы историографии на XIX Конгрессе МКИН) // Диалог со временем. Вып. 3. М., 2000.

103. Репина Л.П. Память и знание о прошлом в структуре идентичности // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 21. Спецвыпуск: Историографические мифы и этнонациональная идентичность. М., 2007.

104. Российская идентичность в социологическом измерении. Аналитический доклад, М., 2007, препринт (Институт социологии РАН)) (Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2008 г.)

105. Румянцева М.Ф. «Места памяти» в структуре национально-исторического мифа // Диалог со временем.21. М., 2007.

106. Рюзен Й. Кризис, травма и идентичность // Цепь времен: проблемы исторического сознания / Отв. ред. Л.П. Репина. М., 2005.

107. Северный Кавказ в национальной стратегии России / Под ред. В.А. Тишкова. М.: ФГНУ «Росинформагротех», 2008.

108. Сикевич З.В. Русские: «образ» народа. СПб.: Изд-во СПБ университета, 1996.

109. Собкин В.С., Абросимова З.Б., Адамчук Д.В., Баранова Е.В. Подросток: нормы, риски, девиации. М.: ЦСО РАО, 2005.

110. Современный политический экстремизм: понятие, истоки, причины, идеалогия, проблемы, организация, практика, профилактика и противодействие. Рук. авт. колл. Дибиров А.-Н.З., Сафаралиев Г.К. Махачкала: Лотос, 2009.

111. Соколовский С. В. Образы Других в российских науке, политике и праве. М.: Путь, 2001.

112. Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М., 1998.

113. Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности в ситуациях социальной нестабильности: Автореф. дис. … д-ра. психолог. н. М., 2001.

114. Солдатова Г.У., Шайгерова Л.А., Шлягина Е.И. Нарушение этнической идентификации у русских мигрантов // Социологический журнал. 1995. № 3.

115. Состояние и перспективы развития исторической науки Дагестана и Северного Кавказа (Материалы научной конференции). Махачкала, 1998.

116. Социальная идентификация личности – 2. Книга 1. М.: Институт социологии РАН, 1994, С. 22–28.

117. Социально-экономическое положение Республики Дагестана в 2006. Махачкала: Изд-во ТО Федеральной службы государственной статистики по РД. Махачкала, 2007.

118. Социально-экономическое развитие Республики Дагестан. 1998 год. Махачкала, 1999.

119. Социально-экономическое развитие Республики Дагестан. 1999 год. Махачкала, 2000.

120. Стенограмма совещания по вопросам истории СССР в ЦК ВКП(б) в 1944 г. // Вопросы истории. 1996. № 2. С. 56, 64.

121. Степанов В. Этнические отношения и тема дискриминации в общественном восприятии // Этнополитическая ситуация…в 2008 году… М., 2009.

122. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. М., 1999.

123. Стефаненко Т.Г. Этнические стереотипы. М., 2005.

124. Стефаненко. Т.Г. Этнопсихология. Практикум. М., 2006.

125. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. 4-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2007.

126. Сущий С.Я. Северный Кавказ и перспективы формирования российской гражданской нации //Национальные элиты и проблемы социально-политической и экономической стабильности: Материалы Всероссийской научной конференции (9-10 июня 2009 г., Ростов-на-Дону) /Отв. ред. Акад. Г.Г. Матишов. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2009.

127. Тишков В. Гражданская идентичность и этнокультурное развитие // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2008 году Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга … М., 2009.

128. Тишков В. Дилеммы развития России // Этнополитический вестник России. 1992. № 1.

129. Тишков В. Российский народ и национальная идентичность //Этническая ситуация и конфликты в странах СНГ и Балтии. Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов, 2006 / Под ред. В. Тишкова и Е. Филипповой. М.: УОП ИЭА РАН, 2007.

130. Тишков В. Формула и динамика национальной идентичности //Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2008 году. Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга…М.,

2009.

131. Тишков В., Кисриев Э. Множественные идентичности между теорией и политикой (пример Дагестана // Этнические категории и статистика. Дебаты в России и во Франции / Под ред Е. Филипповой. М., 2008.

132. Тишков В., Степанов В. Кем себя считают россияне //Этнополитическая ситуация…в 2008 году… М., 2009.

133. Тишков В.А. Очерки теории и политики этничности в России. М., 1997.

134. Тишков В.А. Реквием по этносу. М., 2003.

135. Тишков В.А. Этнология и политика. М., 2001.

135. Тоффлер Э. Третья волна. М., 2002.

136. Фадеев Р.А. Шестьдесят лет кавказской войны. Тифлис, 1860.

137. Федотов Г.П. Судьба и грехи России. В 2 т. Спб: София, 1991. Т. 2.

138. Философские науки. 2007. № 1.

139. Хадикова А. «Лица кавказской национальности» в постсоветском пространстве России: истоки этнического негативизма http://www.viu-online.ru/science/publ/bulletin2_6_2000/page7.html

140. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М., 2000.

141. Цуциев А.А. Русские и кавказцы: очерк привычных восприятий //Научная мысль Кавказа. 2001. № 3.

142. Черновик. 2008. № 17.

143. Шалин В.В. Толерантность. Ростов-на-Дону, 2000.

144. Шаповалов А. Кому на Дону жить хорошо… // Независимая газета. 2003. 5 декабря.

145. Шахбанов М. Насколько мы дагестанцы? // Черновик. 2008. № 15. 11 апрель.

146. Шмитт К. Понятие политического // Вопросы социологии. 1992. Т. I. № 1.

147. Шнирельман В.А. Ценность прошлого: этноцентристские исторические мифы, идентичность и этнополитика // Реальность этнических мифов. М., 2000.

148. Шнирельман В.А. «Чистильщики московских улиц»: скинхеды, СМИ и общественное мнение. М., 2007.

149. Шнирельман В.А. Идентичность, культура и история: провинциальный ракурс // Вестник Института Кеннана в России, 2008. Вып. 13.

150. Шнирельман В.А. Патриотическое воспитание: этнические конфликты и школьные учебники // Расизм в языке образования, / Под ред. В.Воронкова, О.Карпенко, А. Осипова. СПб.: Алетейя, 2008.

151. Элиаде М. Космос и история. М., 1987.

152. Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2008 году. Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов / Под ред. В.А. Тишкова и В.В. Степанова. М.: ИАЭ РАН, 2009.

153. Этнопсихологический словарь / Под ред. В.Г. Крысько. М.: Московский психолого-социальный ин-т, 1999.

154. Ярлыкапов А.А. «Народный ислам» и мусульманская молодежь Центрального и Северо-Западного Кавказа // ЭО. 2006. № 2.

155. Ярлыкапов А.А. Молодежные джамааты на Северном Кавказе //Проблемы сохранения толерантности в условиях полиэтничного и многоконфессионального региона. Сб. науч. статей. Махачкала, 2008.

156. Erikson E. Identity and the Life Cycle //Selected Papers Psychological Issues. NY, 1959. Vol. 1.

157. Lasswell H., Leites N., Language of Politics. New York, 1949.

158. Shnirelman V. A. A revolt of social memory: the Chechens and Ingush against the Soviet historians // Ieda O., Uyama T. (eds.). Reconstruction and interaction of Slavic Eurasia and its neighboring worlds. Sapporo: Slavic Research Center, Hokkaido University, 2006.

159. Smith A.D. National identity and idea of European unity // International Affairs. 1992. Vol. 68. № 1.

160. Tajfel H. Social stereotypes and social groups // Intergroup behaviour. Oxford, 1981.

161. www.adamalla.com/showthread.php?t=2549

162. www.isras.ru/analytical_report_Ident_4.html/ Российская идентичность в социологическом измерении (Опрос 2007).

163.www.miacum.ru/gazeta/2007/11/22/avarci_vs_azeriturki_protivostoianie/Войны памяти: уничтожение аварских памятников в Азербайджане

164. www.traditio.ru/wiki/лицо кавказской национальности.

165. www.wikipedia.org/wiki/ Аварцы

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

БСЭ – Большая Советская Энциклопедия

ВЛКСМ – Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз молодежи

ДГМА - Дагестанская государственная медицинская академия

ДГПУ – Дагестанский государственный педагогический университет

ДГСХА - Дагестанская государственная сельскохозяйственная академия

ДГТУ – Дагестанский государственный технический университет

ДГУ – Дагестанский государственный университет

ДНЦ РАО – Дагестанский научный Центр Российской академии образования

ДНЦ РАН – Дагестанский научный Центр Российской академии наук

ДУМД – Духовное Управление мусульман Дагестана

ИУЗ – Исламские учебные заведения

КПСС – Коммунистическая партия Советского Союза

МГУ – Московский государственный университет

Миннац – Министерство по национальной политике, информации и внешним связям РД

Минюст – Министерство юстиции

МО – Министерство образования

РД – Республика Дагестан

РПЦ – Русская Православная Церковь

РФ – Российская Федерация

Сб. – Сборник статей

СКРО МНАБ – Северокавказское региональное отделение Международной Научной Ассоциации болгаристов

СМИ – Средства массовой информации

ЭВМ – Электронно-вычислительные машины

ЭО – Этнологическое обозрение

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОЕ ИЗДАНИЕ

Муртузалиев Сергей Ибрагимович

ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИЧНОСТИ

«КАВКАЗЦЕВ» И «РОССИЯН».

Технический редактор

Эседуллаева Н.В.

Дизайн обложки и оригинал-макет:

С.И. Муртузалиев

Сдано в набор 25.12.09. Подписано в печать 05.12.2010.

Формат 60х84 1/16. Бумага офсет 1. Печать ризографная. Гарнитура Таймс.
Усл. п. л. 10, 05 Изд.л. 10,3. Заказ № 041-10 Тираж – 500 экз.

Отпечатано в тип. ИП Тагиева Р.Х. г. Махачкала, ул. Гамидова, 2

«Формат»

Муртузалиев Сергей Ибрагимович – ведущий научный сотрудник УРАН Регионального Центра этнополитических исследований ДНЦ РАН, зам. декана исторического факультета по научной работе, профессор кафедры Истории стран Европы и Америки ДГУ, доктор исторических наук. Заслуженный деятель науки РД, Почетный работник высшего профессионального образования РФ; Член Президиума Ассоциации этнологов и антропологов России (с 2005 г.); член Российских Ассоциаций политической науки и социологии (Дагестанские отделения РАПН).

В 2007 г. награжден Дипломом Министерства образования и науки РФ «За научное руководство студенческой работой, отмеченной медалью «За лучшую научную студенческую работу» в вузах РФ. В 2008 г. награжден Почетной грамотой Комитета Правительства РД по делам религий за большой вклад в сохранение межнационального и межконфессионального мира и согласия в РД. Ветеран труда.

В 1986 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Болгарский народ и османская политика исламизации (вторая половина XV-XVI вв.)» в Институте славяноведения и балканистики РАН (Москва). В 1995 г. защитил докторскую диссертацию на тему: «Изучение истории Болгарии XV-XVI вв. в России (XV в.–конец 1840-х годов)» в МГУ (Москва).С 1999 г. активно исследует различные проблемы Дагестана и Северного Кавказа, продолжая изучать средневековую, новую и новейшую историю Болгарии и Турции, по которым издал 8 монографий.

Директор Всероссийского Межвузовского Центра по новым педагогическим технологиям гуманитарного образования (1996-1999 гг.); Председатель Северо-Кавказского регионального отделения Международной научной ассоциации болгаристов (с 1996 г.); член правления международной Ассоциации религиозной свободы (с 2002 г.); член экспертного совета по делам религии при правительстве РД (2003-2008 гг.); Председатель Дагестанского регионального отделения Российского общества интеллектуальной истории (с 2005 г.); главный редактор ежегодных научных сборников (с 1996 г.) «Болгария-Дагестан-Турция», с 2003 г. – «Кавказ. Балканы. Передняя Азия» (2003-2007 гг.); гл. ред. научного сборника «Интеллектуальная история: факты, события, люди» и главный редактор других сборников научных трудов. Организатор ежегодных региональных, всероссийских и международных преподавательско-студенческих научно-теоретических конференций – Дзагуровских чтений: «От Античности к Возрождению» (2002-2009 гг.).

Автор более 400 научных трудов (из которых ок. 20 изданы за рубежом) и учебно-методических пособий по средневековой истории Болгарии и Османской империи, по историографии России и «болгаристики османского периода», по средневековым и современным проблемам истории светского и конфессионального образования, конфликтологии, религиоведения, этнополитики, этнопсихологии и этносоциологии Дагестана и Северного Кавказа.